

Анна Батлук

ОБЕЩАНА ДРАКОНУ,

или
Свастис на договору

Еще до рождения Лорелла была обещана дракону. Вся жизнь ее прошла в ожидании неминуемой свадьбы с ненавистным монстром, а это значит, что нет возможности распоряжаться своей судьбой, влюбиться, и вообще, вздохнуть полной грудью. Когда наступит так долго отодвигаемый ею момент, Лорелла не испугается, а даст дракону отпор. Но такое ли уж чудовище ее жених?

Обещана дракону, или Счастье по договору

На светлое дерево, из которого была сбита наша конюшня, заходящее солнце бросало живописные блики всех оттенков красного. Я натянула поводья, заставив Лэшер остановиться, и обернулась к горизонту. Длинная дорога, с которой мы только что сошли, желтой лентой вилась, разрезая фиолетовые поля аллиумов надвое.

На вишне, посаженной мною возле конюшни, заливался черный дрозд, приманенный правда уже не мной, а младшей сестрой, но вся эта сцена, в центре которой я сейчас находилась, захватывала дух, и всю сущность мою пронзило желание умчаться вдаль, подхлестывая лошадь криком и не оглядываясь на поместье. Я даже потрепала Лэшер по холке, призывая развернуться, и уехала бы, правда уехала, оставляя все свои потухшие надежды здесь, как вдруг, от конюшни раздался голос, звук которого, за последний месяц я уже просто возненавидела.

— Леди Лорелла, вы отдаете себе отчет в том, что ваше поведение недопустимо?

Я подчеркнуто громко вздохнула и направила лошадь к воротам, где, уперев руки в боки и покраснев от злости, меня ждал низенького роста пухлый, чрезвычайно важный мужчина с большими залысинами и слишком крупным для такого мелкого человека ртом. Одет он был как обычно — черный длинный кафтан, застегнутый на все пуговицы, и поверх воротника жабо белоснежной рубашки. Высокие сапоги высотой до колен, совершенно мужчине не шли — при таком длиннополом кафтане создавалось впечатление, что его ноги Духи наметили, но продолжить забыли, а может им было недосуг. Все это выглядело просто нелепо, но барон Гритберли, а это был именно он, чувствовал себя абсолютно спокойно, и я бы даже сказала, был во всеоружии.

Я специально спешила рядом с ним (а ведь уже всем в имении известно, как барон боится лошадей), и передала поводья подскочившему конюху. Но соизволила ответить на заданный мне вопрос, только погладив Лэшер на прощанье по спине

— Ваша милость, помилуйте (вы оценили как звучит?), чем же я посмела вас возмутить?

— Вы прекрасно знаете, — сплевывая каждое слово, и немного шепелявя на букве «с», заявил Гритберли. — Не далее как вчера, мы с вами обсуждали, что поздние прогулки для леди вашего положения не только, как я уже сказал, недопустимы, но даже, на мой взгляд, абсурдны.

— Прошу прощения, — скромно потупила глазки, обдумывая при этом способы убийства. — Наверное, я просто забыла, мы же, дамы, так недолговечны в своем раскаянии и так устойчивы в глупости.

Сказала я так, намекая на вчерашний разговор барона с моим отцом. И если отец, запуганный тем, кто послал Гритберли, краснея и хватаясь за подлокотники кресла, промолчал, то я, и три мои сестры, которым уши никто не затыкал, прощать такие слова не намерены.

— Отрадно понимать, что я в очередной раз оказался прав, — с пафосом воскликнул барон. — Но даже вы, особа, не обремененная излишними моральными и интеллектуальными потугами, должны соображать, что далее так продолжаться не может.

— Это вы сейчас к оскорблениям перешли? — ахнула я. За месяц моих пакостей барон

себе такого не позволял, предпочитая отмалчиваться, а потом выпускать пар. Для этого он скрывался в своей комнате и обзывал меня последними словами. Об этом мне донесла младшая сестренка Дарлайн, сама я до подслушивания не опустилась ни разу.

— Нет, я просто констатировал факт, — рывкнул Гритберли. — И если еще раз, я повторяю, хотя бы еще раз вы выкинете что-то подобное...

— То что? — холодно прервала поток его угроз я, приподняв бровь и глядя на барона сверху вниз. Вдруг разом преисполнилась гордости, присущей нашему роду, и еле сдерживаясь, чтобы не залепить наглому выскочке пощечину, ядовито заметила:

— Вы ничего не вправе мне предъявить, барон. Ваше присутствие здесь, не более, чем блажь моего высокопоставленного жениха, на которую мои родители почему-то согласились. Будьте уверены, была бы на то моя воля, вы бы умчались в закат, привязанный к лошади, в первый же день появления здесь. О, и замечу, ваши дикие крики, вызванные страхом перед животными, веселили бы всех обитателей нашего удела. Не заставляйте меня придумывать всевозможные причины вас отсюда выгнать. Учтите, иногда я бываю очень упорной, а в сочетании с моим злопамятством...вы наживаете себе кровного врага.

На протяжении всей моей гневной отповеди, цвет лица барона менялся от здорового поросячье-розового к бордовому и обратно, а когда я замолчала, Гритберли шагнул ближе и зло прошипел:

— Боюсь, вы не замечаете всей величины ваших проблем, леди. Спешу вам напомнить, что я обладаю правом вызвать вашего жениха.

— Вы считаете, я боюсь человека, с которым мне придется прожить всю жизнь? — я рассмеялась, стараясь не показать, как испугана таким заявлением барона.

— Я знаю это, — важно произнес Гритберли. — Паника воцарилась в вашем доме с тех самых пор, как я сюда приехал. Мне боятся слово поперек сказать, не то, что выгнать, и мы оба знаем, отчего так происходит. Ваш жених, леди, будет очень недоволен, если его вызовут сюда раньше необходимого, поэтому давайте не будем нагнетать обстановку, и займемся каждый своими обязанностями.

— Чем занимаетесь вы, я знаю — ходите по дому и читаете всем обитателям нотации. А позвольте уточнить, какие обязанности у меня?

— Вышивайте подвенечное платье, практикуйтесь в магии, начните сочинять стихи, — развел руками барон. — Я даже не имею ничего против общения с подругами. Меня возмущают ваши долгие прогулки в одиночестве, посещение крестьянских домов и общение с челядью мужского пола. Если моменты, на которые я указал, и в дальнейшем будут иметь место, то мне придется рапортовать герцогу о порочности вашего поведения.

— Рапортовать? — горько воскликнула я. — Ваша милость, да вы никак на войне! И с кем же, если позволите, воюете? Не со мной ли часом?

— Леди Лорелла, — барон отвесил мне глубокий поклон. — Думаю, мне нет нужды отвечать на ваш вопрос, лишенный какого-либо логического обоснования. Я вынужден удалиться сейчас, надеюсь, что вы потратите свое время на то, чтобы обдумать мои слова.

— Всенепременно, — процедила я, провожая взглядом переваливающегося с ноги на ногу мужчину. Подняла с земли хорошую такую каменюку и прицелилась, затем, осознавая, что такая выходка будет иметь свои последствия, со вздохом запустила камнем в ближайшие кусты. Горечь от осознания правдивости сказанных Гритберли слов волнами уничтожала оставшееся от прогулки хорошее настроение. Дождавшись, пока барон скроется за домом, медленно пошла по вымощенной камнем дорожке в сад.

День, когда я появилась на свет, не задался с самого начала. Дождь лил как будто не из ведра, а из огромной бочки, ежеминутно гремел гром, заглушая крики роженицы, а целитель, за которым карету отправили еще с вечера, запаздывал.

Отец сидел в кабинете и пил один бокал рома за другим, стараясь не думать о том, что именно сейчас рождается еще один наследник рода УолтВисби, а наследовать- то ему будет и нечего. Ночью истекал последний срок гашения закладной на имение и, судя по тому, что даже с целителем планировали расплатиться семейными драгоценностями, все имущество виконта наутро должны были продать с молотка.

Пьяный виконт, смотрел на портрет своего отца, раздумывая, а не повеситься ли прямо перед ним, и не понял, в какой момент, в кабинете появился распорядитель дома Шнитор. Как всегда, он церемонно поклонился, и доложил о посетителе.

Отец встал, помянул недобрым словом всех шляющихся по такой погоде гостей, и приказал звать. Его нещадно штормило и, чтобы придать себе подобающий вид, он был вынужден держаться за спинку кресла. Ввиду своего состояния, а также из-за того, что свечей не зажигали в целях экономии и кабинет освещал только огонь в камине, вошедшего высокого мужчину, закутанного в черный с красным подолом плащ, отец сразу и не разглядел.

— Приветствую вас, — заплетающимся языком пробормотал виконт. — Милорд... Простите, не знаю вашего имени.

— О, лорд УолтВисби, оставьте церемонии, уверен, меня вы помните, вам только необходимо лучше присмотреться.

И в этот миг неожиданно погас камин.

Виконт удивленно обернулся, не понимая, как такое вообще возможно — только что огонь пламенел ярко и ровно, а теперь не горели даже тлеющие угольки.

— Извините, — ошеломленно пробормотал отец, потирая глаза и мысленно проклиная весь алкоголь на свете. — Я сейчас позову Шнитора, он разожжет огонь в камине заново, и мы продолжим.

— Не стоит беспокоиться, — и гость улыбнулся. Отец миллион раз клялся в этом, хотя сам подтверждал, что в такую темень, какая стояла тогда в кабинете, разглядеть улыбку было невозможно. В ту же секунду вспыхнуло пламя в камине, весело затрещали сучья, а самое удивительное, что свечи, которые так долго стояли в канделябрах незажженными, что все уже про них забыли, сверкнули яркими огоньками.

Лицо мужчины осветилось огнем и тут же стало узнаваемо. А виконт, рассмотрев, наконец, кто перед ним стоит, от неожиданности сел мимо стула, и пребольно ударился тем, что в приличном обществе обычно не поминают. Но тогда на это он внимания не обратил, во все глаза рассматривая гостя.

Следует заметить, что в нашем королевстве существует практика наделения пэров титулами и земельными наделами не столько за заслуги перед короной, хотя это, безусловно, учитывалось, сколько за Дары, коими род наделили Духи.

Например, в нашем роду УолтВисби, все представители имеют власть над животными. Кто поспособнее, может даже занимать сознание любого зверя, кто-то повелевает стаей волков одним только голосом, а кто-то, в частности я, с трудом понимает, что от него хочет собственная лошадь. Общение с животными для меня походит на плохо выученный урок — вроде в общих чертах знаешь, о чем идет речь, а вот детали ускользают.

На западе с нами соседствует граф Витторби. Его род властвует над растениями, и

именно из-за этого между нашими владениями уже долгие годы ведется негласная война. Все дело в том, что моя матушка, выйдя замуж за виконта, изгнала с наших полей всех вредителей и грызунов, а куда им было податься, кроме как не на цветущие сады наших соседей? Нет, разумеется, в иных условиях вредители разбежались бы в разные стороны, осчастливив своим появлением не только графские имения, но матушка, обиженная за что-то на леди Витторби, чуть ли не самолично их проводила на ненавистные земли. С тех самых пор, на западной границе наших владений стоят вооруженные до зубов мыши, кроты роют окопы, а суслики научились метать из пращи камни и сидят теперь в засаде.

В свою очередь, со стороны Витторби, на границе, с хлюпаньем вырывая из почвы корни, несут свою вахту грибы. В основном, конечно, мухоморы, но встречаются среди них и подосиновики со стайками опят. Лианы оплетают приграничные растения, готовые по тревоге скрутить наглых нарушителей границы, а красивые с виду цветы отравляют бегущих мимо мышей своей пылью. Регулярно обе армии устраивают сражения, в которых немало уже полегло солдат и с той и с другой стороны, но леди-полководцы заключать мирное соглашение пока не намерены.

На востоке нашим соседом является виконт ИстХейм. У него восемь сыновей и все они, как и их отец, обладают возможностью мгновенного перемещения куда-либо. Уже трое старших сыновей виконта женаты на моих сестрах, и одно время Корон ИстХейм захаживал к нам, видно, лелея надежду еще раз породниться с родом УолтВисби, уже через меня. Я с удовольствием встречала его в прихожей, и соглашалась на прогулки в сопровождении младшей сестры, так как знала, что ни к чему большему это не приведет. Толстый и неуклюжий Корон нисколько не прельщал меня в качестве супруга.

Когда виконт ИстХейм узнал о симпатиях сына, тому досталось по первое число, путь на наши земли ему естественно был заказан, а мы вновь погрузились в пучину нестоличной скуки.

Северная граница нашего имения соседствует с обширными владениями маркиза ПремСбита. Один из его предков умудрился жениться на русалке, что, насколько я знаю, никому больше так и не удалось повторить, и с тех пор, потомки того, самого старого ПремСбита подчиняют себе водную стихию. Обе дочери маркиза сейчас считаются самыми завидными невестами. Еще бы, кому не хочется иметь в женах красавицу, холодными чертами лица подобную русалкам, которая к тому же обладает недюжинным Даром и впечатляющим приданым? Жаль только, что характер у всех представителей род ПремСбит оставляет желать лучшего.

На юге, слава Духам, сотворившим мир, мы соседствуем с родом, имеющим самое большое количество потомков — ПенсикДорс, но главное их преимущество не в численности, а в даре врачевания. Сейчас объясню в чем дело. Издавна так повелось, что лорды стремятся взять в жены подходящих им по статусу. Но не сразу древние лорды догадались, что определенные способности являются доминирующими. Допустим, если отец семейства обладает магией воды, а мать управляет воздухом, то дети их не смогут повелевать обоими стихиями, а с вероятностью 99,9 % в первый же день своего существования устроят в детской потоп.

Повезло родам, фамильное древо которых разветвлено настолько, что выбрать жениха или невесту из числа дальних родственников не является проблемой. А тем, кому не посчастливилось, пришлось путем проб и ошибок выяснять, по отношению к какому из даров их собственный, является доминантным. ПенсикДорс во всех смыслах моего

пояснения являются счастливыми — лекарские способности подавляют любой дар, а огромное количество кузин и кузенов позволяет не страдать от того, что с предложением руки и сердца никто не спешит. Мало кто из родов желает своим потомкам вместо способности мгновенного перемещения или обращения в животное, подарить обязанность в любую погоду спешить к роженицам или к хлюпающим носом тошнотикам.

Дар же моего рода медленно, но верно угасает. Уже давно выяснилось, что способность понимать язык животных поддерживается только чистотой крови. Несколько веков наши предки женились и выходили замуж не только за дальних, но и за близких родственников. Всем в нашей семье известен сумасшедший прадед по имени Пиксли, который заставил свою 35-летнюю дочь выйти замуж за 14-летнего брата, и все помнят, как нехорошо это закончилось. Все осуждают злобного прадедушку, но у каждого главы рода УолтВисби седеют волосы, когда остро встает вопрос о женитьбе выросших детей. Моему отцу еще повезло — мама оказалась поздней дочерью одной из его дальних теток, но нам с сестрами ни одного даже самого захудалого кузена не досталось.

Вот так моему отцу и пришлось позабыть о принципах чистоты рода, когда для Эсбет, Лисе и Корпилд настала пора выходить замуж. Лучше уж внуки с даром перемещения, чем злющие дочери в статусе старых дев.

Поэтому, отец в принципе не удивился бы любому гостю мужского пола, помня, что у него подрастает еще и Клара. Любому, но герцог ГримГайл, который стоял прямо перед виконтом, поверг того в священный ужас.

За страх отца осудить трудно — даже король старался лишней раз не тревожить опору своего трона, уважая и опасаясь его одновременно. Герцог ГримГайл, в отличие от большинства жителей королевства, не совсем человек, а если точнее, в нем очень мало человеческого, в драконе-то. Огонь бурлит в его венах, заставляет вскипать и загораться кровь, и предугадать действия сильнейшего лорда даже не страны, а как минимум, материка, не всегда представляется возможным.

Естественно, герцог знал о реакции, какую вызывает его персона, поэтому вежливо подождал, пока виконт придет в себя, выпьет для храбрости, потому что от ужаса хмель уже весь выветрился, и только тогда пояснил цель своего появления.

Как оказалось, ГримГайл решил жениться. Виконт вспомнил о Кларе, и сам себе посочувствовал, потому что отдавать любимую дочь, родную кровиночку дракону, он, как минимум, не хотел. В голове его роились мысли о масштабе разрушений, которые устроит разъяренный отказом герцог, и которые странным образом его не пугали, ведь все равно уже через несколько часов имение уйдет с молотка.

ГримГайлы всегда женились только на женщинах своего рода. Естественно, что если ты можешь перевоплощаться в злобного огнедышащего дракона, то и супруга у тебя должна быть соответствующая, чтоб не спалить ее в разгар ссоры. За герцогом уже давно охотились его родственницы, даже те, кто вышел из детородного возраста, но все без толку. Как он сам заявлял — он еще слишком молод. И тут такое заявление!

Виконт три раза проговорил про себя молитву Духам, посчитал, что этого довольно, и аккуратно поинтересовался, а почему Его Светлость пришел с таким заявлением в его дом. Как, известно, на территории имения УолтВисби драконих отродясь не водилось. Все-таки мой отец еще лелеял надежду, что герцог адресом ошибся, но его чаяниям сбыться было не суждено.

— Виконт, о составе вашего семейства я наслышан, как знаю и о том, что в настоящий

момент ваша жена рождает вам пятую дочь.

— Это еще неизвестно, — машинально ответил отец. — Я имею в виду пол ребенка.

— Лорд УолтВисби, мне ли напоминать вам о проклятии леди Нисбет?

Виконт тяжело вздохнул. Об этой достопочтенной, но ненавистой нашему роду женщине он мечтал не вспоминать никогда. До того, как мой отец женился на маме, была у него недолгая интрижка с замужней леди. Естественно, участвующие в таком неприличном деле, как адюльтер, мужчины (помимо собственного отца я имею в виду и рогатого муженька), хотели бы сохранить грехопадение дамы в тайне, но она решила по-другому.

Когда леди дали отставку, она отправилась в храм, причем в такой день, когда там людей было более, чем обыкновенно, и попросила у Духов наказать соблазнителя. Расплату она придумала своеобразную. По ее задумке, рождаться от виконта УолтВисби должны были исключительно девочки, по-видимому, мерзавка знала, как он мечтал о сыновьях. Взамен интриганка пообещала Духам свою силу.

Все прихожане храма с любопытством смотрели на молоденькую леди Нисбет в полупрозрачном пеньюаре (я так вообще считаю, что она в таком виде в храм отправилась исключительно за новым любовником) и шептались. Со всех сторон слышались смешки, что немудрено, ведь Духи на такие просьбы обычно не откликались, их профиль наоборот, наделение силой. Но как назло, именно в этот момент, как видно, у кого-то из небесного пантеона было плохое настроение и от всей гадливенькой душонки этот кто-то решил злобной женщине помочь.

Откровенная одежонка леди внезапно окрасилась кровью, а сама она в судорогах повалилась на пол. Все бросились на помощь, причем жрец, которому по статусу женщин касаться нельзя, бежал к леди Нисбет впереди толпы, раскидывая толстыми ногами полы алой хламиды. Вызвали лекаря, но когда он явился, женщина себя отлично чувствовала, вот только сила ее (а раньше леди в животного какого-то обращалась, подозреваю, в жабу) исчезла. Ситуация была неоднозначная, все жители королевства пошептались, сошлись на том, что это совпадение, но за личной жизнью моего отца с тех пор следили с повышенным вниманием. И не зря. Виконт женился, жена родила ему дочь, а к моменту появления герцога ГримГайла в нашем доме дочерей было уже четверо, и так как мама была беременна, беднота принимала ставки 100 к 1, что опять родится девочка. Тем, одним единственным поставившим на мальчика был как раз мой отец.

— Так вот, уважаемый лорд УолтВисби, — продолжил герцог. Мне представляется, что в этот момент он выглядел крайне зловеще. — Памятуя об этом проклятии, и зная о ваших чудовищного размера долгах, я хочу предложить вам сделку.

Отец вспомнил о последней закладной и приготовился внимательно слушать.

— Я оплачу все ваши долговые расписки и даже более — выплачу вам сумму, равную двум таким поместьям, — герцог пренебрежительно повертел пальцем над головой.

— Надеюсь, вы понимаете, что я далеко не меценат?

За окном раздался удар грома, и вздрогнувший от неожиданности отец, кивнул.

— Я бы хотел помолвки с одной из ваших дочерей.

— Клара еще слишком мала, — проблеял отец, но как я подозреваю, он был уже крайне воодушевлен открывающимися перспективами.

— Лорд УолтВисби, — поморщился герцог. — Во-первых, помолвка — далеко не свадьба, и вы, как человек, укравший собственную жену прямо с порога свадебного храма, в который она шла с другим, должны бы об этом помнить. А во-вторых, заключить с вами

брачный договор я бы желал на самую младшую, пока не рожденную дочь.

— Но почему?!

— Считайте это блажью богатого повесы, — отмахнулся ГримГайл. — Вся моя родня считает, что мне пора жениться, и подтвержденная брачным договором перспектива свадьбы их, безусловно, успокоит. Я же, надеюсь, за ближайшие 17–18 лет смирюсь с неизбежностью присутствия в своей жизни супруги.

Обычно, на этом месте рассказа я фыркала и уходила прочь, уже зная, что мой отец и проклятый герцог договорятся и даже составят брачный договор. Всегда неприятно было понимать, что Клару отец не согласен был выдавать замуж за дракона, а когда речь зашла обо мне, пусть еще и не появившейся на свет, так мужчины сразу пришли к согласию.

Все восемнадцать лет моей жизни отец клянется и призывает в свидетели Духов, что он найдет способ расторгнуть помолвку и мне не придется выходить замуж за дракона, имя которого за все годы обросло еще большим количеством страшилок. Но по итогу, деньги, уплаченные герцогом, закончились, новые зарабатываются с превеликим трудом, и совсем не в тех количествах, в которых хочется, поэтому и родилась я, и живу, невестой дракона.

Мало мне было того, что от меня на всех балах кавалеры шарахались, только услышав, кто мой жених, так месяц назад, прямо в день моего восемнадцатилетия, по высочайшему повелению дражайшего герцога, к нам в поместье заявился барон ГритБерли. Против его присутствия на празднике никто не возражал, но возникнув на пороге, он потряс перед моим отцом копией брачного договора и тыкнул своим толстеньким, похожим на сардельку пальчиком в пункт о полной передаче меня в собственность герцога по достижении венчального возраста. Собственно, в договоре подразумевалось, что в этот день я уже должна перед алтарем стоять, и трепетно прижиматься к своему супругу. Но когда взбешенный отец спросил, где же жених и почему он не спешит помолвку перевести в статус брака, ГритБерли противным голосом и явно издеваясь, указал на бесконечную занятость герцога и личную просьбу (естественно не приказ, бароны же с герцогами лучшие друзья) лорда ГримГайла последить за сохранностью его невесты (читай, личного имущества).

В общем, праздник был безнадежно испорчен, отец мой приналег на выпивку, боевая матушка, которая вообще в восторге от навязанного мне брака не была, кинулась упитанного барона бить, сестры мои бросились вроде как ее оттаскивать, а на деле, принимали в драке живейшее участие. Мне же оставалось приналечь на десерт, с чем я успешно справлялась.

Когда кучу малу все-таки разняли и весьма потрепанный барон опять принял важный вид, стараясь, правда, держаться подальше от моей матушки, я поинтересовалась, надолго ли Его Милость к нам прибыли. По этому поводу барон ничего вразумительного ни мне, ни гостям поведать не смог, чем, честно сказать, меня очень порадовал. Потому что, пока Его Милости большая часть моей семьи квасила нос, я уже поняла, что детские надежды на то, что герцог пошутил (хоть и весьма впечатляюще), рухнули, и скоро состоится моя свадьба. Удивительно конечно, что меня просто напросто не погрузили в карету и не отправили по месту родового поместья ГримГайлов, все-таки я уже его собственность, но раз уж меня оставили дома, то сам собой напрашивался вывод: пока барон здесь, проедает наши продукты (в больших количествах кстати), герцог вряд ли появится, а значит что? Значит нужно кормить барона поусерднее, чтобы он своему хозяину доносил, что в его присутствии необходимости нет и гулять он может хоть до взлета земляных червей.

План по откорму доверенного разбился о броню хамства и нравоучений барона. Через два дня его пребывания в поместье УолтВисби, я готова была взвыть, и замужество меня уже

так не пугало.

Через четыре дня озверели все обитатели усадьбы, и от очередного избиения, лорда ГритБерли спасла только заметка в газете, которая всем желающим прочесть поведала, что герцог ГримГайл вернулся с победой из очередной военной кампании, и даже успел поразить на дуэли представителя рода ФарготТов. Подробности происшедшего заметка не содержала, но все же все мои ближайшие родственники впечатлились, и решили отбросы, дрейфующие у самого берега, до поры до времени не трогать, а посмотреть, затонут они сами, или их все же выловит кто-то влиятельный. Если бы кто-то поинтересовался моим мнением, то я бы поручилась всем своим приданым, что заметка в газете дело рук самого барона, но самостоятельно разжигать конфликт не хотелось.

Молчание мое, однако, выходит теперь боком — приходится сидеть оскорбленной, в одиночестве, в собственном саду, на старых качелях, которые когда-то собственноручно сбил отец для старшей из дочерей — Эсбет.

Для него это конечно было подвигом — виконт отродясь в руках ничего тяжелее стакана не держал, так что качели висели на прогнившем уже дереве, как свидетельство тяжкого жертвования отца собой ради детей. Слава Духам, что к моменту моего рождения фантазия у виконта как-то поугасла, и дальше поцелуя в лоб проявления отцовской любви не заходили. Бедная же Эсбет на этих качелях какие только травмы не получала, все-таки стакан батюшка держал крепче, чем молоток.

Года три назад я попросила нашего конюха немного творение виконта обновить, дабы свести их травмоопасность к жизненно необходимому минимуму. Все было отлично, пока батюшка в окно не увидел, как на качелях, о существовании которых он успел забыть, ничуть не боясь, раскачивается Дарлайн. Всей нашей семье пришлось пережить волну вновь возрожденной гордости отца, которая выразилась в демонстрировании этих треклятых качелей всем гостям. Естественно, сие действие сопровождалось инструкциями, которые завершались словами: «Сделал на века! Двадцать пять лет им уже, а они как новенькие!» и приглашениями проверить.

Бахвальство пришлось прекратить после того, как дородная леди Бифсвори, которая родила уже 15 детей, и как следствие, выкормила им свой мозг (другого объяснения ее действиям я найти не могу), папиным уговорам поддалась.

Дама оттолкнулась от земли раз, другой, и качели, не рассчитанные на огромный вес, счастливой обладательницей которого была леди Бифсвори, крякнули, скрипнули, и, наконец, рухнули.

На тот момент у нас гостили еще и ПенсикДорсы, поэтому леди физически не пострадала, но ее самолюбие точно получило повреждения, нанесенные оглушительным хохотом пьяненького лорда Бифсвори.

Ремонтировать качели опять доверили конюху, теперь уже с согласия виконта, и паломничество к ним прекратилось.

Темнело, и в столовой, выходящей окнами в сад, зажгли свет, готовясь к ужину. Я опустила голову на колени и принялась наблюдать за снующими по комнате Лиззи и Милке — неизменными горничными нашего поместья.

Послышался шорох, и легко прикасаясь пальчиками к моей спине, мимо скользнула Дарлайн. Сестренке уже исполнилось 14 лет, она считала себя совсем взрослой и, начитавшись романов, даже сейчас, поздним вечером, в саду, одета была как первая леди королевства, в надежде, что ее судьба будет проходить мимо, взглянет сквозь просветы

изгороди и тут же влюбится. Дарлайн выглядела превосходно и я даже залюбовалась. Длинные светлые волосы завиты, уложены в пышную прическу и украшены цветами. Насколько мне известно, бедная Лиззи по три часа каждое утро проводила в спальне Дарлайн, взбивая ее волосы и доводя облик до совершенства. Косметикой сестра пользовалась очень умело, несмотря на юный возраст — большие голубые глаза немного подведены, придавая взгляду необходимую поволоку и загадочность, совсем чуть-чуть розовой помадой подчеркнуты губки и в тон им смущенно рдеют щечки. Платье также было выше всяких похвал. Модного в этом сезоне голубого цвета, с узкими рукавами и широким декольте, оно подчеркивало пышные формы Дарлайн.

Обычная в нашей семье практика передачи старых платьев младшим сестрам в случае с Дарлайн не сработала. Я была на голову выше сестры и в полтора раза худее. Поэтому, даже в качестве домашних платьев, мою одежду перешивать смысла не было.

— Опять с ГритБерли поругалась? — звонким голосом поинтересовалась сестра.

— Опять, — я вздохнула и подвинулась, освобождая ей место. Дарлайн тут же уселась рядом и хлопала ладонями по коленям. В кустах немедленно зашуршал ежик, подбираясь к призывающей его девушке, а на правую руку ей чуть ли не спикировал соловей. Я с грустью посмотрела на проявление такого количества Дара, для меня попросту непозволительное и опять вздохнула.

— Он конечно противный, — сказала Дарлайн и аккуратно погладила пальцем доверчиво наклоненную головку птицы. — Но тебе, Лора, следует быть к нему немного потерпимее. Он же может ужасных гадостей наговорить твоему жениху, и герцог будет вправе разорвать помолвку.

— Вообще-то, это то, чего я отчаянно желаю, — хмуро заметила я.

— Не выдумывай, — Дарлайн тихо засмеялась. — В восемнадцать лет и с запятнанной репутацией тебя никто не возьмет замуж.

— Можно подумать, в нашем роду мало старых дев, — фыркнула я. — Да, как минимум, треть. Тетю Вербеллу, например, замуж никогда не звали, и ничего. Живет, и совершенно по поводу отсутствия мужа и детей не грустит.

— Вербелла создала королевский заповедник, — возразила Дарлайн. — У нее и минуты свободной нет, когда ей на горькие раздумья отвлекаться, но чем будешь заниматься ты? Дара-то у тебя соловей наплакал.

Птица, словно соглашаясь, тренькнула.

— Половина королевства живет без Дара, — разозлилась я.

— Существует. Вряд ли ты согласишься быть служанкой или захочешь ковыряться, как крестьяне, в земле. Хотя...поговори с папой уже сейчас, пусть даст тебе возможность хотя бы попробовать. В своих желаниях нужно вовремя разочаровываться.

Я вспыхнула и вскочила на ноги. Дарлайн улыбаясь, смотрела на меня снизу вверх. Ее лицо неожиданно показалось мне старше и мудрее, и злость на сестру как-то неожиданно исчезла.

— Думаешь, нет никакого выхода? — убитым голосом спросила я, с тоской глядя в окно на заполняющуюся людьми столовую.

— Конечно есть, — пожала плечами сестра. — Выйдешь замуж, постарайся себя нормально вести, чтобы муж тебя в приступе ярости не спалил (хотя не представляю, что ты в курсе того, как это), родишь следующего герцога ГримГайла и будешь жить долго и счастливо.

Я с подозрением посмотрела на сестру. В ее словах отчетливо слышалась издевка — советуя мне смириться с судьбой, сама Дарлайн никогда бы так не поступила. Мне всегда казалось, что сестра даже в детстве четко знала цель своей жизни. Но какова она? Общительная и разговорчивая, на поверку сестра оказывалась донельзя скрытной в том, что касалось лично ее.

— А за кого ты бы пошла замуж, Дарлайн? — как можно безразличнее спросила я. Сестра на миг скривилась, как будто удивляясь моей наивности, но тут же улыбнулась.

— Тебя папенька уже искал, Лора. Я и в сад-то вышла за тобой, ступай скорее, тоже сейчас приду.

В крайней задумчивости я направилась в дом и в дверях почти столкнулась с взволнованным Шнитором. При виде меня распорядитель облегченно выдохнул и быстро увлек за собой в боковую комнату.

Я терпеливо подождала, пока мужчина нервно посмотрит в щелку двери на предмет присутствия свидетелей его совершенно не почтительного поведения, и только потом, шепотом позволила себе заметить:

— Шнитор, если барон застанет нас сейчас вдвоем, скандала не избежать.

— Да полноте вам, госпожа, — испугался распорядитель. — Я же, почитай, вышел уже из того возраста, когда меня можно было в чем-то уличить.

— Так я-то в этот возраст только вошла. А барон не вас обвинять примчится, его интересует только мое целомудрие. Что ты хотел, говори скорее.

— Виконт вас искал, — выпалил распорядитель, и чего-то явно ожидая, на меня уставился. Так мы и смотрели друг на друга, пока я, отчаявшись дождаться продолжения, не спросила:

— Так именно поэтому ты меня к нему не пустил, и держишь в этой комнате?

— Да, — кивнул Шнитор и опять замолчал. Скорее всего, он надеялся, что мне удастся догадаться о предмете разговора, правда я такой верой в собственные силы не обладала, поэтому начала терять терпение.

— Что «да», Шнитор? Зачем искал? Почему мы здесь прячемся? Да что я из тебя каждое слово клещами вытягиваю?!

— Полчаса назад вернулся в дом барон, — заговорил наконец распорядитель. Я, боясь сбить его с мысли, молчала. — Злющий, как суслики вашей матушки. Сразу поднялся к виконту, и что-то ему выговаривал. Я не подслушивал, — смутился Шнитор. — Лиззи полы рядом мыла, и мне все рассказала. Я ее отругал конечно, и...

Я кивнула, призывая его продолжать. Насколько я знаю, уборка в нашем доме проводится по утрам, когда все еще спят. Ни разу еще не было такого, чтобы по лестницам люди ходили, а у них под ногами тряпкой махали, но журить распорядителя, а тем более, горничную, я не собиралась. Их нехорошие привычки играют в моей жизни слишком хорошую роль.

— ...В общем, как только ГритБерли вышел, ваш отец и начал розыски. Дарлайн послал в саду посмотреть, а вы все не идете и не идете. Батюшка гневается уже, каждую минуту о вас спрашивает, может быть, вы будете себя вести немного... помягче? Не стоит гневить виконта.

— Спасибо, Шнитор, — вздохнула я. — Но предупреждение запоздало. С бароном мы уже повздорили, а уж в том, что он побежит ябедничать я и не сомневалась.

Шнитор грустно поклонился, я первая вышла из комнаты и направилась наверх, в

кабинет виконта.

Отец стоял у окна, повернувшись спиной к входу. Я намеренно громко закрыла за собой дверь и прошла к маленькому диванчику у стены. Здесь всегда было мое убежище от мамы, если она искала меня, чтобы наказать. Отец никогда не вмешивался в вопросы моего воспитания, и тем более, очень редко меня ругал, по-видимому, чувствуя свою вину за подписанный когда-то брачный договор. Именно поэтому я и пришла сейчас к нему без капли страха — даже не представляю как это, быть наказанной отцом. Оказалось, что очень неприятно.

— Лорд ГритБерли опять жаловался на тебя, — ровным голосом сказал отец. Я пожала плечами и, спохватившись, что он меня не видит, ответила:

— Чувствовать себя оскорбленной больше пристало мне — барон усомнился в моих умственных способностях.

— Прости, Лора, но в последнее время и у меня есть поводы в них сомневаться, — отрезал виконт. Я пораженно открыла рот, а отец продолжал:

— Как же ты не понимаешь, что, по сути, теперь являешься собственностью ГримГайла. В нашем доме ты почти что гостья, и твое поведение герцог может посчитать оскорблением.

— Да что я такого сделала-то? — вскричала я, вскакивая с дивана. — На лошади прокатилась? Когда уже это стало запрещено?

— В нашей семье — никогда, — повысил голос виконт, заставив меня осечься. — Но мы не знаем порядков рода ГримГайл.

— Да в нашей семье до моего рождения и не было принято продавать собственных дочерей, — ядовито заметила я. — Но это тебе нисколько не помешало, так что о чем мы здесь толкуем?

— Не выдумывай, — отец покраснел. Он-то думал, что от гнева, а я считаю, ему в конто веки стало стыдно. — О какой продаже ты говоришь? Тебе повезло, герцог самая выгодная партия в королевстве, и твои истерики просто смешны!

— Да он старше меня чуть ли не на полвека! Тебе бы такую выгодную партию вместо молодой мамы.

— Я не желаю это в миллионный раз обсуждать. Ты — будущая герцогиня ГримГайл, и хватит об этом! Хочу сказать, что упреки барона теперь не представляются мне такими уж глупыми и с его предложением я, пожалуй, соглашусь.

Мне стало страшно. От барона ГритБерли я ничего хорошего не ждала в принципе, и сомневалась, что в этот раз его фантазия меня все же порадует.

— До приезда герцога ГримГайла я запрещаю тебе выходить из дома. Раз в день позволяются прогулки в саду в компании барона.

— Но, папа! — от неожиданности я села. — А если герцог почтит нас своим присутствием через год, два? Да если он вообще не пожелает явиться?

— Значит, ты пожизненно просидишь в доме, — рявкнул виконт и указал на дверь. — Ступай! Ужин остывает.

— Да вы, отец, прямо хозяйюшка, — скривилась я и выскочила из кабинета прочь, пока отец переваривал мой выпад.

В столовую я, естественно, не явилась. Как, впрочем, и на следующий день. Позиция моя была проста — лишили свободы, так пусть герцог получит бледную, немощную, но голодную и потому злую невесту. Я заперлась в комнате и изредка, когда кто-то приходил под дверь с увещаниями, выкрикивала свои требования. Как ни странно, барон у моей

комнаты почти не появлялся, и этот факт меня немного нервировал.

Скажу честно, если бы не партизанские вылазки Лиззи, моим принципам пришел бы конец уже на второй день добровольной голодовки, но за счет ее свертков с бутербродами и кувшинов с молоком, я продержалась почти неделю и дождалась-таки капитуляции неприятеля.

Барон явился утром, громко постучал в мою дверь, подозреваю ногой, и зычным голосом попросил переговоров. Мне пришлось оторвать голову от подушки, хриплым спросонья голосом попросила дать мне минутку (пусть думает, что он тих от голода), и бросилась наносить макияж.

Когда я распахнула дверь, приглашая барона войти, он не удержался от испуганного вскрика. И понимаю почему — волосы расчесывать я не стала, лицо густо замазала белилами, скрыв под слоем краски румяные щеки и пунцовые губы. Под глазами нанесла синевы и даже засомневалась, не подумает ли Гритберли, что я тут не голодом себя морила, а дралась с кем-то, но краситься заново времени уже не было.

Изображая слабость в ногах, я проводила барона к креслу и присела напротив. С удовлетворением проследила за тем, как изумление на его лице меняется страхом, и со злорадством подумала: «Бойтесь, Ваша Милость. Вряд ли герцог похвалит вас за замученную невесту». Но вслух, разумеется, я этого не сказала, а натянула на лицо маску грусти и усталости.

— Леди Лорелла, — сцепив пальцы в замок, прервал, наконец, тишину барон. — Признаться, я весьма удивлен, что вы так твердо стоите на своей позиции, и не желаете выходить из комнаты. Мне казалось, вашей деятельной натуре претит подобное затворничество и хватит вас, максимум на сутки. А после, вы прибежите на кухню в поисках еды. Признайтесь же, в чем ваш секрет.

— Ах, барон, — я томно вдохнула и приложила руку ко лбу, изображая головокружение. — Нет никакого секрета, просто я удовлетворила ваши просьбы, и подвергла себя заточению.

— Я вел речь только о доме, — недовольно заерзал барон. — К тому же, мною подразумевались прогулки по саду, и тем более, я ничего не упоминал об отказе от еды.

— Пришлось немного дополнить ваши предложения, — ядовито сказала я. — Немного подумала (в кои-то веки) и рассудила так — Шнитор же тоже мужчина? Зачем подвергать себя ненужным пересудам? Кстати, то, что мы находимся в комнате наедине, тоже бросает на меня тень, поэтому... — опираясь на спинку кресла, я встала. — Извольте покинуть мою спальню.

— Хорошо, — Гритберли отчетливо скрипнул зубами. — Чего вы хотите, Лорелла?

— Просить, чтобы вы убрались из моего дома бесполезно? — уточнила я.

Барон вполне ожидаемо кивнул, но не попытаться я не могла. Мои требования были продуманы еще на второй день заточения, как и рассказаны желающим их слушать, но я не гордая, вполне могу и повторить.

— Прогулки на лошади, согласна даже на ваше при этом присутствие; возможность беспрепятственно покидать дом в течение дня, на ночь я, само собой разумеется, не претендую; и главное, вы прекращаете мне читать свои нотации. Я уже выросла, и момент воспитания, даже такого, каким его видите вы, безнадежно упущен.

— И я весьма сожалею, что не прибыл сюда гораздо ранее и не устранил этот пробел, — заявил барон. Я закатила глаза и напомнила ему про третий пункт.

— Хорошо, — недолго подумав, произнес барон. — Сами понимаете, первый пункт меня не устраивает, ввиду... моего особого отношения к лошадям.

— Я уверена, что вас не устраивают все пункты, — фыркнула я. — Хотя их и не так много. Но я согласна пойти на уступки, если вы предложите мне равноценную замену. Итак?

— В имении ПремСбит через неделю прием.

— Полагаю, выводят в свет дочерей маркиза?

— Именно так. Надеюсь, возможность на него попасть вы сочтете достойной альтернативой прогулкам на лошади.

— Вы спутали меня с Дарлайн, лорд ГритБерли, — я развеселилась. — Вот уж она не упустила бы такой шанс.

— Это отказ? — скривился барон.

— Отнюдь. Я согласна пойти вам навстречу, ввиду уступок с вашей стороны. Поэтому, официально заявляю — балу быть.

ГритБерли облегченно вздохнул. Подозреваю, перспектива кататься на лошади пугала его даже больше возможного гнева герцога, поэтому он выжал из себя улыбку и встал из кресла.

— Значит, договорились, леди Лорелла. Предполагаю, теперь вы можете смыть с себя этот ужасный, изуродовавший вас грим и перестанете отвлекать Лиззи от работы.

Я замерла, пораженно открыв рот, и не зная, что ответить. Барон вышел, аккуратно прикрыл за собой дверь, и мне ничего не оставалось делать, кроме как отправиться в ванную с противным ощущением шпильки, которую загнали в мое самолюбие.

Глава 2

Следующая неделя прошла под грифом «Совершенно по-женски». Мама, обрадованная моим самоосвобождением из заточения, бросила все силы и ресурсы на подготовку к балу. Тщетно было пытаться напомнить ей о том, что я уже помолвлена, и как бы сказочно не выглядело мое платье, нового жениха нам не видать. Дом наш просто напросто заполонили швеи и парикмахеры всех мастей. Я была полностью согласна с необходимостью присутствия первых — гардероб давно следовало обновить, но когда я подсчитывала во сколько нам обходится каждодневное пребывание цирюльников, которые каждый раз сооружали на моей голове произведение искусства, самочувствие мое резко ухудшалось.

Апогеем каждого вечера было водружение меня посреди гостиной в очередном недошитом, кое-как присобранном платье, зато с шикарной прической. И все домашние совершали вокруг меня рейд, одобряя, или напротив, критикуя мой новый образ.

Помимо такого, несвойственного моим родным, поведения, была еще одна странность — в этом паломничестве эстетов принимал живейшее участие лорд ГритБерли. Я-то думала, барон попытается обрядить меня в рубище с капюшоном, чтобы не позвольте Духи, в мою сторону никто даже не глянул, но он, напротив, настоял на открытых плечах и высокой прическе, что, признаться, заставило меня почувствовать во всех приготовлениях какой-то подвох. Зародилось подозрение, что ни на какой бал меня не собираются пускать, а просто задабривают красивыми платьями, но приглашение от маркиза ПремСбита немного успокоило расшатавшиеся нервы.

Окончательно сомнения рассеялись в день бала. Я, как и всякая девушка, с самого утра находилась в приятном волнении, и с предвкушением ожидала появления парикмахера и швеи, с окончательным вариантом бального платья. Меня напоследок помучили — щетками и щипцами, почти до самого выхода не показывали наряд, но когда меня, наконец, полностью готовую к выходу, поставили перед зеркалом, я поняла, что все это было не зря.

Платье было великолепным. Медовый цвет, очень модный в этом сезоне, выгодно смотрелся на фоне моих каштановых волос, и я точно знаю, что за такую ткань Дарлайн готова была на убийство. Корсет, который затягивали чуть ли не в шесть рук, не только утянул мою талию так, что ее, казалось, можно обхватить одной рукой, но и позволил показать в выгодном свете мои небольшие, но приятные округлости, оголенные декольте. Узкий, гладко вшитый у плеча рукав, ниспадал пышными кружевными волнами. Широкая юбка, которую снизу поддерживал каркас, струилась свободными складками.

Мои длинные волосы уложили в высокую прическу и украсили цветами и жемчугом. Не спорю, смотрелось это достаточно эффектно, но меня не покидало ощущение, что армада шпилек, удерживающих всю красоту, перевесит все мое тело, стоит только склонить голову. Я покосилась на маму, чьи сияющие глаза выражали крайнюю степень восторга, и решила промолчать. Чего уж там, думаю, маркиз переживет без моего поклона, а на танец меня все равно вряд ли пригласят, с довеском-то в виде барона. О да, лорд ГритБерли тоже собирался идти на бал. Он уже стоял на входе, и даже отвесил мне комплимент. Памятуя, что у нас вроде как перемирие, в ответ я улыбнулась, и еле сдержалась, чтобы не сказать какую-нибудь колкость.

Своей порции одобрений дождалась и Дарлайн. Одета она была гораздо скромнее, чем я, ввиду своего возраста, но даже в лохмотьях, сестра собрала бы вокруг себя толпу

поклонников.

Усадьба маркиза ПремСбита была окружена водой, разливающейся на три метра в каждую из сторон. К небольшому участку суши перед фигурным крыльцом вели мостики самых разнообразных форм и размеров. По высоким каменным стенам струились водопады, в которых искрами сверкали ваяды — маленькие водные светлячки, приносящие удачу тому, кто сумел их поймать. То и дело, на гладкой водной поверхности возникали красные орхидеи, розовые тюльпаны, пенные изображения животных — это развлекались племянники маркиза, которым уже надоело однообразие торжественной части.

Отец приказал остановить карету у самого берега и шагнул прямо в воду, нисколько не заботясь о возможности замочить одежду. Под его ноги устремились рыбины всех размеров, создавая для виконта живой коридор.

— Глупое позерство, — вздохнула мама, но двинулась вслед за отцом. Я немного помедлила, но после того, как ощутила одобряющее рукопожатие сестры, сделала вид, что мне не в диковинку подобное подчинение животных. Дарлайн замыкала процессию, подстраховывая своим Даром дорожку. Барон же предпочел довольствоваться мостиком, вполне обоснованно полагая, что ради него никто удерживать рыб на месте не будет, и существуют большие опасения замочить свой сюртук.

Зал был полон людей, прогуливающих туда-сюда с бокалами в руках. Некоторые сбились в небольшие кучки и с интересом обсуждали последние сплетни. Как правило, темы для этих разговоров составляли столичные новости, приукрашенные самым невероятным образом.

Всей семьей УолтВисби мы протиснулись к маркизу, дабы поприветствовать его и поблагодарить за приглашение. Толстый лорд ПремСбит, в брюхе которого словно колыхалась вода, лениво кивнул в ответ на наши слова признательности. Высокая, холодная как водоросли леди ПремСбит с отсутствующим взглядом приняла поздравления и приличествующие случаю комплименты. Она протянула руку с тонкими белыми пальчиками запоздавшему барону, и вот когда ГритБерли, представившись, припал к ним губами, лицо ее вмиг изменилось. Ядовитая, словно приклеенная к губам улыбка изменилась на ровно противоположную — такого ликования на лице маркизы я не видела никогда, мне кажется она даже в день своей свадьбы не выглядела такой счастливой, как сейчас, перед человеком, который в разы ниже ее не только в росте, но, главное, в статусе.

— Мы так рады видеть вас, лорд ГритБерли, — промурлыкала леди ПремСбит. Не только вся наша семья, но даже маркиз посмотрел на нее с сомнением. Дарлайн, до этого спешившая присоединиться к стайке подружек задержалась посмотреть, что будет дальше. — Не подскажите, где мы могли видеться раньше?

— Боюсь, я встречаюсь с вами впервые, — растерялся барон. — Поверьте, обладательницу такой совершенной красоты я бы не забыл.

— Ах, полноте вам, — несмотря на комплимент, на лице маркизы промелькнула тень неудовольствия. — Просто мне кажется, что мы виделись на весеннем приеме короля.

— Я был там, но нас не представили друг другу.

— Да. Если не ошибаюсь, вы были в компании...ах, кого же... лорда ГримГайла?

По хищному выражению лица маркизы всем вокруг стало понятно, что провалами в памяти она не обладает, и весь этот театр одного актера, в который оказался вовлеченным барон, был предназначен для того, чтобы вывести разговор на интересующую леди тему.

— Вы абсолютно правы, миледи.

— Прошу прощения за бестактность, но кем вы приходитесь герцогу?

— Поверенный Его Светлости, — почему-то покосившись на меня, ответил барон.

— О, и что же привело вас в наше захолустье? Поручение лорда ГримГайла, я полагаю?

Возможно, герцог подыскивает себе жену?

— Жаванна, — попытался одернуть жену маркиз. — Сейчас не время и не место для этого.

— Да, ты прав, — согласилась маркиза, и плотоядно взглянув на барона, сказала:

— Мы можем обсудить это завтра, если барон останется у нас ночевать.

— Думаю, нам нечего обсуждать, — заявил лорд ГритБерли, заставив меня недовольно насупиться. — Лорд ГримГайл уже помолвлен.

— О, друг мой, — рассмеялась маркиза. — Разве когда-нибудь это было помехой двум влюбленным сердцам, желающим соединиться?

— Простите, — влезла в разговор Дарлайн. — А чьи сердца желают соединиться?

Леди ПремСбит одарила ее высокомерным взглядом и снисходительно пояснила: — Дорогуша, я имею в виду лорда ГримГайла и одну из моих дочерей, в которую он, безусловно, влюбится. А встретиться им поможет, уважаемый нами барон, ведь так? — ГритБерли, нахмурившись, молчал. Насколько я успела его изучить, он был очень недоволен «возмутительным и недопустимым поведением» маркизы. Вся наша семья просто онемела от такой наглости. Я услышала, как мама шумно втянула воздух и поняла, что на земли ПремСбитов теперь обрушатся полчища зловредных грызунов. Леди ПремСбит же, не желая замечать всеобщего раздражения, подозвала своих дочерей, и явно ими гордясь, представила барону.

Со злорадством я признала, что против такой красоты у меня шанса нет никакого. Похожие, как две капли воды, Корнелла и Валери были удивительно красивы. Пухлые, красные, как спелые вишни губы, маленькие чуть вздернутые носики, и огромные, нереально яркого оттенка, синие глаза. Налитую грудь не обтягивали, а еле удерживали корсеты, пышные юбки подчеркивали тонкие талии и плавный рисунок плеч. Платинового цвета волосы, вопреки веяниям моды, были заплетены в сложные косы, которые спускались до самых пят.

Барон придирчиво осмотрел девушек, и, по-моему, признал, что с выбором невесты герцог все же поспешил. Обнаружив на лице ГритБерли немой восторг, маркиза радостно воскликнула:

— Мои девочки еще и очень умны! Думаю, вам просто необходимо все-таки остановиться у нас, пообщаетесь с Корнеллой и Валери поближе, и подскажете герцогу правильный выбор.

Я, не забывшая еще, как Корнеллу каждую зиму отдирают от железа, потому что кто-то в детстве сказал ей, что у умных язык не прилипает, хмыкнула.

В душе моей вновь воцарилась надежда на то, что свадьбе все же не состояться. И хоть я совершенно не понимала, что может прельщать в этом мужчине, возраст которого приближается к престарелому, и о чем преотвратном характере ходят легенды, но от всей широты души готова была уступить его хоть Корнелле, хоть Валери, да хоть самой маркизе.

Едва мы, с трудом отделившись от леди ПремСбит, успели поздороваться со знакомыми, объявили танцы. Настроение мое тут же упало на несколько пунктов вниз. Всех дам разобрали кавалеры, и они парами закружились в центре зала, улыбаясь и переговариваясь. Я отчаянно завидовала даже толстушке из рода БаллБерри — ее сейчас кружил, придерживая

за талию, худой долговязый сын графа в мундире военной академии. Никто не остался без пары. Никто, кроме меня.

Это началось сразу после того, как Корону ИстХейму запрещено было появляться в нашем доме. В обществе, обиженный кавалер мигом разнес весть о том, что я помолвлена. Но так как на балах я по-прежнему появлялась одна, да и приглашений на свадьбу никому не приходило, то все тут же сделали глупый вывод, что в погоне хоть за каким-нибудь женихом, меня посватали или за глубокого старца, или за младенца. И так немногочисленные поклонники сразу отпали, и теперь с другой стороны зала поглядывали на меня с презрением.

Я искала глазами лорда ГритБерли, планируя намекнуть, что не худо будет хотя бы ему меня на танец пригласить, раз уж его хозяин своих прямых обязанностей не исполняет, но его нигде не было. Маркиза оказалась на своем обычном месте подле мужа, поэтому версия о том, что барон в укромном месте ведет с ней разговоры о блестящей партии для герцога, не подтвердилась.

Музыканты заиграли следующую мелодию, пары сменились, а я все так же стояла у стены, в компании двух стульчиков, и удерживала на лице вымученную улыбку. Голова начала болеть от тяжелых дум и не менее тяжелых заколок в волосах, спина ныла от врезавшихся в нее спиц корсета, и у меня уже появились мысли о том, все-таки я продешевила, когда поездки на лошади променяла на это унижение.

«Так всегда было, чего ты ожидала на этот раз?», хмуро спрашивала себя я. Так как логичного ответа мое внутреннее «я» не предоставило, пришлось опять оставить виноватым барона и еще более его возненавидеть.

Составлением планов мести я занималась еще два танца, пока мое внимание не привлек новый гость. Он вошел, сердито толкнув дверь, стремительными резкими шагами прошел почти до середины зала, а затем, словно опомнившись, вернулся к маркизу и его жене, которые стояли недалеко от входа.

Я видела мужчину со спины, и единственным, что могла сказать о нем, находясь в этом положении, были широкие плечи. Зато о маркизе, лицо которой было обращено ко мне, можно было сказать гораздо больше. Приезда мужчины леди не ожидала — ее глаза чуть орбиты не покинули, но вместе с тем, она была встрече безумно рада. Так рада, что подозвала своих дочерей, заставив их прервать танец, и представила гостю. Изнывая от любопытства и мыслей о том, кем же является этот лорд, я решила подобраться поближе.

Пришлось повертеть головой, отыскивая возможность двигаться по залу, не привлекая внимания, и таковая нашлась. На стенах висело множество картин, которые, как я уже знала, наляпала кистью и своими нежными ручками, маркиза. Мое нежелание их до особой нужды замечать, оправдывалось полнейшей безвкусицей и отсутствием хоть каких-то пропорций. На мой взгляд, бездарность маркизы достигла своей кульминации в картине, изображающей кусок сырого мяса на тарелке. Причем, что это именно кусок мяса я поняла из названия, на самом деле, трудно обнаружить хоть какие-то ассоциации в широких красно-белых мазках.

Усиленно изображая заворуженное восхищение, хотя, подозреваю, в данном случае более применим термин «культурный шок», я двинулась вдоль стены к чете ПремСбитов, женская составляющая которой усиленно соблазняла гостя. Обидно, что услышать разговор мне так и не удалось. Грянули фанфары, призывая всех желающих, собраться в центре для падеграса. Гость протянул руку одной из близняшек (кажется, это была Валери), и полный учтивости, повел ее в центр зала. Судя же по ошалелому лицу маркизы, она была близка к

потере сознания. Немного опомнившись, она приподняла юбки и на всех парах устремилась к музыкантам. Если я правильно разгадала замысел маркизы, то следующим танцем, музыку для которого заиграет оркестр, станет вальс. Если этот загадочный мужчина не захочет навлечь на себя пересуды и сплетни, после Валери, он пригласит на танец ее сестру. Вот ушла маркиза и поспешила дать ему шанс ощупать все прелести одной из своих дочерей. По-видимому, лорд составляет неплохую партию для свадьбы, раз уж его так желают заманить в ПремСбитовские сети.

Я же, от досады была готова разрушить свою шикарную прическу. Личность мужчины меня уже всерьез заинтересовала, но лица его разглядеть не удалось — в результате всех своих телодвижений я опять оказалась за его спиной.

Пришлось вернуться к своим стульчикам. Хмуро посмотрела на танцующих. Пары уже прошли круг, дамы сменили кавалеров, и Валери обнаружилась совсем неподалеку, рука об руку с сыном виконта Пароли. Не самая лучшая партия, поэтому неудивительно, что красивое лицо Валери скисло, словно простокваша.

Пары сместились, двигаясь, согласно заведенному порядку, и моему взору наконец-то предстал загадочный лорд, в погоне за которым мне пришлось ужасать зрение мазней маркизы.

Мужчина был красив. Так красив, что я даже на секунду задохнулась от восторга. Высокий лоб, прямой нос, чуть сощуренные, взирающие на мир с усмешкой, глаза, четко очерченные губы, и как контрольный выстрел в мои юные мечты — ямочка на подбородке. Вопреки моде этого сезона он был коротко подстрижен — его волосы спускались на широкую шею, но перевязывать их нужды не было. Помимо всего этого великолепия, он был еще и очень высок. С легкой печалью подумала о том, что если он еще и богат, то экстаз маркизы, в которой она вошла, лицемерья лорда, вполне объясним.

Я вдруг резко почувствовала себя уставшей и захотела домой. Взглядом поискала родителей, и как назло, опять не заметила ни их, ни барона. Раздражение все росло, и трезво рассудив, что так или иначе придется дожидаться конца танца, взять на буксир Дарлайн, и тогда уже разыскивать родителей полномасштабно, я присела на стул. Против воли мой взгляд опять обратился к таинственному лорду. Танец шел к завершению, и Валери со своим кавалером воссоединилась опять. Лицо девушки светилось, но ровно до того момента, как мужчина у нее что-то спросил. Если бы матушка ее рисовала картину «Шок», то Валери стала бы лучшей натурщицей. Она завертела головой по сторонам, и внезапно уставилась прямо на меня. Все бы ничего, но лорд вдруг тоже последовал ее примеру и почтил меня своим вниманием.

Я нервно себя осмотрела, ища причину столь острой заинтересованности, а когда не нашла, заволновалась еще больше. С все нарастающей паникой я наблюдала, как оставив Валери одну, ко мне мягко, как-то завораживающе, движется лорд. Немного отклонилась влево, и увидела, как взбешенная Валери проводит пальцем по шее. Для кого предназначался этот жест, лично мне было понятно.

На соседний стул присела раскрасневшаяся Дарлайн. Уголком рта, пытаюсь сохранить на лице бесстрастное выражение, я прошипела:

— Где барон?

— А что? — не поняла сестра. К ней тут же склонился долговязый парень в бордовом сюртуке, приглашая на танец. — После поговорим, извини!

И моя сестрица легко вспорхнула со стула. Зазвучали первые звуки вальса. Я

обернулась, и чуть не упала, когда над собой увидела этого безумно красивого лорда.

— Вы позволите? — улыбаясь, он протянул мне руку. Выглядел он старше, чем казался, когда я рассматривала его издали. Сейчас бы я дала ему не меньше тридцати лет, но обаяния его это не умалило.

Я испуганно встала, затем опомнившись, опять села, и поняв, как глупо выгляжу, густо покраснела.

— Мы не представлены друг другу, — напомнила я, не сразу поняв, как высокомерно это прозвучало. Смотреть приходилось исключительно на протянутую ко мне руку, взглянуть лорду в глаза не хватало смелости.

— Мы стоим здесь весь танец или вы примете мое приглашение? — хмыкнул мужчина. — Мне уже любезно нашептали, что в углу вы сидите на протяжении всего вечера. Надеюсь, вас обходят вниманием не из-за того, что вы не умеете танцевать?

Меня спасло только то, что покраснеть еще больше было невозможно. Я возмущенно задрала подбородок и вложила свои пальцы в широкую ладонь лорда. Мы присоединились к танцующим парам и заняли исходное положение.

— Вы меня радуете уже тем, что хотя бы знаете начало, — съязвил лорд. Я сверкнула глазами и, легко касаясь мужской руки, двинулась по линии танца.

— Надеюсь разделить ваш восторг, — процедила я. — Пока что — увы.

— Вам не нравится, как я танцую? — делано изумился лорд, пока я двигалась вокруг него по часовой стрелке. — Странно, когда вы успели оценить мои умения? Музыка только начала играть.

— Вы разочаровали меня с первых слов.

— Приятно сознавать, что все дело в вашем отвратительном чувстве юмора, — заявил этот нахал и положил свою руку на мою талию. Мы двинулись вслед за другими парами по кругу.

— Давайте сойдемся на том, что я не смогу танцевать, когда меня отвлекают разговорами, — я старательно отворачивалась, высматривая барона. В планах моих было немедленно покинуть этот дом сразу же после того, как лорд выпустит мою руку. Но как назло, человек, который весь последний месяц следовал за мной по пятам, обвиняя в разврате, в момент грубого нарушения мною этикета, куда-то запропастился.

Лорда хватило меньше, чем на полминуты. Он прервал наше молчание, с интересом спросив:

— Кого вы высматриваете?

— Кажется, я вас предупредила, — напомнила я. — У вас лишние ноги? Хотите, чтобы я их отдала?

— Пожалуй, я рискну, — усмехнулся мужчина и взялся обеими руками за мою талию. Я почувствовала, как ноги мои отрываются от пола. Самое поразительное, что лорд совершенно без усилий продолжил вальсировать, удерживая меня перед собой. Окружающие видели только возмутительное расположение мужских рук на моем теле — туфельки-то мои были скрыты длинным подолом.

— Вы что себе позволяете? — испугалась я. — Немедленно верните меня на место!

— Не раньше, чем угроза моей обуви исчезнет, — лорд совершенно по-хамски мне подмигнул. — Так кого высматриваете?

— Надсмотрщика, — теперь уже я злилась. — Довольны? Поставьте на пол!

Лорд усмехнулся, осторожно опустил меня на покрытый плиткой пол и я, на свою удачу

не ошибившись в шаге, танец с успехом продолжила.

— Что же вы такого натворили, что к вам приставили надсмотрщика? — молчать мужчина явно не собирался. Я чуть не застонала — что ж за словесная диарея у человека-то?

— Родилась, — сквозь стиснутые зубы ответила я, радуясь тому, что конец танца уже близок. А я-то, глупая, еще завидовала другим девушкам. Стояла бы себе дальше у стенки, так нет же, надо было на несправедливость пенять. Еще и врага себе нажила в лице не только Валери, но и уверена, ее матери и сестры. Не удержалась и горько вздохнула.

— Думаю, вы преувеличиваете. Кто к вам его приставил?

— Дедушка, — неожиданно для самой себя, ответила я.

— Дедушка? — изумился лорд. — Чей? Ваш?

— Ну, мне он приходится женихом, — я задумалась, и действительно, чуть не отдала ногу партнеру, как и обещала. — Но вообще, уверена, что он уже и чей-то дедушка по-настоящему.

Лорд закашлялся. Я участливо спросила, не стоит ли нам прервать танец, раз уж ему стало плохо, и получив отрицательный ответ, успокоилась.

— А сколько ему лет? — хмуро поинтересовался лорд, когда внезапный приступ кашля прошел. Мы как раз вальсировали последние такты.

— Точно не знаю, — призналась я, сделала полагающийся в конце танца поклон, и подала лорду руку, чтобы он проводил меня обратно, к родным уже стульчикам. — Но если исходить из того, что в день, когда я родилась, ему было сорок пять лет (и не меньше, потому что в учебнике по истории он упоминается аж в войне против Лигардении), то ему сейчас шестьдесят три года. Ну не юношей же его называть, право слово!

Лорд ничего не ответил. Искоса взглянув на него, я увидела, как на смуглых, чисто выбритых щеках ходят желваки. Станный какой-то тип, злится почему-то. Неужели расстроился из-за того, что меня за глубокого старикашку замуж выдают? Может быть, у него на меня какие-то планы были?

Знаю, так рассуждать было совсем наивно, но я почувствовала необычайный подъем духа и легкость в груди. Наконец-то я присоединилась к девушкам, у которых есть поклонник. Сын виконта ИстХейма, естественно, не в счет.

Теперь я вышагивала словно пава. Даже можно сказать не шла, а плыла, но ровно до того момента, как увидела рядом с моими стульчиками барона ГритБерли. Скрип моих зубов слышали, наверное, все обитатели зала — когда нужен был, так, казалось, в водопаде у входа захлебнулся, а как только я почувствовала себя красивой и нужной хотя бы кому-то, явился.

Лорд подвел меня прямо к барону, и скрестил руки на груди, отчего-то умолчав полагающиеся благодарности за танец. ГритБерли и вовсе повел себя не так, как я ожидала — сделав самое сладкое лицо (я даже и не думала, что он так умеет), пропел:

— Вы уже познакомились? Прошу прощения за долгое отсутствие, граф запросил слишком высокую цену за свою карету, пришлось поторговаться.

Мне показалось, что барон бредит. Сюда он приехал на карете, принадлежащей моему отцу, и зачем ему понадобилось покупать графскую, я не понимала совершенно. Пришлось прервать поток ахинеи, наклонившись вперед и положив свою ладонь барону на лоб.

— Что вы делаете? — вытаращил глаза ГритБерли.

— Вы несете полнейшую ерунду, я думала у вас жар, — пояснила я, но видя, как лицо барона принимает привычное выражение злости и наливается кровью, удовлетворенно кивнула. — Я ошиблась, все совершенно нормально.

— Представьте нас, — разомкнул губы лорд. Я фыркнула. По-моему, с соблюдением приличий кто-то основательно опоздал. Барон на миг растерялся, потерял жабо на своей груди и дрожащим голосом произнес:

— Леди Лорелла, позвольте представить вам Его Светлость, герцога Бриара Джереми Джозефа ГримГайла, вашего жениха...

На секунду мне показалось, что я оглохла. Видела, как открывается рот барона, но кроме шума крови в своих ушах не слышала ничего. Недавнее ощущение легкости в груди сменилось болью и тянущим ощущением обиды. Я качнулась. Мне чудилось, что в меня плюнули, и, обводя мутным взглядом толпу вокруг, я испытала ужас еще и от того, что этому так много свидетелей.

Поэтому, чтобы плохо было не мне одной, я развернулась и залепила герцогу пощечину. Думаю, теперь мысли о глухоте посетили всех присутствующих — такая тишина установилась в зале. Даже музыканты прекратили играть и выглядели из-за своих инструментов, следя за развитием событий.

Лорд ГримГайл от удара дернулся, со звериным выражением лица проследил за моей рукой, которую я поспешила опустить, и тихим голосом, звук которого разнесся по всему залу, сказал:

— Крегор, почему ты не доложил мне, что она душевнобольная?

Я не сразу поняла, что Крегор, это имя барона. Но когда вслед за этим осознала, что меня-то вообще, сумасшедшей обозвали, многозначительно занесла руку.

— Не смей, — прошипел герцог. И я увидела, как глаза его, зеленые, как изумруды, заливают ярко-красное пламя. Мне стало по-настоящему страшно и я отшатнулась, вопреки обыкновению не придумав, что сказать. Барон опять противно залебезил:

— Ваша Светлость, леди Лорелла абсолютно нормальна. Я думаю это просто нервы. Девочка же встречается с вами впервые.

— Вы пытаетесь меня защитить? — изумилась я. Как деревянная, повернулась к герцогу, который уже не казался мне таким уж красивым, и немного дрожащим голосом, чеканя каждое слово, произнесла:

— Не стоит этого делать, барон. Чем мне может угрожать человек, который и так разрушил мою жизнь?

— Не желаете объясниться? — приподнял брови герцог. Готова поклясться, что он и правда изумился.

— Она объяснится, милорд, — опять влез барон. — Только давайте удалимся. Здесь не место для разговора.

— Не переживайте, лорд ГритБерли, — голос мой крепчал по мере того, как я распалялась. — Если бы Его Светлость не желал перетряхивать нижнее белье перед доброй частью королевства, для первой нашей встречи он бы выбрал не бал маркиза, а, как минимум, мой дом.

— Вы, дорогая моя невеста, наверное, забыли, — заявил герцог. — Но с момента вашего восемнадцатилетия, домом для вас стал родовой замок ГримГайлов!

— Местом заточения, возможно, но своим домом ваше драконье гнездо я не назову никогда, — заявила я, и круто развернувшись на каблуках, направилась к выходу.

— Леди Лорелла, вы куда? — услышала я испуганный возглас барона.

— Освобождаю место для желающих породниться с родом ГримГайл, — съязвила я, глядя при этом прямо на маркизу, застывшую счастливым изваянием неподалеку от нас.

Женщина ответила мне таким пренебрежительным взглядом, что удивительно, как это на мне цветы не зацвели, на перегное-то.

— Оставь ее, — заявил мой жених. — Дальше родительского дома не убежит!

На всех парах я вылетела в широкие двери, пробежала по лестнице, и только выскочив на крыльцо, услышала за собой цокот каблучков — Дарлайн меня не оставила.

На улице было прохладно, особенно вблизи водопадов, разбрасывающих вокруг миллиарды капелек, но мне казалось, что трясет меня от злости. Ни слова не говоря, сестра потянула меня по ближайшему мостику. Изумленная толпа осталась в зале, а рисоваться перед кучерами, которые скучали в каретах, нужды не было. Поэтому живой коридор Дарлайн выстраивать не стала.

На бал мы прибыли на двух каретах, но насколько я успела заметить, одна из них уже отсутствовала.

— Где родители? — спросила я, когда мы сели, и лошади, наконец, двинулись. Только сейчас я выдохнула, осознав, как была напряжена.

— Давно уехали домой. Извини, мы знали о приезде герцога.

— Я поняла, — обхватила себя руками, пытаюсь унять дрожь. — Не зря же мы так потратились на прическу и платье — родители, вероятно, хотели, чтоб ГримГайл влюбился в меня с первого взгляда.

— Именно так, — Дарлайн горько вздохнула. — Никто не предполагал, что ты его ударишь, и посмеешь обвинить во всех смертных грехах.

— По-моему, желания выйти за ГримГайла замуж, я не изъявляла никогда.

— Все думали, что это просто капризы. По правде сказать, я и сейчас так считаю. — Давай помолчим?

— Нет уж! Я буду говорить, и ты будешь слушать! Что теперь делать? Герцог от тебя теперь откажется, и будет прав — такая истеричная невеста не нужна никому. О, Духи, а если все подумают, что это заразно? Или, что проблема в наследственности? Да ты оказывается и на моей судьбе сегодня крест поставила!

Не желая слушать истерику Дарлайн (наверное, и правда, что-то с наследственностью), я зажала уши руками. Ничего такого, о чем бы могла пожалеть, я сегодня не сделала и не сказала. Единственное, если бы в моей власти было прожить сегодняшний вечер с начала, я бы с этим мужчиной и танцевать не стала. Внезапно для самой себя вспомнились его руки на моей талии и ироничная ухмылка. Нет, этот человек не может быть моим женихом! Не для того я так долго его ненавидела, чтобы сейчас испытывать хотя бы симпатию.

— Дарлайн, — отняла я руки от ушей, когда словоизлияния сестры пошли на убыль. — А этот мужчина точно герцог ГримГайл? Больно молод. Ведь мы же с тобой вместе его возраст высчитывали, а в шестьдесят лет выглядеть так...свежо, очень затруднительно.

— Хорош, правда? — подмигнула мне сестра. — Я тоже внимание обратила.

— Дарлайн! Давай посерьезнее!

— Думаешь подлог? Где тогда настоящий герцог? А вдруг он уже умер? — ахнула Дарлайн. — И это какой-нибудь его сын? Или племянник?

— Насколько я помню текст брачного договора, моя персона по наследству не передается, так что версию со смертью отмечаем сразу.

— А имя? — спохватилась сестра. — Он же тебе представился? Как его зовут?

— Какая разница, если я не в курсе того, как зовут моего настоящего жениха!

— В каком смысле?

— В прямом, Дарлайн. Герцог ГримГайл, да жених, не было у меня поводов называть его по-другому, поэтому и имя выяснять не спешила.

С дороги мы свернули к нашему поместью. Дарлайн мстительно заулыбалась и прошипела: «Держись, сейчас начнется».

И началось. Во-первых, нас никто не встретил, что сразу же показалось мне подозрительным. Зная, как любопытна и импульсивна наша матушка, я ожидала увидеть ее уже за воротами, в ожидании подробного рассказа о том, как прошла встреча с моим женихом. Во-вторых, небольшой фонтан перед крыльцом был полностью разрушен, будто на него сверху упало что-то огромное и очень тяжелое. А в-третьих, когда мы с Дарлайн вошли в гостиную, оказалось, что герцог с бароном уже здесь.

Увидев знакомые лица, злобное выражение которых не предвещало для меня ничего хорошего, я остановилась в дверях, и, развернувшись на 180 градусов, попыталась выйти. Но с тыла меня подпирала Дарлайн, которой из-за маленького роста не было ничего видно, а спереди меня уже заметили. Ничего удивительного, что отец возмущенно закричал:

— Юная леди!

Я на мгновение зажмурилась, набираясь смелости, и обернулась уже с очаровательной улыбкой на устах:

— Да, папа.

— Ты же не собиралась сбежать? — грозно спросил виконт. Понимаю его злость — и он и барон навтыяжку стояли перед сидящим в расслабленной позе герцогом, и, судя по всему, их все это время отчитывали. Так что, благодаря моему появлению, отец отыскал возможность сменить ампулу.

— Нет, что ты, я просто хотела посмотреть, где запропастилась Дарлайн.

— Посмотрела? На всякий случай сообщаю — она прямо за твоей спиной и сейчас пойдет спать, — повысил голос виконт, чуть ли не срываясь на визг. — Ведь так, Дарлайн?

— Ты прав, папочка. Мне давно уже пора, — по-военному четко ответила сестра, изучившая малейшие оттенки недовольства в голосе отца. Ее-то, в отличие от меня, он наказывал регулярно.

Дверь захлопнулась и я вздрогнула, не столько от неожиданности, сколько от ощущения того, что надо мной захлопнули гробовую крышку. Стараясь не показывать, как мне страшно, я прошла к креслу, гордо вскинув подбородок, и села напротив герцога. Барону и виконту пришлось немного сдвинуться с места, так они имели в поле зрения нас обоих.

— Немедленно извинись перед Его Светлостью, — взревел отец. Я мельком подумала, что по пути из усадьбы маркиза нужно было захватить с собой кого-нибудь из ПенсикДорсов. Так, чего доброго, папу и удар хватит, ведь покраснел весь, натужится, лекари и прибыть не успеют.

— Перед каким это герцогом? — вежливо поинтересовалась я.

— Она умом повредила, — пояснил барон своему хозяину и навис надо мной, уперев руки в боки. — Перед герцогом ГримГайлом, дорогуша. Которого ты прилюдно оскорбила.

— Пожалуйста, перестаньте плевать, — я брезгливо поморщилась. — Вы, мной не уважаемый барон, затеяли какую-то дурную игру.

— Что? — беспомощно поморгал глазками ГритБерли и оглянулся на моего отца. — О чем она говорит?

— Я поясню. Сначала вы приезжаете к нам в поместье и на протяжении месяца выедаете мне мозг своими пустыми придирками, затем обманом вынуждаете посетить бал,

где, внимание, пытаетесь подsunуть мне под видом герцога какого-то самозванца. Как я должна была на это реагировать? Думаю, вы решили, что я брошусь на шею подсадному жениху, чем очерню себя в глазах общества, а следом, во мне разочаруется и настоящий герцог. Что, не получилось отыскать в моем поведении ничего предосудительного, решили сами таковое и создать?

— А почему вы решили, что я не настоящий герцог? — подал голос сидящий напротив меня мужчина. Во время своей обличительной речи я старалась смотреть на барона, настолько лорд меня смутил пристальным взглядом зеленых глаз. Отвечала я также, не ему.

— Я уже говорила. Моему жениху около шестидесяти трех лет, он уже старик, — отец, которому было пятьдесят семь, недовольно крикнул. — А вы выглядите максимум на тридцать пять лет.

— Ну что ж, — лорд закинул руки за голову. — Ваши пояснения приняты, леди. Позвольте мне задать вам несколько вопросов.

— Позволяю, — милостиво кивнула я.

— Вас не смутило то, что маркиза, которая настоящего герцога видела, и ваш отец, подписывающий с ним же брачный договор, не распознали подделки?

Я растерянно приоткрыла рот. Если при разговоре лорда с маркизой я не слышала имен, и не знаю, как он представлялся, то отец уж точно бы не промолчал, если бы меня пытались обмануть. Причем, не столько защищая мою честь, сколько переживая, что его заставят возвращать потраченные деньги.

— Осознали? — удовлетворенно кивнул герцог. — Следующий вопрос: если вы утверждаете, что распознали обман с самого начала, то почему на весь зал называли меня «Его Светлостью» и обвиняли...как там?...в разрушенной жизни?

Рот теперь я закрыла и опять открыла, не зная, что ответить, а ГримГайл продолжал:

— Раз вам нечего сказать, смею предположить, леди Лорелла, что о моем возрасте вы подумали уже после нанесенного оскорбления, и исключительно для того, чтобы попытаться себя оправдать. И дабы лишить вас аргумента в этом бессмысленном разговоре, поясню — я дракон, дорогая невеста. Половину своей жизни я провожу в другом облике, из-за чего и старею гораздо медленнее обычного человека. Ваши вычисления почти верны — мне шестьдесят пять лет, но по вашим меркам, около тридцати. Вам все ясно?

Я задрала подбородок как можно выше и высокомерно произнесла, вцепившись пальцами в подлокотники кресла:

— Более чем, Ваша Светлость, благодарю за пояснение.

— Ну а раз мы все выяснили, — обворожительно улыбнулся ГримГайл. — То я жду извинений с вашей стороны.

— Конечно, я их принесу, — я тоже улыбнулась, твердо взглянув в глаза герцогу. Услышала, как облегченно вздохнули барон и виконт. — Но не ранее, чем вы, дорогой жених, извинитесь передо мной.

— Лорелла! — раненым зверем взревел отец, но герцог остановил его движением руки и недоуменно спросил:

— За что же это?

— Вы считаете не за что? — что за вопрос, он и правда так считал, разбалованный женским вниманием, хам. — Тогда, может быть, извинитесь за то, что впервые я увидела своего жениха спустя восемнадцать лет после помолвки? Или, может быть, за то, что все приемы, на которые принято приходить со своим женихом, я провела в одиночестве? О, а

быть может, вы захотите попросить прощения за первый танец, на который вы пригласили меня с помощью оскорблений?

— Довольно! — герцог разозлился и резким рывком поднялся с дивана. — У меня безумно много дел и я не обязан был сидеть сиднем возле малолетней девчонки, уже возомнившей себя герцогиней! А насчет танца я уже говорил — все дело в вашем отвратительном чувстве юмора!

— Да вы что! — я тоже встала, досадуя, что ГримГайл гораздо выше меня и приходится поднимать голову. — Наслышаны мы о ваших делах — в перерывах между войнами участие в дуэлях за честь ваших любовниц. Раз вы за их честь печетесь более, чем за мою судьбу, то правильно вы сказали ранее — наш разговор абсолютно бессмыслен. Предлагаю вам разорвать эту никому ненужную помолвку и забыть о существовании друг друга.

Мой отец ахнул и упал в кресло. А в глазах герцога промелькнуло неприкрытое удивление.

— Для меня странно слышать это, леди Лорелла. — Обычно девушки..., - он промолчал, а я мысленно продолжила фразу словами «Вешаются мне на шею». — Можно узнать, чем я вас не устраиваю?

«Своим существованием», чуть не лягнула я, но покосившись на отца, цветом лица уже походившего на спелый томат, сказала другое:

— Хотя бы неспособностью отвечать за свои поступки. Будь иначе, в день моего восемнадцатилетия наш дом посетили бы вы, но не барон. К тому же, меня не прельщает мысль, что моему супругу девушки обычно... — я выдержала многозначительную паузу и, понаблюдав за гаммой чувств, сменившихся на лице герцога, подытожила: — Хочу сказать, что бурная личная жизнь является пятном не только на женской репутации.

— Вы знаете, — неожиданно улыбнулся ГримГайл, хотя, по моему мнению, должен был изрыгать проклятья и рвать экземпляры брачного договора. — Когда спешил в имение УолтВисби, я был одержим мыслью разорвать эту помолвку, но перед тем, желал выпороть вас, как противного ребенка.

— А теперь? — растерялась я.

— А теперь я уверен, что восемнадцать лет назад сделал правильный выбор.

— Но почему?!

— Встретить девушку, в которой пылает огонь дракона необыкновенная удача, — почти прошептал ГримГайл, наклонившись к моему лицу. — Обидно было бы ее упустить.

И отвернувшись от меня, ровным голосом прирожденного командира, сказал барону:

— Назавтра выдвигайтесь в мои земли. Прикажу, вас встретят.

И уже виконту: — Ждите приглашения на свадьбу.

Я поражено смотрела вслед выходящему из гостиной герцогу и не верила своим ушам. В себя меня вернуло покашливание донельзя довольного барона:

— Ну что, леди Лорелла, — заявил он. — Немедля же разбуду прислугу и прикажу собирать ваши чемоданы. Завтра на рассвете выезжаем.

— Но...этого не может быть, — мне показалось, что я резко заболела, таким хриплым был мой голос. — Я не могу уехать.

— Почему же? — уже в дверях барон мне подмигнул. — Девушки во веки веков выходят замуж и уезжают из отчего дома.

Барон наконец-то ушел, избавив меня от желания запустить в него чем-нибудь. Мы остались вдвоем с отцом.

— Прощайте, отец, — сухо сказала я. — Надеюсь, завтрашние проводы вы своим присутствием не омрачите.

Прощались мы слезно, бурно и долго. Поэтому в установленный бароном срок — на рассвете, не выехали. В полдень даже спустился отец, сидящий все это время в своем кабинете, и рявкнул на меня. Мы с ним немного повздорили, затем помирились, и прощание теперь уже с виконтом задержало наш отъезд еще на несколько часов.

Барон сначала уговаривал, затем ругал, а под конец уже просто стонал в тени запряженной кареты. Честно говоря, если бы это было в моей власти, я бы не уезжала из дома вовсе, поэтому ничто не могло заставить меня ускориться. В карету я села за десять минут до полуночи. А что не так? ГримГайл сказал выдвигаться завтра — мы нисколько не нарушили его приказ, а планы барона, будущую герцогиню интересуют мало.

С учетом двух факторов, первый — я совершенно не спала ночь перед отъездом, и второй — в движущихся каретах никогда не могла уснуть, дорога предстояла сложная.

Злобный барон отказался ехать со мной в одном экипаже, и мои стенания его ушных раковин не достигали. К концу следующего дня я заявила кучеру, что если он не остановится у первого попавшегося постоянного двора, то к дому герцога привезет не невесту, а ее хладный труп. Не думаю, что он испугался, но на ночлег мы все же остановились.

Барон выглядел недовольным, но возражать против отдыха, как ни странно, не стал.

Хозяин постоянного двора — Мараньо, оказался толстым добродушным мужчиной, происхождением из простых людей. О чем-то он пошептался с ГритБерли и во всеуслышание объявил, что выделяет будущей герцогине самую лучшую комнату.

Что и говорить, от барона я только пакостей и ожидала, поэтому совершенно не удивилась, когда зашла в маленькую грязную комнатку с покосившейся кроватью и к тому же без постельного белья. Матрас заменял тулуп, который удушающее сильно пах костром, но усталость моя достигла уже критической отметки, так что упала я на него, совершенно не чувствуя брезгливости.

К завтраку я вышла подобревшая, полная сил и желания отомстить. Барон сидел в центре полупустого зала с чашкой кофе в руке. Прислуживал ему Мараньо собственной персоной. Я аккуратно присела рядом с ГритБерли, складывая юбки и морщась от неприятного запаха дыма, который, казалось, впитало мое тело.

— Доброе утро, леди Лорелла, — хмыкнул барон, глядя на меня поверх чашки. Снующий тут же Мараньо ловко, не выпуская кофейника из рук, поклонился. — Надеюсь, вы выспались и готовы продолжить наше путешествие.

Заметив, как переглянулись барон и трактирщик, я улыбнулась уголками губ. Что ж, значит, я не ошиблась — они в сговоре.

— О да, я замечательно отдохнула, спасибо, что поинтересовались, — сказала я, раскладывая на коленях салфетку. — Чудесное место, волшебная спальня. После свадьбы, мы с герцогом обязательно заглянем сюда вместе. А главное, снимем те же покои, в которых спала я. Верю, что это станет нашей маленькой традицией. Обещайте в них ничего не менять, — обратилась я к трактирщику. Кофейник в его руках вдруг зазвенел своей крышечкой.

— Вы очень мало знаете о своем будущем супруге, — ухмыльнулся ГритБерли. — Он редко путешествует на лошадях — они его боятся. Поэтому возможность остановиться где-либо, а тем более, здесь, — быстрый, успокаивающий взгляд на Мараньо. — Минимальна.

— На чем же он тогда передвигается? — я с благодарностью приняла в свои руки чашку с ароматным напитком.

— На крыльях. Вы, леди, забываете, что герцог-дракон.

— Ах, да, как же я могла забыть. Тогда лошадям простителен страх перед ним — даже многие люди змей опасаются, а тут еще и летающая. Кстати, а почему вы, лорд ГритБерли, так боитесь лошадей? И как вы чувствовали себя в карете, в непосредственной от них близости? Подушки еще в стирке не нуждаются?

Барон побагровел так, что я думала он лопнет, но нет, сдержался, пар из ушей выпустил, молча допил свой кофе и встал. Я немного опешила, все-таки ожидала немного другой реакции, подняла на него глаза, улыбнулась и мило сказала:

— Как приятно, что вы наконец-то осознали тот факт, что скоро станете моим вассалом и прекратили говорить гадости. Возможно, в будущем мы с вами даже подружимся, и когда-нибудь я позволю вам подержать на ручках гримгайловских дракончиков.

— В вас, леди, нет ничего святого, — заявил мне барон, и выскочил из трактира, напоследок хлопнув дверью. Я же с благодарностью приняла от Мараньо кексик с малиновым вареньем, отвратительного, к сожалению, качества, и не спеша завтрак закончила.

Теперь продолжать путешествие было куда приятнее. Я постоянно смотрела в окно, рассматривая незнакомые виды и ландшафты, и поездкой ничуть не тяготилась, стараясь воспринимать ее, как небольшую прогулку. Как пояснил мне кучер, мы проезжали через земли Лайсманов. Представителей этого древнего рода я никогда не встречала, но из уроков истории знала, что они повелевают металлами. На их территориях, это уже рассказал мне кучер, огромное множество всевозможных шахт и мастерских по добыче, выплавке и обработке металлов, но Лайсманов, обладающих по-настоящему большим количеством Дара, осталось совсем немного и в последнее время дела их пошли совсем худо.

Вполне возможно, что совсем скоро перед королем поставят вопрос о лишении этого древнего рода всех земель и титулов.

К ночи мы преодолели болотистые земли Квингов и небольшой анклав королевства — княжество Геруссия, князья которого видели будущее и всегда знали правду. Но истинную сущность их можно было выразить шуткой моего отца: знать правду, еще не значит ее говорить.

Наутро мы въехали в земли моего жениха. Уже через час движения, по правую сторону кареты, на холме я увидела громадный замок, с раскинувшейся вокруг него парковой зоной. Даже издали заметны были витражные стекла, освещенные восходящим солнцем. Стены сложены были из светлого гладкого камня, и мне казались игрушечными, как в кукольном домике. Шпили башен устремлялись вверх, соединяясь между собой узкими мостиками. Я даже в ладоши захлопала, настолько меня восхитил этот замок принцессы.

— Это дом Его Светлости? — севшим от восторга голосом, спросила я.

Кучер хохотнул в кулак и пояснил:

— Этот замок герцог выстроил для своей матушки. Говорят, при переезде она дико злилась и плевалась огнем так, что большая часть вещей, уже погруженных в кареты, сгорела. Причем вместе с экипажами. Неудивительно, что Его Светлость постарался избавиться от такой...хм, матушки, как только появилась возможность.

— Да, неудивительно, — пробормотала я, почему-то вспомнив о карете графа, которую упоминал барон. Может быть, и ее ГримГайл сжег в порыве гнева? Но вроде бы при

появлении на балу злым он не выглядел.

Живописные пейзажи полей и лесов вскоре сменились на камни и одинокие, почти лысые деревья, а затем и вовсе перешли в предгорья. Высунув голову в окно, я увидела на горизонте внушительный горный массив, вершины которого терялись где-то в облаках.

Я почувствовала себя нехорошо. Возможно, дракону и уютно где-то в вышине, где воздух разряжен, а ноги утопают в снегу, но я жить в таких условиях точно не мечтаю. Почему бы этому заносчивому герцогу, на шее которого бусами свисают дамы, не найти себе какую-нибудь драконицу, и с ней вместе наслаждаться холодными ветрами. У меня-то в крови огня нет, так я по сравнению с ними как... как лягушка хладнокровная.

В общем, когда мы добрались до подножия горы, я себя накрутила так, что если бы сейчас встретила ГримГайла, то открутила ему голову, невзирая на нормы поведения, правила приличия и то, что он раз этак в четыреста сильнее меня. На счастье Его Светлости, у подножия нас встретил не он, а трое слуг. Молодой, какой-то хрупкий и женственный юноша радостно улыбнулся злой и замерзшей мне, и представился Клетом. Заметив, что я дрожу, он дунул себе в руку, и неожиданно меня обдало потоком теплого воздуха. Я поразились, причем не столько проявлению Дара у слуги, сколько подобной заботе, от которой за время путешествия совершенно отвыкла.

Двое других мужчин, крупнее и приземистее Клета, тоже выглядели вполне дружелюбно. Обмениваясь с кучером шутками, они выгрузили из кареты мои чемоданы и поместили их на небольшую платформу, которую привезли с собой. Барон хмуро смотрел на пару пустых лошадей позади Клета, и, как оказалось, не зря.

— Леди не будет возражать против того, чтобы пересесть на лошадь? — спросил меня один из мужчин, назвавшийся Верлигом. — На карете будет очень неудобно двигаться по горному серпантину.

— Конечно, я не против, — когда стало немного теплее, то и градус моего настроения мигом пополз вверх. — Вот только мой спутник... — я растерянно оглянулась на барона, и доверительно сообщила Верлигу о том, что барон боится лошадей.

— Не может быть! — фальшиво ахнул мужчина и подмигнул мне. Клет и третий слуга почти одновременно кашлянули в кулак, тщетно стараясь замаскировать смех. С легким опозданием я поняла, что барон должен часто бывать в замке герцога, и слуги никак не могут не знать о его четвероногой фобии. А значит, не одну меня ГритБерли достал своими вечными придирками.

— Что же теперь делать? — я в задумчивости прикусила губу. — А, знаю, наверное вам, Ваша Милость, следует остаться здесь и подождать... ну не знаю, наверное того момента, как горы сравняются с землей.

— Лорд ГритБерли, вы вполне можете прилечь на платформу, — подал голос Клет. — Конечно, она может сорваться в пропасть, но уж точно не взбрыкнет.

— Саран, прекрати балаган, — поморщившись, барон обратился к третьему слуге. Оказалось, среди встречающих он был главным.

— Барон прав, нам пора. Леди, прошу, — он подвел ко мне настоящую красавицу лошадь. Кобыла, абсолютно белоснежная, с внимательными черными глазами, уткнулась своей мордой мне в плечо и тихонько заржала. То есть, для всех это было ржание, но я услышала, как она сказала:

— Васса. Я буду очень осторожна.

Я улыбнулась, и, отказавшись от помощи, взобралась в седло.

— Ее зовут Васса, миледи, — сказал Саран, подавая поводья.

— Спасибо, я уже знаю.

— Наша леди из рода УолтВисби, — пояснил хмурый барон. — Понимает животных.

Мужчины уважительно на меня взглянули и, запрыгнув на своих лошадях, быстрым шагом двинулись по каменистой дороге, уходящей влево от основной. Барон остался на месте. Видя, что я нерешительно оглядываюсь и придерживаю недовольно всхрапывающую Вассу, он вдруг улыбнулся и махнул рукой. Пожав плечами, я бросилась вслед за слугами.

Дорога оказалась не столь крутой и опасной, как я предполагала. Карета бы и правда не поместилась, но одна лошадь в движущейся колонне чувствовала себя вполне комфортно. Дождавшись расширения тропы, я поравнялась с Клетом и поинтересовалась, как до замка будет добираться барон.

— О, это очень интересный вопрос, — мне ответил не юноша, а Саран. — Думаю, он протиснется сквозь гору, — видя, что я не понимаю, пояснил: — Его род вечно в земле копошится — Дар у них такой, твердью земной повелевают. Специализацию барона не знаю, но завтра к обеду вылезет он прямо из земли, перемазанный, уставший и злой, аки пчела в банке. Тут уж держись. Бабы, простите, женщины, заранее длинные юбки, платки надевают, глаза в пол и слово сказать боятся. Но он все равно находит к чему придраться.

— А мужчинам он нотации не читает?

— Пытался, пришлось его один раз изловить, надели мешок на голову и немного подсказали, что нерадивые мы ученики, нам лучше уроков поменьше раздавать.

— Лорду?! — задохнулась я. — Мешок на голову?!

Лицо Сарана потемнело, а голос стал вдруг строгим.

— Он нам никто, миледи. Наш лорд — герцог ГримГайл, и только ему мы подчиняемся, и его приказы выполнять станем. Нами правит огонь, а не земляной червь.

Я промолчала, хотя язык так и чесался провести аналогию между червями и кое кем летающим, но благоразумие взяло верх, да и тропа пошла на сужение, поэтому пришлось увести лошадь назад.

Через несколько часов тяжелого пути я извелась от желания отдохнуть и нежелания проявлять слабость, прося о привале. Мы так долго шли, что казалось, скоро дотронемся до облаков рукой. Деревья внизу уже были неразличимы, и казались черной точкой на глазу, но горы все еще возвышались над нами, и не думая заканчиваться. Я хотела есть и благо, что хотя бы проблема отсутствия воды меня не коснулась — Саран передал флягу, но спина и ноги болели ужасно.

Когда я, наконец, убедила себя в том, что гордость дело наживное, а тело новое мне никто не предоставит, мы завернули за очередной склон и ступили на скальную перемышку. За ней, на массивном каменном гребне располагался колоссальный замок. Вокруг него не было рва с водой — в этом не было нужды; мост заменяла собой каменная терраса, но все равно это был самый величественный замок из всех, что я знала. Хотя, если не кривить душой, большую их часть я видела только на картинках. В бойницах башен на внешних стенах замка горел огонь, а сами стены были черные, будто обгорелые, и если вспомнить, кем является его хозяин, то это неудивительно.

Нас ждали. Как только копыта лошади ехавшего впереди Верига ступили на словно насыпную террасу горы, ворота отворились и навстречу нам двинулись двое всадников.

Первый — щеголеватого вида молодой человек с приятными чертами лица, густыми сросшимися на переносице бровями и обворожительной улыбкой. Темные волосы,

спускающиеся ниже плеч, собраны в хвост и перевязаны зеленой лентой, в тон мундиру с ярко начищенными золотыми пуговицами. Представился он начальником замковой стражи Дейего Лафонетом. Второй мужчина напомнил мне барона ГритБерли — такой же вечно недовольный чем-то взгляд; сморщенный, будто унюхавший мерзость носик и строго поджатые губы. Одет он был в длинный черный плащ с капюшоном, совершенно не защищающий своего хозяина от холода. Мужчина оказался лордом Бейсриком — констебль имения ГримГайл. Имя рода — Бейсрик, мне было незнакомо, по-видимому, их земли находились где-то на окраине королевства.

Обменявшись дежурными фразами, мы проехали во внутренний двор, размером не более полутора гектаров и разделенный на несколько частей. По обе стороны ворот выстроились, кажется, все солдаты замка.

Я покосилась на Лафонета, и он, верно истолковав мой взгляд, пояснил:

— Простое приветствие, госпожа. К тому же, всем хотелось увидеть невесту герцога, ведь мы так долго вас ждали. Если вам неприятно, все вмиг исчезнут.

— Ну что вы, — я улыбнулась всем солдатам сразу, глядя поверх голов. — Просто показалось, что вы стремитесь от кого-то меня защитить.

Лафонет посмотрел на меня, как на умалишенную.

— Леди Лорелла, никто и в мыслях не посмеет вас обидеть, вы же будущая герцогиня ГримГайл!

— В такой ситуации приятно понимать, что я ошиблась.

Мы пересекли двор. Надо мной возвышался огромный дворец — здание, высотой в 3 этажа кажется бесконечным из-за высоких остроконечных башен. Запрокинув голову, я рассмотрела многочисленные резные окошки и вычурные балконы. В нашем родовом доме УолтВисби было всего 2 этажа, к тому же периметр здания был в разы меньше. Замок мне понравился, но даже голова разболелась, когда я подумала о том, как им сложно управлять.

— Прошу вас, леди, войдемте, — пригласил констебль, который в ожидании, пока я рассмотрю фасад, уже замерз.

От волнения я задержала дыхание и, постаравшись не упасть на ватных вдруг ногах, взошла на высокие гранитные ступени. Высокую, черную и с виду тяжелую дверь отворили, и в сопровождении Бейсрика я вошла в холл. Даже бальный зал маркиза ПремСбита, когда-то поразивший меня своим великолепием, уступал этой передней. Стены были покрыты лепниной и окрашены в такие нежные тона, что они никак не вязались с обликом ГримГайла. Белые колонны поддерживали высокий расписной потолок, а на гладком паркетном полу, раскинув в разные стороны крылья, красовался черный дракон, извергающий пламя. Только это изображение подтвердило, что явилась я точно по адресу.

В холле меня тоже встречали. Посреди зала в реверансе застыла невысокая женщина с крупными руками, пышными формами и светлым миловидным лицом. По тому, как она беспрестанно поправляла платье я поняла, что оно новое, и женщина, явно стараясь мне понравиться, приделась. Оказалась она старшей служанкой, и попросила называть ее Карисой.

Кариса мне сразу понравилась. Она была такая... уютная что ли.

Меня проводили в приготовленные покои, решив отложить экскурсию по замку на другой день. И я, быстро окунувшись в подогретую служанками ванную, вытянулась на мягкой постели и мгновенно уснула.

Казалось, что проспала я недолго, но наутро меня еле добудилась молоденькая

горничная. Видя мое состояние, девушка предложила дожидаться завтрака в постели, но пришлось отказаться. В отцовском доме я бы мигом получила по зарвавшемуся носу, вздумай закапризничать и отрывать прислугу от работы таким образом.

Девушка, ее имени я не расслышала, хотя и переспросила несколько раз, помогла мне одеться и быстро уложила волосы. Вышло очень привлекательно — не вычурные букли Дарлайн, но вполне сносно для завтрака. Все перипетии лестниц и коридоров я естественно запомнить не могла, поэтому горничная вызвалась меня проводить.

Шла я медленно, рассматривая картины на стенах и скульптуры в нишах, и не сразу заметила посреди коридора женщину. Она стояла, уперев руки в боки, нетерпеливо постукивала носком туфли по полу и не сводила с меня злобного взгляда. Чуть не споткнувшись от почти физически ощущаемой ненависти, я позволила себе отвлечься от созерцания прекрасного и обратила внимание на даму.

Красивой я бы ее не назвала — нос с горбинкой, чересчур пухлые губы, злые прищуренные глаза, но, безусловно, женщина была эффектна. Длинные волосы свободной волной спускались до пояса, что в обществе давно считалось дурным тоном. И в отличие от моего — пышного платья, объем которого достигался за счет каркаса, ее одеяние было обтягивающим вплоть до колен, ниже юбка ненамного расширялась. Мне не очень импонировал и цвет его — яркий, коралловый, к тому же напрягало большое количество блесток и наличие на подоле шуршащей мишуры.

В общем, обследовав наряд этой особы, я немного опечалилась, заподозрив, что на территории ГримГайловских земель заведена такая мода. Хорошо, что в брачном договоре нет пункта, регламентирующего мою форму одежды, и подобную дикость мне придется лишь только лицезреть.

— Доброе утро, — поприветствовала я даму. Девушка, провожающая меня, неожиданно ступевалась и вообще, сделала вид, что мимо проходила.

— Доброе? — прошипела женщина, чем повергла меня в глубокую растерянность. Причину такого пробела в воспитании я понять не могла — дама-то, судя по всему, не в крестьянском доме росла, могли бы родители ее обучить, хотя бы знакомиться.

— Как вас зовут? — медленно, выделяя каждое слово, как для умалишенной, спросила я.

— Пошла вон, — кивнула женщина горничной. Та отступала, испуганно глядя на меня. Я ободряюще ей улыбнулась — все правильно, пока что я в этом доме гостя, а почему знать, может дама передо мной какая-то родственница герцога и тогда хозяйкой является она. Но узнать имя этой хамки захотелось еще больше. Та меж тем опять повернулась ко мне, сложила руки на груди и заявила:

— Я леди Виола Мойра Бри, если мое имя тебе о чем-то говорит.

Я нахмурилась. Столь быстрый переход на «ты» в приличном обществе совершенно недопустим. Но фамилия далекая от герцогской меня одновременно успокоила и раздражила.

— Да вы что, — умиленно воскликнула я. — Та самая Бри? Нет, естественно, я о вас не слышала — мелкие рода отдаленной части королевства не являются приоритетными для моего внимания. Хочу услышать вашу должность в этом замке.

— Камердинер, — Виола подалась ко мне, и я почувствовала сладкий аромат ее духов. Машинально отметила, что они совсем недурны.

— Полагаю, вы не в состоянии выучить название своей должности, — камердинера у

моего отца естественно не было, но я знала, что так называют личного слугу хозяина замка. — Камердинером всегда назначают мужчину.

— Ошибаешься, — снисходительно посмотрела на меня противная леди. — Я действительно камердинер Его Светлости, только весьма узкий — в мои обязанности входят «очень» личные потребности герцога.

Теперь я все поняла, и покраснела так, что казалось, и волосы на голове вспыхнут. Но заметив, что леди с удовольствием наблюдает за моим замешательством, обворожительно улыбнулась.

— Скажите, в замке есть библиотека?

— Есть, — настороженно, не понимая, к чему я клоню, ответила Виола.

— Ну что же, очень жаль, что вы ни разу не удосужились ее посетить и изучить хотя бы основы этикета. Открою вам секрет — во всеуслышание заявлять, что вы бесчестны, как минимум, глупо, а как максимум, некрасиво.

Виола открыла рот, переваривая мои слова, и внезапно закричала:

— Это ты что, меня шлюхой обозвала, что ли?

— И ругаться леди тоже не пристало, — заявила я, как можно дальше обходя эту ненормальную, в намерении все-таки столовую отыскать. — Хотя о чем это я? Думаю, вам нужно начать с азов — научиться молчать и низко кланяться, когда в одном с вами помещении находится кто-то, гораздо выше по положению.

Разумеется, я так не считаю, но поставить на место зарвавшуюся любовницу герцога была просто обязана.

— Да как ты смеешь? — пуще прежнего заверещала мамзель. — Ты здесь никто.

Я покосилась на окно в конце коридора, уверенная, что оно должно было лопнуть.

— Что ж вы кричите, как потерпевшая, — вздохнула я. — Никто у вас родственника не убивал, безвкусные платья ваши не воровал. Все просто — любовник вами наигрался, решил, наконец, стать порядочным человеком, женится. Кто ж виноват, что вы ему в качестве супруги не подходите?

— Свадьбы не будет!

— Это герцог сказал? — обрадовалась я, но надеждам моим сбыться было не суждено.

— Нет! Но он тебя не любит, я знаю! Я...

— Хватит, — раздался позади меня властный голос. Я обернулась и увидела Бейсрика. Без плаща, в легком камзоле и модном при дворе жабо, он выглядел стройнее, чем я предполагала, но гораздо старше. Подозреваю, с герцогом они ровесники, только Бейсрик так хорошо не сохранился. — Леди Бри, удалитесь в свои покои немедленно.

Не споря, Виола проплыла рядом со мной, одарив напоследок таким взглядом, что удивительно, как это я в ледяную скульптуру не обратилась. Я еле удержалась от того, чтобы показать ей язык — все ж таки сама о правилах хорошего тона вещала.

Констебль любезно предложил мне руку, и мы двинулись в столовую.

— Вас горничная отыскала? — догадалась я.

— Да, Элайза сразу поняла, что появление неподалеку от ваших покоев госпожи Бри, чревато проблемами. В это время она обычно еще спит.

— Эта Бри, она кто?

— Эмм, — растерялся, не зная, что соврать, Бейсрик. — Она...

— Любовница герцога, — подсказала я. — Меня не это интересует, я имею в виду ее титул и Дар. Какой у нее Дар?

— Дара у нее нет, а титул... Герцог пожаловал ей крохотную часть своих владений, задействовал свои связи, теперь она баронесса.

— Вот как, — я в досаде прикусила губу. — И много по герцогству аморфных образований, в которых властвуют любовницы моего жениха? Полагаю немало, учитывая его возраст.

Бейсрик замигал обоими глазами, правда, как-то несинхронно, и чуть ли не протянул меня волоком по ковру. Зато в сокращенные сроки преодолел последние метры, оставшиеся до высоких белых дверей, за которыми оказалась вожделенная столовая. Радуюсь, что на мой вопрос не пришлось отвечать, Бейсрик передал меня на поруки служанкам и исчез прежде, чем я успела его остановить.

За огромным, персон на тридцать, столом, я сидела в полнейшем одиночестве. Передо мной на стеклянном подносе высились пирамиды пирожных, всевозможных оладьев, и даже сырников. На отдельной тарелке лежал красиво украшенный омлет, а с кофейником наготове стояла одна из горничных. В глазах моих вдруг защипало — я вспомнила шумные завтраки у нас дома, моменты, когда вниз спускалась, как всегда невыспавшаяся мама и громко ворчала на отца из-за какого-то пустяка. Отец всегда беззлобно отшучивался, призывая в свидетели своей невиновности Духов, животных и Шнитора. Духи на призывы смертных не отвечали, все животные подчинялись отцу, как обладателю высшего уровня Дара, а Шнитор за виконта и в петлю бы полез.

Дарлайн на завтрак всегда опаздывала, зато наряжалась, как на бал, а я всегда пила кофе, читая при этом книгу, за что получала от мамы пару окриков. Если же к нам приезжали сестры со своими семьями, то от шума и гама можно было и вовсе свихнуться, но лучше уж так, чем сидеть в огромной, какой-то холодной столовой, которая казалось таковой из-за светлых стен, обитых белым деревом. Еще и тишина стоит мертвая, так как слуги отчего-то ведут себя скованно, и даже тарелкой звякнуть боятся.

Кусок в горло отказывался лезть в такой угнетающей обстановке. Я допила кофе, не притронувшись ни к чему из еды, вежливо поблагодарила испуганных девушек и попросила проводить меня в спальню.

Возникла было мысль посетить библиотеку, но что-то мне подсказывало, что оскорбленная леди Бри вполне может сейчас обитать там. А я еще от первой нашей встречи не отошла.

Вернувшись в спальню, обнаружила, что вещи мои уже разобраны, разложены по полкам, а пустые чемоданы куда-то исчезли. Не зная, чем заняться, я присела на краешек кровати и огляделась. Вчера, да и сегодня утром, возможности осмотреть выделенные покои не было, а сейчас они меня очень порадовали. Нежные, кремового оттенка стены, на два тона темнее мебель — кровать, туалетный столик, шкаф, и приятного бежевого цвета кресла, стоящие перед ширмой, отделяющей кровать от остальной части комнаты. В углу дверь, где, как я помнила, находится ванная комната.

Надо сказать, мое новое жилище мне очень и очень нравилось. Жаль только, что находится оно в горах, на отшибе королевства, да и довесок в виде герцога радости добавить не может. Самым неприятным было осознание того, что угрожает мне изнуряющее одиночество, вдали от огромной семьи.

Перевела взгляд на кровать и ахнула — с собой я привезла вышитое мамиными руками покрывало, и служанки, распаковывающие вещи, застелили им постель. В глазах снова защипало, и, бросившись ничком на дорожную памятку из дома, я горько расплакалась.

Не знаю, как я пережила неделю пребывания в замке ГримГайла. Во-первых, вернулся ГритБерли, и теперь даже в столовой тихо не было — везде слышалось его противное брюзжание и непрерывные нотации.

Во-вторых, Виола ступила на тропу войны, и куда бы я ни направилась, она повсюду следовала за мной. Радовало только то, что, в присутствии ГритБерли, закатывать скандалы леди Бри не решалась, так что хотя бы один плюс в бароне все же был.

В-третьих, прислуга меня боялась до одури. Доходило до того, что когда я задавала горничной вопрос, от переизбытка чувств она могла расплакаться.

И не в-четвертых, но все же следует заметить, что лорд ГримГайл пока так и не явился.

Как уже было сказано выше, прошла неделя. Я в очередной раз ужинала в столовой, и слава Духам одна, так как ГритБерли чем-то был ужасно занят. В помещении, по причине сгустившихся сумерек, зажгли свечи, служанки замерли за моей спиной безмолвными привидениями, а я вдруг решила, что с меня хватит.

Неожиданно даже для самой себя, что уж тут говорить о бедных горничных, я бросила нож с вилкой в тарелку, насладились звоном, который по пустой комнате разнесся грохотом, и, сложив руки на груди, заявила:

— Так больше продолжаться не может!

Девушки, прислуживающие мне сегодня, побледнели, и клянусь, чуть не потеряли сознание. Одна из них, по-моему, Ханна, заикаясь, спросила:

— Что-то не так, Ваша Милость? Простите, мы все исправим! Может быть, стейк не дожарен? Сейчас же позовем повара.

Из-под моего носа тут же выхватили тарелку. Пришлось вцепиться в блюдо с другой стороны, иначе уверена, получил бы бедный повар (который, кстати, превосходно готовит) по колпаку и, может быть, даже не одной тарелкой.

— Дело не в стейке! — возопила я. — Да отпустите же! Давайте спокойно поговорим!

Тарелка была освобождена, я водрузила ее перед собой и хмуро взглянула на служанок.

— Почему вы меня так боитесь?

— Как можно! — вторая девушка опустила глаза, пальцами нервно затеребила фартук. — Мы несколько вас не боимся, миледи. Вы такая красивая, умная, добрая...

— Так! — прервала я поток лести. — Кто вам наговорил про меня гадостей? — у меня конечно были кандидатуры, но хотелось бы выяснить имя.

Ханна переглянулась с подругой. Казалось, они безмолвно о чем-то спорят, и хорошо, что здравый смысл победил.

— Лорд ГритБерли, — еле слышно прошептала Ханна.

Я постучала пальцами по столу и искоса на них взглянула.

— Поясните. Ведь началось это еще с первого моего дня здесь, когда барон только продирался сквозь толщу горы.

Ханна набрала побольше воздуха в грудь и понеслось:

— Герцог вернулся накануне вашего приезда. Не в духе был, заперся с Бейсриком и о чем-то с ним разговаривал. Нам совсем случайно стало известно, что обсуждали вашу персону, — щеки девушки запылали. — И мы сделали вывод, что вы скандальная, заносчивая особа, и для нас теперь настанут тяжелые времена...

Интересно, что же такого мог озвучить герцог, что прислуга сделала подобные умозаключения? Он что, вдобавок ко всем своим недостаткам еще и приврать любит?!

— ...в первый день мы ничего страшного в вашем поведении не заметили, но когда явился барон ГритБерли, то все наши опасения подтвердились. Он сказал... — девушка замялась.

— Продолжайте, — кивнула я, а на душе кошки уже скребли от дурного предчувствия.

— Он сказал, — почти шепотом продолжала Ханна. — Что в своем поместье вы истребили почти всех животных, прислугу привыкли пороть собственноручно, а герцога на вас жениться заставил король, чтобы хоть кто-то мог держать вашу жестокость в узде.

Какие выводы я сделала из этого рассказа? Первый — подслушивание это общая черта всех слуг, вне зависимости от того, кем является их лорд. Поэтому запертые двери еще не гарантия сохранения тайны. А второй — ГритБерли, оказывается, очень злопамятный. Ну что ж, значит, мне придется мстить по горячим следам, чтобы он и свое зло забыть не успел.

В возмущении я вскочила на ноги, не обращая внимания на то, что стул с грохотом упал.

— Такое про меня сказать?! — взвилась я. — Ну, ГритБерли, ну и подлец, удружил. После такой характеристики, хорошо, что меня еще повар не отравил. Да я этому барону такое устрою! Он у меня сто раз пожалеет и за свои слова, и за месяц моих страданий в его обществе.

По-видимому, у меня в этот момент было такое зверское выражение лица, что девушки пожалели о своем откровении. Заметив, как горничные забились в угол, да и вообще, осознав, что сейчас я как раз в образе, придуманном бароном, резко осеклась и постаралась улыбнуться. Вышло немного кривовато — из моей головы не желало исчезать изображение того, как я собственными руками душу ненавистного барона, но Ханна с подругой облегченно вздохнули.

— Значит так, — стул я все-таки подняла и на него села. — ГритБерли соврал все до последнего слова. Животных я люблю. Да что там говорить, мой Дар как раз — общение с животным миром, — об уровне Дара, конечно же, упоминать не стоит. — Насчет женитьбы с герцогом — мы с ним помолвлены с момента моего рождения, поэтому версия барона вообще не выдерживает никакой критики.

— А слуг вы бьете? — подала голос вторая служанка. Надо хотя бы выяснить, как ее зовут.

— В моем доме, — я устало вздохнула и поправила. — В моем бывшем доме принято с прислугой общаться, как с родственниками, на равных. Мне уже в печенках засела ваша всеобщая тишина и покорность. Вы же даже тарелкой звякнуть боитесь!

— Но почему лорд ГритБерли такое про вас придумал? — поразились Ханна.

— Лорд ГритБерли меня терпеть не может, — прямо сказала я. — Поэтому предлагаю начать знакомство заново. Уверяю вас, человека, противнее нашего барона найти сложно, поэтому вы ничего не теряете.

Девушки засмеялись, и почти физически стало ощутимо, как разрядилась атмосфера в комнате. Надеюсь, что так будет и с прислугой во всем замке. Уже в конце ужина, когда мне подали чай, я позволила себе спросить:

— Ханна, а что про меня говорил герцог?

— Он рассказал, что вы не хотите за него выходить замуж.

— И только поэтому вы решили, что я склочная и заносчивая?!

Горничная удивленно на меня посмотрела.

— Конечно, за нашего герцога все девушки королевства замуж хотят, а вы отказываетесь. Что мы еще о вас должны были подумать? А насчет скандальной... Так у герцога все девушки такие — одна другой злее. Он фейерверк в жизни любит — скандалит, огнем пышет, а потом мирится на весь этаж. Ой, простите...

Настроение у меня упало ниже фундамента. А я-то голову ломала, отчего это герцог разрывать помолвку не стал после моих скандалов. Оказывается, чтобы его разочаровать, всего-то и надо было — в рот заглядывать и молчать, а я...и пощечину, и обличение, и крики... Самочувствия не добавлял и тот факт, что теперь в заключении помолвки обвинять отца как-то неправильно. Ведь был же у меня шанс исправить ситуацию, и остаться, наконец, свободной, а я, в силу собственного отвратительного характера, сама же все и испортила.

Хорошо хоть, что жизнь в замке стала не в пример приятнее. Постоянным спутником моим стал питомец Бейсрика — лощеный важный кот по имени Патрик, обладатель длинной рыжей шерсти и приплюснутого носа. Слуги расценивали это как проявление моего Дара, и я не стала их разубеждать. На самом деле, вся причина крылась в том, что у меня единственной из всех обитателей замка была возможность уделять Патрику много внимания, а он жутко нуждался в том, чтобы его тискали и обнимали. Где прятали кота до этого, так выяснить и не удалось. Он сам пытался мне рассказать, но вся понятая мной информация сводилась к одному слову — холодно. Так как в замке в принципе жарко не было, яснее не стало.

Общение с прислугой тоже изменилось в лучшую сторону — Ханну закрепили, как мою личную горничную, и она оказалась такой болтушкой, что об обитателях замка я скоро знала все. Коридоры ожили, в столовой теперь не было этой угнетающей, испуганной тишины.

Так прошло три дня. Но на четвертый день настроение мое было испорчено с самого утра. Разбудила меня Ханна, распахнув шторы и сбросив с постели совсем уже обнаглевшего Патрика. С трудом открывая глаза, да что уж говорить, в ванную вообще двигалась на ощупь, я оделась и присела перед зеркалом.

Ханна тут же принялась колдовать над моей прической.

— Чего ты такая взвинченная? — хмуро спросила я горничную, по одной подавая ей шпильки.

— Леди Лорелла, герцог же вернулся.

— Что?! — сон мигом улетучился. — Как вернулся? Уже?!

— На рассвете прилетел. Пока с Бейсриком дела обсуждает, а после пожелал с вами позавтракать. Не беспокойтесь, вы очень красивая!

Как будто меня это волнует. Я аккуратно положила шпильки на столик и встала, не позволяя закончить прическу.

— Ханна, возможно ли принести завтрак в мою комнату?

Девушка растерянно развела руки и воскликнула:

— Но как же так, миледи! Ведь вы так давно не виделись с герцогом, нужно же свадьбу обсудить, и вообще...леди Бри с утра под его дверью караулит!

Я вслух застонала. Это неприятное для всех действие мне мечталось отсрочить на неопределенное количество лет. Наверное, и Духи не знают, на что я в жизни надеялась, но уж точно не на то, что мне придется так скоро стать женой ненавистного герцога. Поэтому и информация о поползновениях леди Бри на моего жениха меня несколько не заинтересовала, а тем более, не расстроила.

— Повторяю вопрос: возможно ли принести завтрак сюда, или стоит объявить голодовку? Опыт у меня уже есть. Скажи, что я себя плохо чувствую — головная боль, диарея, да что угодно соври.

Я опять присела, в зеркало наблюдая за тем, как Ханна сосредоточенно сооружает на моей голове башню, при этом хмурясь и кусая губы.

— Ты выполнишь мою просьбу? — уточнила я совсем не из любопытства. На лице горничной были написаны сомнения и страх.

— Я постараюсь, — Ханна стыдливо опустила глаза и одернула фартук. — Но если честно, мне очень страшно идти с этой информацией к герцогу.

— Тогда сделаем по-другому, — я откинулась на спинку кресла и хитро улыбнулась. — Пусть о том, как мне плохо, первым узнает барон. Полагаю, он заинтересуется.

Ханна, посветлев лицом, убежала. И как я и надеялась, через десять минут после ее ухода, сердито раздувая ноздри, явился ГритБерли.

— Что значит, «будете завтракать в комнате»? — распахнув двери, закричал он с порога. Я, стоя у зеркала, как раз пила воду, и от такого вопиющего хамства даже поперхнулась. С ответом на свой вопрос, барону пришлось обождать.

— Вы, лорд ГритБерли дверью не ошиблись? — сердито спросила я, как только откашлялась. — Какое вы имеете право врывать ко мне в комнату? Вы мне не отец, не брат, не муж и даже не жених, — последнее я произнесла особенно ехидно.

— Когда сюда ворвется ваш жених, вы, леди, пожалеете, — пообещал ГритБерли. — Герцог не любит, когда его пожелания не выполняют.

— Ах, Ваша Милость, — я вполне натурально загрустила. — Вы знаете, я так плохо себя чувствую в последнее время, голова болит, сердце не плачет, нет, рыдает горькими слезами.

— С чего это? — с подозрением осведомился барон. — Кормят вас хорошо, сутками отдыхаете.

— Скажу вам по секрету, кто-то распространил обо мне лживые слухи. Всего лишь среди прислуги, но все же. Моя ранимая душа не переносит лжи и предательства, так и передайте герцогу — страдаю именно из-за этого, — я расстроено прикрыла глаза, уже зная, что в этом раунде выйду победителем. Вряд ли мой жених похвалит своего поверенного за злобную самодеятельность, а значит, барон пойдет на мои условия примирения.

— И вы не знаете, кто бы это мог быть? — уточнил ГритБерли.

— Как же, знаю.

— И кто этот подлец?

— Вы!

— И у вас есть тому доказательства? — спокойным голосом поинтересовался барон, но его нервозность была заметна и невооруженным взглядом.

— Полагаю, описания моих наблюдений и показаний большей части прислуги будет достаточно.

Барон прошелся по комнате взад-вперед.

— Я так понимаю, у вас есть ко мне предложение?

— Вы ошибаетесь, — я зло усмехнулась. — У меня есть ультиматум. Прямо сейчас вы спускаетесь вниз, и, оседлав любую из лошадей, стоящих в замковой конюшне, прокатитесь на ней по двору.

— Вы не посмеете, — побледнел ГритБерли.

— Вы так считаете? Тогда придется попросить Ханну позвать герцога. Думаю, она

совсем неподалеку, — я медленно подошла к двери, мысленно моля ГритБерли остановить меня. Мне совершенно не хотелось расследований и ссор, которые неизбежны, если придется привлечь герцога. Барон напряженно за мной наблюдал, и как только я коснулась ручки двери, воскликнул:

— Хорошо! Я согласен!

— На что согласны? — ядовито уточнила я. — На присутствие при нашем следующем разговоре герцога?

— Нет, — заскрипел барон зубами. — Я сяду на лошадь, обязательно сяду. Идите, завтрак скоро начнется, герцог не любит ждать.

— Так не пойдет, милорд, — я присела на кресло. — Раз уж вы не желаете расстраивать герцога, тогда именно вам следует поспешить. Вашу поездку я бы хотела лицезреть в окно собственной спальни — из него прекрасно просматривается двор. Как вы не понимаете, Ваша милость, я же забочусь, в первую очередь, о вас — от своих страхов необходимо избавляться.

— Вы еще пожалеете, — заявил барон.

— Обязательно, — я сложила руки на груди. — Но не ранее, чем вы огласите всю округу своим поросычьим визгом. Смелее, милорд, не тяните время.

Отчаянно ругаясь, барон меня покинул. Я распахнула окно и, несмотря на холодный ветер, с наслаждением вдохнула свежий горный воздух. Пришлось немного подождать, пока ГритБерли приведут лошадь, и он, подпихиваемый слугами под тыльную часть тела, на нее усядется.

Как я и предсказывала, барон кричал. Причем кричал так, будто его режут.

— Натуральный поросенок, — вздохнула я, и, закрыв окно, вышла из комнаты. Месть свершилась, пора было исполнить и свою часть уговора.

Пока я шла по бесконечным коридорам, тщетно пыталась успокоиться, но в итоге, когда достигла столовой, почувствовала, как подкашиваются ноги, а живот настойчиво уговаривает сбежать в известнейшую из комнат. Окинув себя внимательным взглядом, тут же разозлилась — не хватало еще переживать насчет того, какое произведу впечатление на герцога.

Ханна открыла передо мной двери, и от созерцания возмутительнейшей картины, я даже перестала волноваться — герцог позволил себе начать трапезу без меня! Ему накрыли не во главе стола, а напротив моего обычного места, поэтому просто списать на забывчивость факт такого пренебрежения было невозможно. Я широкими шагами пересекла комнату, уперлась руками в стол, и, нависая над герцогом, прошипела:

— Можно поинтересоваться, Ваша Светлость, а почему вы приступили к завтраку, не дожидаясь меня?

Служанки, ровным строем, стоящие у стола, отчего-то сделали слаженный шаг назад. Не обращая никакого внимания ни на прислугу, ни на меня — глаза он от тарелки так и не поднял, ГримГайл ответил:

— И вам доброе утро, леди Лорелла. Поинтересоваться вы, конечно, можете, но суть ваших претензий от меня, честно сказать, ускользает. Вы опоздали, а ждать вас хоть секунду, я не намерен.

— Я вообще не собиралась спускаться, — я присела на краешек стула и дрожащими от ярости руками взяла чашку с кофе.

— И что заставило вас передумать?

— Лорд ГритБерли, — я улыбнулась своим мыслям. — Привел неопровержимые аргументы того, почему я должна здесь быть.

— Стало быть, не такими уж устойчивыми были контраргументы.

Мой кофе чуть не расплескался, с такой злостью я поставила чашку на блюдце. Своего я добилась — голову герцог все же поднял, и теперь взирал на меня с легкой усмешкой. Я встряхнула головой, потому что внезапно взгляд мой заблудился, заметавшись между ярко-зелеными глазами и иронично изогнутыми губами ГримГайла.

— А в чем все-таки было дело? Почему вы не хотели спускаться? — поинтересовался герцог.

— Плохо себя чувствовала, — задиристо заявила я.

— Хм, и что это было? Подозреваю, банальное воспаление хитрости?

— Ошибаетесь, острое нежелание вас видеть!

— Вот видите, как легко оно лечится? — улыбнулся ГримГайл. — Всего-то и необходимо — прислушаться к умным людям. Дам вам совет, миледи, ваш ужасный характер вылечить так же легко — преодолите желание дерзить всем вокруг.

— Ваша Светлость, а почему бы вам самому не воспользоваться этим советом?

— Как вы заметили при нашей первой встрече, я уже не мальчик, поэтому перевоспитать меня не получится.

«Обиделся», поняла я. «Все-таки вопрос о возрасте для него большая тема». Поэтому я сделала самое сокрушенное лицо, на какое хватило фантазии и актерского мастерства, и, добавив в голос грусти, заявила:

— Точно, вы же почти старик. У вас, наверное, уже куча диагнозов? Думаю, на правах невесты, мне стоит обратиться к лекарю с подозрением, что у вас старческое слабоумие.

— Достаточно, — герцог с такой силой бросил приборы на тарелку, что она раскололась. ГримГайл поднялся над столом и, опираясь на костяшки пальцев, тихо мне сказал:

— Леди Лорелла, вели бы вы себя потише. На ваше место так много желающих, что вы каждую минуту рискуете умчаться вдаль, опозоренная разорванной помолвкой и тем, что так долго проживали в замке главного холостяка королевства.

Я задумчиво взяла десертную ложку в рот, подержала ее так — джем все-таки волшебный, и ядовито улыбнувшись, сказала:

— Вы себе льстите, Ваша Светлость. Главный холостяк королевства? Я бы выразилась иначе — главный распутник королевства, это да, это про вас. К тому же, думаете, меня пугает такая малость, как позор? Дарлайн замуж возьмут даже в том случае, если я без платья пробегу по главной площади — с нашей-то подавляемостью Дара, а сама я, заковать себя в узы брака не стремлюсь.

— Почему? — ГримГайл так внимательно смотрел на меня, что я даже смутилась.

— Я всегда мечтала путешествовать, желала увидеть далекие королевства, любила учиться, а после замужества женщину ожидает всегда одно и то же — управление хозяйством, дети и бесконечные склоки с соседями, точно также одуревшими от скуки.

— И что, в браке совсем нет ничего хорошего? — ГримГайл внезапно успокоился, и, заинтересовавшись разговором, сел на свое место.

— Совершенно ничего, — я покачала головой в подтверждение своих слов. — А если взять в пример такой брак, какой намечается у нас с вами, то есть основанный на рабских условиях брачного договора, то прав у жены в нем не больше, чем у кадушки.

— А что вы думаете о близости между мужем и женой? — внезапно спросил герцог, и как мне показалось, с трудом сдерживал смех.

— Я что-то должна об этом думать? — я недовольно взглянула на ГримГайла. — Подозреваю, ваш вопрос направлен на то, чтобы меня смутить.

— Ваши подозрения верны, — герцог спрятал улыбку за чашкой с кофе, а мне жутко захотелось передать ему добавки. Вот так бы и запустила в него собственной чашкой.

— В таком случае, у меня имеется вопрос как раз по теме, — проронила я. — Что в замке делает ваша любовница?

Герцог растерянно вздернул брови и молча воззрился на меня. Я деловито смотрела ему в глаза, ожидая ответа.

— Я полагаю, живет, — наконец, ГримГайл соизволил раскрыть рот. Я ощутила глухое раздражение.

— Вот как, и долго она у нас будет жить?

— У нас? — ГримГайл нахмурился. — Она живет у меня.

— До свадьбы, дорогой жених, — любезно сообщила я. — После этого знаменательного дня замок станет и моим имуществом тоже.

— Хорошо, — герцог откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. — После этого, как вы выразились, знаменательного дня, последует не менее знаменательная ночь. И если вы будете хотя бы вполовину так хороши, как Виола, я ее выгоню.

Свою мечту я исполнила — выплеснула, наконец, кофе на камзол герцога, и оно уродливым пятном расплылось по светлой ткани. Я, онемев, смотрела на ГримГайла и внезапно подумала о том, как сильно хочется жить.

— Так вы выражаете свое согласие? — прошипел взбешенный герцог. Опять, как в доме маркиза, я увидела пламя в его глазах. Не отвечая, я поднялась, судорожно поправила юбки и попятилась к выходу. Служанок как ветром сдуло. ГримГайл встал, отбросил стул и мягкими вкрадчивыми движениями направился ко мне.

— Куда же вы, леди? — сквозь зубы спросил герцог. Может быть, мне показалось, но тело его как будто начало увеличиваться.

— Я в туалет. Сейчас вернусь, — дрожащим голосом заверила я, и выскользнула за дверь, захлопнув ее перед разросшимся ГримГайлом, который теперь явно в проем не проходил.

Подхватив юбки, я стремглав бросилась вверх по лестнице и остановилась только у дверей собственной спальни. Погони не было, впрочем, я и надеялась на то, что гоняться за невестой по всему замку герцог не станет.

Свою комнату, что в отчем доме, что в этом замке, я воспринимала, как островок личного пространства, поэтому, когда открыла двери и увидела сидящего на моей кровати ГримГайла, это было сродни ушату холодной воды на голову.

— Не поняла, — медленно сказала я, окидывая взглядом обстановку и впуская надеюсь на то, что просто ошиблась спальней. Но нет, и дверь была правильной, и покрывало моим, вот только герцог был лишним. Размера он уже был нормального, по-видимому, успокоился, пятно на груди никуда не делось, и тут до меня дошел еще один факт:

— Как вы оказались здесь быстрее меня?

— У меня свои секреты, — заявил ГримГайл. В нормальном состоянии, без пламени в глазах и без ужасающих размеров, я его совершенно не боялась.

— Вот и выметайтесь прямо с ними, — указала я пальцем на дверь. — Это моя комната!

— А это мой замок, — парировал герцог. — И я буду находиться там, где хочу, и вас спрашивать, не намерен.

И в подтверждение своих слов, ГримГайл прямо в обуви улегся на мою постель, а главное, на мамино покрывало!

Глаза мне застлала алая пелена ярости. Я понимала, что герцог меня специально выводит, вот нравится ему это дело, но сил терпеть такое нахальство, не было. Полная праведной злости, я сжала кулаки и прошипела:

— Уходите по-хорошему, а не то...

— Не то что? — заулыбался герцог и устроился поудобнее.

А действительно, что я ему сделаю? Повертела головой и схватила с туалетного столика щипцы для завивки. До последнего не верила, что брошу, но, как во сне прицелилась и запустила ГримГайлу прямехонько в лоб.

В последний момент герцог все-таки увернулся, и я, не помня себя, бросилась на него с кулаками. Раньше с Дарлайн и Кларой мы, как и все дети, часто дрались. Теперь эти навыки пришлось применить на собственном женихе. Я била его по груди, по спине, старалась угодить в лицо, а он только уворачивался и, как сумасшедший, хохотал. Это бесило еще больше, и я чуть зубы себе не стесала, настолько сильно сжимала в бешенстве челюсти. Одновременно мне было безгранично, как-то по-детски весело, и непонятно что сейчас преобладало в моей душе — ненависть к герцогу или злость на себя.

Отрезвил меня стук открывшейся двери, и последовавший за ним женский визг.

— Бриар! — вопили так, будто в моей комнате нашли покойника. Уже даже по одному этому крику можно было понять, кто ко мне пожаловал. Вообще, не спальня, а проходной двор.

Я и герцог одновременно повернули головы и обнаружили на пороге разъяренную леди Бри. Стояла она, опять уперев руки в боки (может у нее рефлекс такой при виде меня просыпается?). Платье Виолы было еще более откровенным, чем в первую нашу встречу, и подозреваю, связано это было с приездом герцога.

— Что происходит? — обличающим тоном спросила она.

— А что происходит? — удивился ГримГайл.

Переведя на него взгляд, я чуть не застонала, осознав весь стыд ситуации. Громкий смех герцога, скорее всего, был слышен даже в коридоре, поэтому неудивительно, что на него, как корабль на свет маяка, явилась леди Бри. А когда она бесцеремонно ворвалась в мою комнату (как и говорилось ранее, ошеломляющие пробелы в воспитании), ей открылась довольно непристойная картина. Мы с герцогом ворочаемся на кровати, я — раскрасневшаяся и растрепанная, и плевать, что на самом деле имели место попытки ГримГайла избить. Лично я ни перед кем, тем более, перед любовницей жениха, оправдываться не намерена.

Но все-таки запал, сменившись на стыд, уже пропал, я отстранилась от герцога, села рядом и поправила юбки.

— Ты! Лежишь здесь! С этой...этой... — меж тем продолжала верещать Виола.

— Ты, наверное, хотела сказать, с невестой, — подсказал ГримГайл.

И так светлая кожа Виолы побледнела еще больше. Но подняв на леди Бри глаза, я обнаружила, что вопреки здравому смыслу, с ненавистью она смотрит на меня, а не на своего любовника. Решив, что с этим пора заканчивать, я встала.

— Леди Бри, — голос мой был холоднее снега на вершушках гор. — Потрудитесь

объяснить, как вы оказались в моей комнате? Не помню, чтобы я вас приглашала.

— Да, леди Бри, — развеселился герцог. От этой ситуации он получал необычайное удовольствие. — Вас стучать не учили? Мы вообще-то заняты.

Честно говоря, мне даже стало жаль Виолу, такой жалкой и растерянной она выглядела. Лихорадочно сцепив руки в замок и покусывая губы, леди Бри спросила:

— Могу ли я расценивать ваши слова, как распоряжение убраться из замка?

«Да!», чуть не закричала я, удерживая на лице вежливую улыбку. «Хоть бы стыд поимела, мерзавка!». Но ГримГайл ответил:

— Не помню, чтобы я такое говорил. Но в покои леди Лореллы врывать не стоит. Как не стоит поджидать ее в коридоре, — голос герцога стал таким строгим, что даже у меня по коже пробежали мурашки. — Бейсрик мне все рассказал. Извинись.

Виола вся сжалась, и, взглянув на меня все с той же ненавистью, выплюнула:

— Прошу прощения.

— Ваша Милость, — подсказал герцог.

Леди Бри послушно повторила, и как только ГримГайл довольно кивнул, выскочила из моей комнаты, как пробка из бутылки шампанского. Дождавшись, пока стук каблучков в коридоре утихнет, я вернулась к двери, и сурово заявила:

— Вас, лорд ГримГайл, тоже никто не задерживает.

— Значит, мое убийство откладывается? — съязвил герцог.

Я молчала, сложив руки на груди и полностью повторяя недовольную позу леди Бри. ГримГайл расстроено вздохнул, резким рывком поднялся с постели, и, сделав пару шагов, навис надо мной.

— Посмотрите на меня, — внезапно тихо попросил мой жених. Я упрямо рассматривала пятно на его камзоле, не смея поднять голову.

— Дверь прямо перед вами, — твердым голосом напомнила задержавшемуся герцогу, и облегченно вздохнула, когда он, наконец, меня покинул.

Герцог ушел, но спокойствия мне это не добавило. Раз за разом я проигрывала в голове только что прожитую ситуацию, и пыталась хотя бы мысленно изменить наш диалог. Мне представлялось, что я вновь проживаю этот момент, бью герцога словом, ставлю на место и заставляю осознать степень ничтожности его поступков. Остановилась только после того, как заметила, что многие фразы, мало того, что проговариваю вслух, так еще и кулаками потрясаю.

Решив, что хватит скучать взаперти, я решила спуститься во двор. Пришлось привести в порядок прическу и взять с собой плащ и перчатки.

Распахнув тяжелую входную дверь, я остановилась на пороге. На меня дохнуло холодом и пронзило ощущением жизни. Если в замке, даже после выяснения мной отношений с прислугой, было тихо и спокойно, то когда я вышла во двор, меня оглушили шум, крики и бряцанье оружием. Здесь не было ощущения торжественности, и впервые с момента прибытия в имение ГримГайла, я свободно вздохнула.

Вниманием моим сразу же завладели солдатские учения. Неподалеку от ворот, молодые воины упражнялись в стрельбе из лука и фехтовании. Очень хотелось подойти и посмотреть — в нашем имении солдат был только один, старый сторож Вака, но приближаться я не стала, чтобы не смутить своим появлением мужчин. Так и стояла на крыльце, вытягивая шею, и досадуя на огромные размеры двора.

Вскоре я заметила, что отделившись от столпившихся солдат, ко мне кто-то спешит. Не сразу я поняла, что это Лафонет. Начальник стражи, несмотря на прохладную погоду, был без мундира, в одной белой рубашке, а его длинные волосы выбились из хвоста, и свисали вдоль лица отдельными прядями.

— Леди Лорелла, мое почтение, — улыбнулся мне Дейего. — Рад, очень рад, что вы спустились к нам.

— Здравствуйте, — я кивнула на пляшущих с мечами солдат. — Тренируетесь?

— Немного. Хотите посмотреть ближе? — Лафонет, отчаянно смущаясь, помог мне спуститься со ступеней и теперь шагал рядом, с трудом подстраиваясь под мою неспешную походку.

— Если это удобно, — скромно улыбнулась я, уже направляясь к воротам. — А для чего вы учитесь сражаться? Неужели на владения герцога кто-то посмеет напасть?

Еще до моего рождения междоусобные войны в нашем королевстве были нередки, но с момента прихода к власти нынешнего короля Мезара II, они канули в небытие. К тому же, хотелось бы мне посмотреть на того безумца, который поднимется в горы и развернет боевые действия на узкой горной террасе. И все это, замечу, с огромным войском и в ожидании того, что дракон в любой момент вернется к себе домой и изжарит всех не прошенных гостей в своем пламени.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Солдат всегда должен быть готов к войне, — заметил Лафонет. — К тому же, сейчас на границе с Королевством эгидов неспокойно, вполне возможно, что нам грозит война. Но что об этом говорить? Думаю, герцог вам сам обо всем рассказывал.

— О да, — я закатила глаза. — Мы с Его Светлостью долгие часы напролет обсуждаем политическую обстановку в стране.

Уловив в моем голосе сарказм, Дейего как-то стушевался и замолчал. Мы некоторое время постояли, наблюдая за солдатами, а затем я, неожиданно вспомнив, спросила:

— Простите, Дейего, а как так получается, что Клет, у коего есть Дар, обычный слуга, а вы, не обладая Даром, трудитесь начальником стражи? — и, спохватившись, добавила. — Извините, не хотела вас обидеть.

— Ничего, — Лафонет еле заметно поморщился. — Вы, леди, наверное, раньше жили в одном из центральных имений. У вас там людей оценивают по уровню Дара, а если он еще и отсутствует, то такое существо и за человека не считают. Земли герцога едва ли не единственное место в королевстве, где высокий пост можно занять только благодаря знаниям, умениям и работоспособности. Клет — младший сын барона БараБея, навряд ли вы слышали об их семье, это очень малочисленный род. И хотя БараБеи приходится дальними родственниками королевской семье, Клет добровольно устроился на службу к герцогу, понимая, что чего-то добиться ему удастся только здесь. Вот так и получается, что у него Дар, но он слуга, а я вырос в обычной крестьянской семье...

— И являетесь начальником стражи, — закончила я. — Спасибо, что объяснили.

Дейего прав, в центральном районе королевства для людей большое значение имеет Дар. Поэтому наша семья тщательно хранит тайну о моей несостоятельности в общении с животными.

— Не за что, — Лафонет бросил на меня быстрый взгляд. — Вы не замерзли, леди? Герцог не простит меня, если я вас заморожу.

Я недоверчиво хмыкнула. Подозреваю, ГримГайл не пошевелится, даже если меня за ногу подвешат над пропастью.

— Благодарю за беспокойство, Дейего, мне совсем не холодно.

Душой я, разумеется, кривила. Не знаю, как Лафонет не окоченел еще от холода, стоя рядом со мной в одной рубашке — у меня, тщательно завернутой в плащ, уже зуб на зуб не попадал.

Солдаты, пользуясь отсутствием своего командира, всю филонили. Пара солдат даже опустили мечи и поддерживали своих друзей громкими выкриками. Я обратила внимание на то, что все сражающиеся одеты в одинаковые белые рубашки, но у некоторых они явно не раз были порваны, а затем зашиты. Причем зашиты кривовато, иногда даже черными нитками.

— Что у них с одеждой? — поинтересовалась я.

— А что с ней? А, порезы... Традиция у нас такая — при каждом поражении рубашку разрезают.

— У вас чистая.

— Я ни разу не проигрывал, — зарделся Лафонет.

— Может быть, вы присоединитесь к подчиненным? — кивнула я на солдат.

— Не хочется оставлять вас в одиночестве.

— Я с удовольствием понаблюдаю за вашим мастерством. Ранее, мне ничего подобного видеть не приходилось.

Дейего поклонился и быстрым шагом двинулся к солдатам. Они, заметив, что командир возвращается, принялись махать мечами с утроенным упорством. Но первыми соперниками начальника стражи, или скажем так, жертвами, стали как раз те двое обнаглевших служилых. Рубашки у них были почти целыми, за исключением, пары порезов. Мужчины поклонились друг другу и ринулись в бой.

Меч в руке Дейего казался игрушечным, невесомым, хотя я точно знала, что и поднять его не смогу. Лафонет легко отражал удары, своим оружием ловил лезвие чужого меча еще на подлете, и все его действия напоминали интуитивный, но все же уверенный танец.

Несколько раз я ахнула, уверенная, что количество возобладает над качеством. Но Дейего каждым движением подтверждал целостность своей рубашки, а в итоге, проведя какой-то хитрый прием, нырнул под занесенную руку противника и резким движением разрезал ткань на груди солдата. Тот тихо выругался и, подняв вверх руки, понуро ушел в сторону.

Теперь, стараясь удержаться на расстоянии вытянутой руки, напротив Лафонета двигался всего один противник. Он был гораздо слабее первого, и заметно было, что Дейего парня жалеет, лениво отражая нерешительные выпады.

От радости я даже в ладоши захлопала. Лафонет услышал, одарил меня благодарным взглядом и одним движением закончил этот поединок.

Соперники пожали друг другу руки и Дейего, сияя своей улыбкой, подошел ко мне.

— Вы были великолепны, — воскликнула я. Лафонет смущенно пригладил свои волосы и склонился к моей руке.

— Эта победа посвящается вам.

Мы вместе засмеялись. Его слова были не более, чем шуткой, и мы оба это отлично понимали. Но кое-кто считал по-другому.

Я не сразу поняла, что во дворе установилась какая-то неестественная тишина, чем-то напоминающая замковую. Солдаты в почтении склонили голову, а я прямо-таки почувствовала, как спину мне прожигает чей-то взгляд.

— Доброе утро, Ваша Светлость, — поклонился Лафонет, и я вздрогнула, поняв, чья персона обладает таким жгучим взором.

— Мое почтение, Дейего, — надеюсь, слух у дракона плохой. Все ж таки не молод уже. — Развлекаешься?

— Да нет, молодняк обучаем, — растерялся начальник стражи.

— Похвально. Только давай договоримся на будущее — посвящать победы моей невесте буду я сам.

Надежды на плохой слух не оправдались. Лафонет густо покраснел и опустил глаза, а ГримГайл, прищурившись, добавил:

— Насколько я помню, вашу рубашку еще не разрезали?

Странный вопрос, потому что для того, чтобы получить на него ответ, достаточно опустить глаза.

— Нет, — пожал плечами Лафонет. — Слава Духам, как-то обходилось.

— Может быть дело в том, что вам попадались неумелые противники?

— Возможно, милорд.

Лафонет сразу поскуичнел, как будто предчувствовал следующие слова герцога.

— Предлагаю вам сразиться со мной.

— Это учебный бой, — напомнила я.

— Не переживайте, леди. Убийство начальника стражи собственного замка в мои планы не входит. Я возьму затупленный меч.

Я возмущено закатила глаза. Ну, естественно, он весь такой благородный дает Лафонету шанс победить. Как будто все здесь дети малые, и не понимают, что Дейего этой возможностью не воспользуется.

Мужчины встали напротив друг друга, герцог сбросил сюртук, и я с трудом сдержала ироничную усмешку. На ГримГайле была надета белоснежная, тонкая и чересчур обтягивающая рубашка, которая лишь подчеркивала рельефы герцогского тела.

Не обращая внимания на восторженный стон женской части зрителей, которые мигом собрались посмотреть на своего господина, мужчины приступили к схватке. Лафонет, который мало того, что оказался меньше герцога ростом, да и в плечах был гораздо уже, старался взять противника скоростью, юрко вытанцовывая вокруг него. А ГримГайл спокойно, уверенно защищался, лениво поворачивая в руке меч, и чуть ли не позевывая.

По толпе бежали шепотки, раздавались поддерживающие обе стороны возгласы, но, в общем и целом было понятно, что окружающие, в победе герцога уверены. Мне стало жалко Лафонета — из-за несвоевременной шутки терпит взбучку от своего господина.

— Леди Лорелла, — внезапно окликнул меня герцог, не прерывая поединка. Я даже вздрогнула от неожиданности.

— Да, Ваша Светлость.

— Скажите, если я выйду победителем в схватке с Дейего, вы меня поцелуете?

Слуги, тоже услышавшие эти слова, одобрительно загудели и в ожидании ответа уставились на меня. Все, и дети, и взрослые вытягивали шеи, чтобы не пропустить ни единого слова. Я им улыбнулась, и, пользуясь хорошим слухом герцога, негромко ответила:

— В сказках принцессы целуют рыцаря, победившего дракона. Ни разу не слышала, чтобы было наоборот.

Кто-то из толпы все равно расслышал, и раздались негромкие смешки.

— Скажите, леди Лорелла, а вы быстро бегаєте? — внезапно спросил ГримГайл. На лице его не было и тени усталости, а вот Лафонет уже с трудом уворачивался от перешедшего в наступление меча герцога.

— Не знаю, не пробовала.

— Вот какая странность получается: бегать вы не умеете, а дерзите.

— Считаете, стоит учиться?

— Я вам даже больше скажу — приступайте прямо сейчас, пока у вас есть преимущество. К тому моменту, как Лафонет будет побежден, вы успеете добежать до крыльца.

— А если не успею, что тогда? — гордо вскинула я подбородок.

— Пока не знаю, — признался герцог. — Еще ни разу не попадал в подобную ситуацию

— обычно мне опасаются дерзить. Но что бы я ни придумал, сомневаюсь, что вам это понравится.

Я покраснела, понимая, что за нашей перепалкой наблюдают, и упрямо осталась стоять на своем месте.

ГримГайл же между тем отразил вполне успешный удар Дейего и, с молниеносной скоростью рванувшись вперед, разрезал на груди начальника стражи рубашку. Первая прореха. Толпа захлопала в ладоши.

Мужчины пожали друг другу руки. На лице Лафонета я не заметила и тени досады, наоборот, он улыбался и сердечно благодарил ГримГайла. Герцог что-то сказал начальнику стражи (полагаю, похвалил, потому как Дейего расцвел еще больше) подхватил свой камзол и уверенными шагами направился ко мне.

В голову закралась крамольная мысль, что нужно было бежать, пока была возможность, но я ее мигом отсекала.

— Вы жаждете наказания? — спросил герцог, величественным изваянием застыв надо мной. Я подняла голову, чтобы видеть его лицо, но не так уверенно, как хотелось бы, сказала:

— Я не считаю себя виноватой!

— Вина — понятие субъективное.

— Вот как? — удивилась я. — Вы способны рассуждать о высоких материях? А с виду и не скажешь.

— Сама напросилась, — предупредил ГримГайл, легко поднял меня за талию и положил на плечо, тыльной стороной вперед.

— Немедленно отпустите меня! — взвизгнула я и забарабанила по его спине. Герцог любовно погладил мой зад, хоть и скрытый за множеством юбок, но сам факт! И не обращая на мое сопротивление никакого внимания, двинулся в замок.

Слуги быстро рассредоточились по двору, всем своим видом старательно показывая, что более чем неприличное поведение герцога не их дело, а солдаты даже головы не повернули на мои выкрики.

Мне казалось, что как только мы войдем в дом, ГримГайл меня отпустит, вдоволь натешив свое самолюбие, но он, с грохотом захлопнул дверь, и, посвистывая, отправился по лестнице вверх. Я притихла, стараясь понять, что меня ожидает, а вскоре осторожно спросила:

— А куда вы меня несете?

— В свою спальню, — мирно ответил ГримГайл. В этот момент я впервые пожалела, что вес мой не превышает шестидесяти килограмм. Надо думать, весила бы килограмм эдак сто пятьдесят, герцогу не удалось бы со мной на плече так легко преодолевать ступени.

— А зачем мне в вашу спальню? — задала я робкий вопрос.

— Я предпочитаю такое интересное дело, как порку невесты, проводить за закрытыми дверями. Нет, бесспорно, если вы пожелаете, то я вполне способен забросить вам юбки на спину прямо здесь. Вы пожелаете?

— Какие юбки? — внутри у меня все похолодело. — Какая порка? Вы с ума сошли что ли?

— Леди Лорелла, за ваше непочтительное поведение я хочу отшлепать вас словно провинившегося ребенка, а так как у вас слишком пышная нижняя часть платья, боюсь, без задирания нижних юбок вы не проникнетесь важностью момента, и вся воспитательная процедура пойдет насмарку.

От возмущения я даже онемела. Очень захотелось посмотреть в эти бесстыжие глаза, и понять, герцог так шутит или он серьезно. Это мое поведение непочтительное? Это я нашкодивший ребенок? Да я просто единственная, кто во всем замке имеет свое мнение и не пресмыкается ни перед красотой, ни перед статусом ГримГайла. С новыми силами я принялась бить герцога по спине. Он, смеясь, поймал мои ноги, прижал к груди и ускорил шаг.

— Ваша Светлость, — услышала я голос. Для герцога говоривший находился спереди, а для меня, соответственно, сзади. Облокотившись о плечо ГримГайла руками и извернувшись, увидела взволнованного Бейсрика. — Очень неудобно вас отвлекать, но пришло письмо от вашей матушки.

— Ой, Пронд, — отмахнулся ГримГайл. — Можно подумать, ты мой почерк подделывать не умеешь. Напиши ей что-нибудь про то, как я скучаю, но главное, опиши, как

занят. Что мне тебя, учить что ли?

— На это письмо ответа не требуется, — голос констебля дрогнул. — Она извещает вас, что завтра вечером явится в замок.

ГримГайл осторожно опустил меня на пол, и растерянно взглянул на Бейсрика. Я боком, стараясь не привлекать к себе внимания, двинулась прочь.

— Сбежать успею? — ГримГайл будто мои мысли озвучил.

— В замке останется ваша невеста, — напомнил констебль.

— Мда, ситуация, — расстроился герцог и огорченно на меня посмотрел. Я тут же застыла на месте, криво улыбаясь. — Можете идти, миледи, наказание откладывается.

На языке вертелись ругательства, но помня, что только что чудом избежала кошмарного унижения, я кивком, то ли поздоровалась, то ли попрощалась с Бейсриком, и чуть ли не бегом удалилась в свою комнату.

До обеда я просидела в спальне, подперев дверь стулом. И хоть понимала, что против герцога такая защита вряд ли сработает, на душе было как-то спокойнее. Долго раздумывала, стоит ли идти на обед, но все-таки, беспрестанно оглядываясь, спустилась в столовую. Почему я не сообразила, что мне и там может грозить герцогский гнев, или сказать иначе герцогский разврат, не знаю, но когда не обнаружила ГримГайла сидящим за столом, от радости даже ноги подкосились. На мой торжествующий вопрос, куда подевался герцог, горничная пояснила, что он занят приготовлениями к отъезду. О каком отъезде идет речь я не знала, но на всякий случай взяла эту информацию на заметку. К тому же появилась возможность расспросить Ханну.

— Скажи, а как часто нынешняя герцогиня ГримГайл навещает своего сына?

— Духи милуют, госпожа. Последний раз леди была в этом замке два года назад. Душу мою посетило нехорошее предчувствие.

— Ханна, а не по мою ли душу завтра сюда явится герцогиня?

Горничная зарделась, подтвердив мои худшие опасения.

— Да прямо сказать, миледи, скорее всего, только из-за вас и едет.

— Бить? — предположила я.

— До рукоприкладства вряд ли дело дойдет, все ж таки вы не простолюдинка какая-то, а леди. Но вашей с герцогом помолвкой она была недовольна восемнадцать лет назад — после того скандала ползамка восстанавливали, и маловероятно, что мнение герцогини изменилось.

— Это точно, — задумалась я. — Если только сместилось в сторону радикального решения проблемы — моего убийства.

Ханна засмеялась, но поняв, что я не шучу, резко осеклась.

— А часто герцог поступает вразрез с материнским мнением? — уточнила я.

— Насколько я знаю, всегда, — призналась горничная. — Он поэтому и отселил ее подальше, чтобы стенания и возмущения не слышать, но периодически, в герцогине просыпается удивительная настырность, и она умудряется доставать герцога даже на расстоянии.

— Это плохо, — я расстроено бросила салфетку на стол. — С этой стороны повлиять на ГримГайла не получится.

Ханна нервно затеребила фартук и недовольно мне заявила:

— Остановились бы вы, леди, в своем стремлении разорвать с герцогом помолвку. Вот чем он вас не устраивает? И красив, и богат, и умен, и силен. Да любая девушка в

королевстве была бы рада иметь такого супруга.

— А ну молчок, — прикрикнула я. — Нашлась тут сваха. Вот как уеду, тогда и восхваляй своего хозяина перед кем захочешь, а я о ГримГайле все поняла еще в день восемнадцатилетия, когда он барона прислал вместо себя. Тарелку не убирай, — пресекла я попытки горничной оставить меня голодной, и постаралась перевести разговор в шутку. — Или меня за нелюбовь к вашему герцогу кормить не будут?

Ханна робко улыбнулась, и конфликт был исчерпан.

Послеобеденное время я провела в библиотеке, книги в которую, казалось, привозили со всего света. Душевно пообщалась с местным библиотекарем, который помог мне подобрать книги с описанием исторических событий нашего королевства, и почти обрела потерянное утром душевное спокойствие.

На ужин шла уже в приподнятом настроении, которое тут же рухнуло на плиточный пол, как только открылась дверь, и за столом я узрела ГримГайла.

Раздраженно хлопнув дверью, прошла на свое обычное место. Герцог даже встал при моем появлении, что, безусловно, можно считать прогрессом в наших отношениях.

На ужин сегодня подали запеченный в нежном пикантном соусе картофель и цыпленка с сыром, и трапезой я насладилась в полной мере. Вкусовые ощущения неприятными разговорами никто не портил — ГримГайл отчего-то был странно молчалив, и как-то задумчив. Темные брови нахмурены, глаза потемнели, герцог сосредоточенно пережевывал пищу, и даже не обращал на меня внимание. Во всяком случае, мне так казалось.

— Вы так пристально меня рассматриваете, — усмехнулся ГримГайл. — Не могу сказать, что мне неловко, но кусок в горле уже пару раз застрял успел.

Я смутилась. И из-за того, что меня застали врасплох, и из-за того, что на герцога и правда засмотрелась.

— Вам показалось, — как можно хладнокровнее ответила я и опустила взгляд в тарелку.

— Возможно, — не стал спорить герцог. Сделал небольшую паузу (как если бы собирался с духом, что, без сомнения, не про ГримГайла) и спросил:

— Леди Лорелла, как вы смотрите на то, чтобы прогуляться в моей компании.

Я еле проглотила как назло крупный кусок цыпленка, и недовольно поерзав на стуле, призналась:

— Не могу придумать причину отказаться, но и идти с вами куда-то, желания нет никакого. Если вы хотите мне что-то сказать, говорите здесь.

— Леди, со всей ответственностью заявляю, что место, в которое я планирую в вашей компании посетить, придется вам по душе.

Соблазн был велик — не очень-то хочется в дальнейшем ассоциировать время, проведенное в замке, со скандалами, руганью и видом закрытой двери спальни. Но почему мне знать, что ГримГайл не собирается устроить мне какой-то неприятный сюрприз? Неужели он такой подлец? Я внимательно посмотрела на жениха — взгляд прямой, ехидное выражение лица отсутствует, гадость вроде бы не замышляет. И отбросив сомнения, на вечерний променад согласилась.

Вставая, заметила, что герцог берет с собой сюртук, до этого висевший на спинке стула.

— Мы идем на улицу? Мне тоже следует взять с собой верхнюю одежду? — уточнила я.

— Это для вас, — улыбнулся ГримГайл. — Сам я не мерзну.

Приятного в том, чтобы разгуливать в одежде герцога, было мало, но бежать сейчас и переодеваться было бы глупо. Поэтому я подала ГримГайлу руку, и он направился по

бесконечным коридорам замка. Я насторожилась. Мне-то казалось, мы собираемся выйти во двор, но герцог вел меня совершенно в другую сторону.

— Надеюсь, вы не хотите заточить меня в башню, — то ли уточнила, то ли пошутила я.

— Что? — не понял герцог, а я засмеялась:

— Сказка есть такая, рассказать?

— Хотелось бы услышать.

— Жила была на свете прекрасная дева Розалинда. Губы ее были алые, словно маки, и сладкие будто мед. Глаза, будто два василька горели под яркими ресницами, а стан был тонок и изящен.

— Давайте назовем ее Лореллой, — перебил ГримГайл.

— Когда вы узнаете, что будет дальше, то передумаете, — пообещала я. — Но продолжу. Однажды рвала она перед своим домом цветы, — я забежала вперед, и летящей походкой, размахивая руками, продемонстрировала, как именно, по моему мнению, двигалась Розалинда. Герцог широко улыбнулся, но смешок, на который бы я обиделась, сдержал. — И заметил ее злой Лорд.

— Из какого он был рода?

— Мне всегда казалось из рода ГримГайл, — невинно ответила я и опять засмеялась — такое растерянное стало у моего жениха лицо.

— Вы отождествляли меня со злодеем?!

— Да, и по правде сказать, причин изменить личность главного героя, у меня до сих пор нет.

Теперь ГримГайл обиженно насупился.

— Мне продолжать? — поинтересовалась я.

— Даже и не знаю, — вздохнул герцог, заставив меня задуматься. Все-таки он слишком добродушно себя ведет, к чему бы это? — Но давайте попробуем.

— Злодей похитил Розалинду и насильно женился на ней. Теперь понимаете, почему я не хотела менять имя? Но девушка все время была несчастна, пыталась сбежать, или же навредить злодею. После очередной безуспешной попытки его отравить, Лорд превратил бедняжку в подсвечник и бросил в темную башню, полную такой же рухляди. Время шло, Розалинда томилась в подсвечнике, пока Лорда не победил в поединке прекрасный благородный Принц, и не расколдовал девушку поцелуем. Они жили долго и счастливо...
Конец.

— Вы знаете, — сказал герцог. — Я даже не могу сказать, кто в сказке положительный герой. Вот смотрите, в вашем повествовании не было и слова о том, что Розалинда леди, поэтому делаем вывод, что она простолюдинка. В пользу этого утверждения говорит и тот факт, что для побега она никаким Даром не воспользовалась.

— И что? — не поняла я, к чему ведет герцог.

— Злодей у нас лорд — это видно и из его имени, и из существования замка и способностей. Вот и получается, что влюбился он в обычную девушку, взял ее в жены, а она ему и яд в суп, и сбежать пытается.

— То есть, по-вашему, она от счастья сознание терять должна, раз лорд на нее внимание обратил, — вспылила я. — Осчастливил, так осчастливил.

— Мы говорим о сказке, — мягко напомнил мне ГримГайл. Положительно, что-то с ним не то творится. — А в сказке, как и в любой ситуации, есть две и более стороны, которые надлежит рассмотреть. Возможно, Лорд привык думать, что он центр Вселенной, и

сопротивление Розалинды показалось ему пустым капризом.

Комментировать рассуждения герцога я не собиралась. Отлично понимая Розалинду, в жизнь которой вмешался чужой ей человек, принять сторону злодея я не могла и не хотела. Меж тем мы поднимались по узкой винтовой лестнице наверх. Было темно, но на нашем пути, именно в том месте, где мы проходили, вспыхивали языки пламени, освещая дорогу. Я даже остановилась и рассмотрела их повнимательнее. Огонь горел ровно, ярко и без какого-либо топлива. Под ним не было даже лучины.

— А как это, повелевать огнем? — спросила я.

— А как это, повелевать животными? — в тон мне ответил ГримГайл. Я замаялась. Не признаваться же, что и сама не знаю какво это. Но герцог, не замечая моего смятения, продолжил:

— Я огнем не повелеваю, вернее, повелеваю не так, как вы себе это представляете. Он всегда у меня в груди. Он мягкий, он греет, когда я спокоен, и он растет, ширится, обжигает, когда я злюсь. Поэтому я увеличиваюсь в размерах и обращаюсь в дракона, все это для того, чтобы удержать его в себе... чтобы выжить.

— А внешний огонь? Вы же управляете им.

— Внешний огонь, внутренний.... Как ощутить разницу между ними? Дым, такая же часть огня — вдохну его, и вот он внутри меня. Вас понести? — спросил ГримГайл, заметив, что я устало прислонилась к стене.

— Премного благодарна, но обойдусь собственными силами, — я отлепилась от стены и двинулась дальше. Шли мы достаточно долго, и когда лестница окончилась тяжелой дубовой дверью, я облегченно выдохнула, и благодушно решила, что убийство герцога откладывается до лучших времен.

ГримГайл набросил на меня свой сюртук, и немного придержал за плечи. Я недовольно сбросила его руки и отстранилась.

— За одежду спасибо, но прикосновения ваши были лишними.

Герцог промолчал, открыл передо мной дверь, и мы вышли на миниатюрную смотровую площадку, расположенную на самой высокой башне замка. На улице уже стемнело, а удивительно звездное небо и зависшая прямо перед нами луна, создавали ощущение ночников. Спустившееся на башню облако, как будто укутало туманным одеялом, сгрудившиеся вокруг горы. Было холодно, изо рта вырывался пар, но огромный сюртук герцога, который я придерживала изнутри руками, не давал мне замерзнуть.

Подойдя к краю, я с опаской посмотрела вниз. Двор тонул в темноте, и казалось, под нами разверзлась черная, всепоглощающая пропасть.

— Вам нравится? — спросил ГримГайл.

Я обернулась. Герцог стоял в центре площадки и, запрокинув голову, смотрел на звезды. Я бы в таком положении долго не выдержала — точно головокружение бы началось.

— Нравится, — ерничать я не стала.

— Ну что ж, я рад, что в моем доме вам хоть что-то пришлось по душе.

Появилось желание сказать, что в замке мне нравится все, кроме собственно его хозяина, но в кои-то веки решила быть умнее и уклончиво заметила:

— Вы не правы, в вашем доме мне нравится многое.

— Но не я, — посмотрел мне в глаза ГримГайл.

— Но не вы, — признала я, не чувствуя вины — он же сам это сказал.

— Мне странно и непривычно слышать это, но... в общем-то, на эту тему я и хотел с

вами поговорить. Завтра приезжает моя мама-леди ГримГайл.

— Я присутствовала при вашем разговоре с Бейсриком.

— Да...Мне хотелось бы...О, Духи, даже не знаю, как сказать, что за глупая ситуация!

Я улыбалась, и помогать герцогу совершенно не собиралась, хотя примерно представляла себе, о чем будет просить герцог. Конечно, никакой матери не понравится, что невеста ее сына терпеть оно не может. Но у меня на этот счет были свои планы.

— Нам нужно будет сделать вид, что мы влюблены друг в друга, — наконец, определился с формулировкой герцог.

— Может быть, легче разорвать помолвку? — предположила я.

— Нет, об этом не может быть и речи, — отрезал ГримГайл.

— Но почему вы так упрямо стоите на своем?! — не выдержав, я закричала.

Герцог как-то совсем беспомощно на меня посмотрел, тяжело вздохнул, и сказал:

— Я восемнадцать лет отстаивал перед семьей право на невесту не из нашей семьи. И теперь, когда вы уже здесь, и все вроде бы смирились, перестали посылать в мой замок дракониц, мне придется всё разрушить только из-за того, что моя матушка не вовремя приезжает?

— Вообще-то не из-за этого. Просто в вашем с будущей женой союзе не будет любви.

— В браке любовь имеет второстепенное значение, а то и вовсе никакого.

— Ну, вот и женитесь без любви, а я не желаю, — огрызнулась я. На площадке воцарилась тишина. Герцог, помрачнев, смотрел на меня. Подозреваю, ждал извинений, а я, понятное дело, их ему приносить не спешила. Как оказалось, выдержки у меня больше.

— Леди Лорелла, вы можете хотя бы в чем-то пойти мне навстречу? — вскричал ГримГайл.

— Если вы сумеете заинтересовать меня достойным предложением, то безусловно.

— Вот как, — на щеках герцога заходили желваки. — У вас же есть какие-то предпочтения? Что вы хотите за роль влюбленной в меня невесты, сыгранную перед моей матушкой?

В душе моей зазвучали фанфары. Я медленно обошла герцога, тщательно обдумывая свои слова, и остановилась за широкой ГримГайловской спиной. Мужчина весь напрягся, но оборачиваться не спешил.

— Вы, мой дорогой жених, кажется, готовились к отъезду, — промурлыкала я. — Надеюсь, вы не собирались оставить меня наедине с леди ГримГайл?

Герцог резко обернулся.

— Откуда вам известно про поездку?

Я загадочно улыбнулась, не собираясь признаваться, что мне ничего о ней не известно, кроме самого факта отъезда.

— Мама приедет максимум на три дня. На больший срок ни моего терпения, ни ее заботы не хватит. После я уеду.

— Нет, лорд ГримГайл, — улыбнулась я. — Мы уедем вместе.

— Я направляюсь в Королевство эгидов с дипломатическим визитом, — нахмурился герцог. — Чем будете заниматься вы?

Королевство эгидов? Все что я знала об этой стране, так это то, что у них странные боги, привычки и нравы. Придется почитать соответствующую литературу.

— Я полагаю, для невесты Его Светлости какое-нибудь развлечение подберут.

Герцог посверлил меня взглядом.

— Может быть, у вас есть другое условие?

«Есть», ехидно подумала я. «Но вы, лорд ГримГайл, об этом узнаете чуть позже».

Было очевидно, что герцог почти сдался. Я довольно улыбнулась и отрицательно покачала головой.

— Хорошо, — отчетливо скрипнул зубами ГримГайл. — Будет по-вашему. Но учтите, игра ваша должна быть достоверной, причем не только перед моей мамой, но и в Королевстве эгидов.

Я закатила глаза, уверенная в том, что если бы герцог удержался от ценных указаний, планета ушла с орбиты. Видя, что возражений не имеется, ГримГайл обрадовался и сообщил:

— Вот и замечательно, что мы смогли договориться. Мне пожалуй пора. Пойдемте, я провожу вас до комнаты.

— Не спешите, лорд, — я улыбнулась так широко, что ГримГайл нахмурился, заподозрив, что малой кровью ему отделаться не удастся. — Давайте обсудим еще одну проблему — как вы объясните своей маме пребывание в замке любовницы?

Как ГримГайл сдержался и не выругался вслух, не понимаю. В глазах его заплясало пламя, но я не стушевдалась, а, наоборот, повыше задрала подбородок и посмотрела на своего жениха с вызовом. Тот закрыл глаза, немного подышал носом, успокаиваясь, и после ответил:

— Леди Бри будет заперта в своей комнате, и никто из живущих в замке, моей матери о Виоле не скажет.

— Так ли уж и никто? — хитро прищурилась я.

— Вы имеете в виду себя? — обреченно спросил герцог. Я ликовала, прекрасно понимая, что деваться ему некуда.

— А вы думаете, я способна в доверительном разговоре с будущей свекровью умолчать о таком вопиющем нарушении моего спокойствия? Объединенными усилиями, моими и леди ГримГайл, мы убедим вас, что одновременное пребывание в замке и невесты и любовницы, по меньшей мере, безнравственно.

— Знаете, что мне в вас не нравится? — спросил ГримГайл.

— Позвольте предположить...Ммм, думаю мое нежелание тихой кроткой овечкой ждать ваших пожеланий. Угадала?

— Нет, мне не нравится то, что мы еще не женаты, а вы мной уже командуете.

— Не преувеличивайте. В первый раз за время нашего знакомства прислушались к моим доводам, и уже сделали вывод о моих командирских замашках.

Не слушая, ГримГайл неожиданно обнял меня за талию и привлек к себе.

— А знаете, что безумно по душе? — шелестящим шепотом спросил он, наклоняясь к моему лицу.

— Не знаю, — поддаваясь настроению, тоже прошептала я. И внезапно подумала о том, какие красивые у ГримГайла губы. И, как будто услышав мои мысли, герцог заявил:

— Ваши губы. Они, как спелая вишня, я уже представляю, какие они мягкие, податливые, как вы будете стонать, когда мне удастся сорвать с них поцелуй...

— Поцелуете, укушу, — прямо предупредила я, видя, что ГримГайл наклоняется еще ниже. — Пока у нас складываются неплохие деловые отношения. Давайте не будем их портить вашими домогательствами.

Герцог, откинув назад голову, закатился громким раскатистым смехом. Я аккуратно

высвободилась из плена его рук и отступила, неожиданно подумав о том, что не зря для разговора ГримГайл выбрал столь романтическое место. По всей вероятности, надеялся, что расчувствуюсь и за роль влюбленной невесты ничего не потребую.

— О каких деловых отношениях вы ведете речь? — спросил герцог, когда успокоился.

— Вообще-то, вы моя будущая жена.

— Особенно ярко это проявляется в нашем договоре, — съехидничала я. — Но вы так и не ответили, леди Бри останется в замке?

— Нет, — ГримГайл с улыбкой смотрел на меня. — Леди Бри завтра утром отправится в свое имение. Но учтите, я считаю, что вы просите выгнать Виолу потому, что ревнуете.

— Разумеется, — разозлилась я. — Виной всему ревность, раз уж на большее вашей сообразительности не хватает.

И на этой совсем не дружеской ноте, я направилась к лестнице, демонстрируя, что разговор окончен.

Наутро леди Бри покинула замок. Провожать ее я не вышла, но отказать себе в удовольствии наблюдать из окна погружение нахалки в карету, не смогла. Визги Виолы, даже с учетом запертых створок, были оглушительны. Раскрыв чемодан, она, не прекращая верещать, в остервенении метала в побледневшего Бейсрика свои вещи, по-видимому, так выражая несогласие с собственным выдворением. Слуги попрятались, кто за каретой, кто за крыльцом, а упрямый констебль все пытался звать к крупице разума, сохранившегося в этой женщине.

Все враз изменилось, когда на крыльцо вышел ГримГайл. Леди Бри бросилась к любимому и застыла всего в паре шагов, остановленная холодным выражением лица и твердым взглядом. Не знаю, что герцог сказал Виоле — окно я так и не открыла, но леди Бри сразу же ссутулилась, уже без лишних криков развернулась, и как слепая, спотыкаясь на высоких каблуках, двинулась к карете.

Лошади тронулись, увозя повозку прочь из замка, а раскрытый чемодан так и остался стоять во дворе. Ветер покачивал его тяжелую крышку и трепал разбросанные по брусчатке платья. ГримГайл с минуту стоял, провожая карету взглядом, а затем, оставленные Виолой вещи вспыхнули ярким пламенем. Слуги, едва покинувшие свои укрытия, вскрикнули и опять попрятались, а герцог неожиданно взглянул на мое окно. Прятаться я не стала. Уверенно смотрела прямо в глаза своему жениху, сложив руки на груди. Я была в своем праве — меня в этот дом привезли, как невесту, причем вопреки моему желанию, и удаление любовницы жениха всего лишь закономерность.

ГримГайл это тоже понял. Во всяком случае, он широко улыбнулся, подмигнул мне, и, не обращая внимания на пылающие одеяния леди Бри, вернулся в замок.

Завтракали мы вместе с герцогом. О Виоле он не упоминал, за что я была очень благодарна. Вообще, ГримГайл был как-то напряжен, наверное, предвкушал встречу с матушкой. Я же, напротив, вела себя спокойно и большого значения предстоящему знакомству не придавала.

Сегодня повару, как никогда, удался десерт. Я доедала уже второе пирожное, ГримГайл пил свой кофе, и одновременно просматривал какие-то бумаги, как в столовую влетел взлохмаченный Бейсрик и застыл перед столом, задыхаясь, и бешено вращая глазами. Герцог со стуком опустил чашку на блюдце, и сквозь зубы спросил:

— Что?!

— Ваша Светлость, герцогиня ГримГайл пожаловала!

— Как? Ты же сказал вечером!

— Мне не терпелось увидеть сына, — раздался густой, насыщенный красками голос и в комнату вошла высокая дородная дама в темном дорожном костюме. Если бы Бейсрик заблаговременно не предупредил нас о приезде герцогини, я бы ни за что не опознала в этой женщине мать своего жениха. Черные, как смоль волосы, намного темнее, чем у сына, уложены в высокую прическу, черты лица крупные и заметные, особенно привлекал внимание нос. Выглядела леди чуть старше своего сына и больше была похожа на его сестру.

Герцогиня отодвинула со своего пути Бейсрика, стягивая перчатки подошла к сыну и, к्लонув воздух у его лица, с интересом уставилась на меня.

ГримГайл, спохватившись, встал, и, протягивая ко мне руку, очень неуверенно

произнес:

— Мама, рад представить тебе свою невесту — леди Лореллу Аманду УолтВисби. Дорогая, это моя матушка — вдовствующая герцогиня ГримГайл.

— Мое почтение, леди ГримГайл, — я присела в глубоком реверансе. — Рада вас приветствовать.

— Не сомневаюсь, — фыркнула герцогиня и отвернулась к сыну. — Как ты похудел, милый, тебе, верно, совсем некогда отдыхать.

ГримГайл недовольно закатил глаза, но с почтением ответил:

— Все отлично, мама. Отдыхаю по графику. С нашей прошлой встречи в нем совершенно ничего не изменилось, но два года назад ты говорила, что я безобразно растолстел.

Я с сомнением окинула взглядом фигуру герцогини. Мне кажется, ей бы лишним весом вообще пенять не стоило, но вмешиваться в разговор не стала.

— Два года назад у тебя не было невесты, — сделала первый выстрел будущая свекровь, одновременно попытавшись оглушить меня тяжелым взглядом. Выстрел цели не достиг, я мило улыбнулась, и, подплыв к жениху, пропела:

— Леди ГримГайл, я и..., - немного замялась, вспоминая имя герцога. — ...и Бриар помолвлены уже, как восемнадцать лет. Так что, простите, но два года назад невеста у него уже была.

— Но не в замке, — отбрила меня герцогиня. — Бриар, дорогой, проводи меня в мои покои, — одарила меня презрительным взглядом. — Я хочу поговорить с тобой наедине.

— Мама, с этой функцией отлично справится Бейсрик, — ГримГайл взял меня за руку отчего глаза свекрови вмиг налились кровью. — У меня очень много работы, прости. Мы поговорим после обеда.

— Очень на это надеюсь, — ядовито произнесла герцогиня, раздраженно бросила перчатки на стол (хорошо хоть не мне в лицо), и вышла из столовой в сопровождении констебля. Я с трудом сдержала желание показать ее затылку язык, и постаралась вернуть себе ладонь, нагло захваченную в плен ГримГайлом. Когда ничего не вышло, я удивленно воззрилась на жениха.

— В чем дело?

— Вы назвали меня по имени, — улыбнулся герцог.

— Вы тоже, но это не повод держать мою руку. Как видите, герцогиня ушла, и играть нам не для кого.

— Не ищите с мамой ссоры, — нахмурившись, предупредил ГримГайл. — В гневе она очень опасна, а я не всегда буду рядом.

— Мне соглашаться со всем, что она скажет?

— Было бы неплохо, а это возможно?

— Не заставляйте меня жалеть о нашей договоренности, — предупредила я.

— Вы вполне можете успокаивать себя мыслями о предстоящем путешествии, — улыбнулся ГримГайл, но руку все-таки отпустил.

Из столовой мы вышли вместе, но разошлись в разные стороны. Куда направился герцог, меня интересовало мало, лично я собиралась позаниматься в библиотеке.

Библиотекарь встретил меня с оглушающей в своей наивности радостью. Подозреваю, он ужасно скучал, все-таки посетители в замковой библиотеке были редкостью. Я попросила отыскать приличную литературу, в которой можно почерпнуть полезные сведения о

Королевстве эгидов. Вливаться в сонм граждан этого государства я не собиралась, но глупо было бы ехать в чужую страну и ничего о ней не знать.

Библиотекарь принес целую кипу книг и поставил на стол передо мной, взметнув огромное облако пыли. Я с грустью провела пальцем по старым корешкам — прочитать все фолианты за два дня это непосильная задача. Заметив мою кислую физиономию, библиотекарь пододвинул ко мне два объемных тома — сочинение нашего соотечественника, путешественника и дипломата, лорда Вигаро. О нем я слышала, и даже более того, по его книгам учила историю, поэтому за дело взялась с большим воодушевлением.

В первую очередь меня интересовал государственный аппарат Королевства эгидов, все ж таки направляемся мы туда с дипломатическим визитом, а не достопримечательности посмотреть, и я отыскивала соответствующий раздел.

Во главе госаппарата эгидов стоит король (мне подсказал библиотекарь, что сейчас это Варвальф III), но всей полнотой власти он не обладает. В его руках сосредоточилась законодательная и исполнительная власти, а вот судебную осуществляет Ковен 7 одаренных. Каждый из них является жрецом отдельного бога, но все вместе они обладают даже возможностью свергнуть короля. Понятно, что происходить это будет под лозунгами «Это воля богов!» и «Долой безбожника!». Поэтому не стоит и говорить, что правитель эгидов связан по рукам и ногам и все действия его совершаются с оглядкой на Ковен.

Заметив, что время до обеда еще есть, я решила взглянуть на пантеон эгидовских богов. Главным богом у них считается Ротон — бог справедливости. Ну, естественно, Ковену же нужно прикрывать свою судебную деятельность. Я бы больше удивилась, если бы во главе пантеона они бога семьи поставили — Визара, тоже мужского пола кстати. Вообще, все боги в этом государстве мужчинами оказались, и логично предположить, что и в Ковене их представляют не женщины. Несправедливо, не правда ли? В нашем королевстве хотя бы не все так плачевно. Остальные боги стандартно делили между собой главные аспекты жизнедеятельности человека, как-то войну, плодородие, загробную жизнь и творчество. Смутил меня последний бог — бог жертвоприношений Ясса. Жрецы приписывали ему облик получеловека-полузмеи, и каждый год отбирали трех девушек, коих отдавали ему в жертву. В нашем королевстве, насколько мне известно, убийства во имя Духов не практиковались никогда, и мне даже дурно стало, когда я представила, что должны чувствовать родители, когда их дочерей забирают на смерть.

Я зачиталась и возможно, даже пропустила бы первую трапезу с будущей свекровью, но в библиотеку заглянул ГримГайл. Пришлось захлопнуть книгу, подняв при этом облако пыли, и с видимым неудовольствием спросить:

— Вы боитесь остаться наедине с собственной матерью?

— Я слежу за подобающим выполнением договора с вашей стороны, — невозмутимо ответил ГримГайл, подавая мне руку. — Согласитесь, будет совсем нечестно, если мне придется отдуваться за двоих, а вы два дня просидите взаперти.

— Разумеется. Представление требует присутствия актрисы, — хмыкнула я, оперлась герцогу на руку и мы, мило беседуя, направились обедать. — Скажите, а чем все это время занимался главный режиссер?

— Сказала, будет отдыхать.

— А на самом деле?

— На самом деле Бейсрик доложил мне, что большая часть прислуги уже подверглась

допросу.

— Тема? — спросила я, уже догадываясь, каков будет ответ.

— Ваша персона.

— Надеюсь, никто из допрошенных не сознался в нашей с вами взаимной нелюбви?

— Нелюбовь присутствует только с вашей стороны. Я к вам очень трепетно отношусь, — в словах ГримГайла я заподозрила издевку, и взглянула на него снизу вверх. Абсолютно серьезное лицо, даже обидно — я так правдоподобно лгать не умею.

— Вопрос остается тем же, — отрезала я. — Слуги не разболтали?

— Клянусь, что нет, но зная деятельную натуру моей матушки, утверждаю, что это ненадолго. Нужно срочно отвлечь ее от розыскной деятельности. Ваши предложения?

Я с возмущением посмотрела на жениха. Мы как раз достигли столовой и остановились у ее дверей, поэтому говорить пришлось шепотом.

— Какие у меня могут быть предложения? Мои обязанности просты — мило улыбаться, смотреть на вас влюбленными глазами и по возможности молчать. Все остальное ваша проблема.

— Ах так, — рассердился ГримГайл. — Значит, для пущей достоверности, сейчас заходим в столовую и прямо перед моей матушкой целуемся. Чем не доказательство влюбленности?

— А может нам еще и раздеться? — возмутилась я, и на всякий случай отступила на шаг. — Чтоб она точно поверила! Учтите, если вытворите что-то неприличное, схлопочете по лицу.

ГримГайл хищно улыбнулся, зародив во мне подозрения, что не слишком-то он моей угрозы испугался, и толкнул дверь. В столовую герцог вошел первым. Я, стараясь увеличить расстояние до безопасного, последовала за ним чуть ли не через минуту. Леди ГримГайл уже сидела за столом, и, сложив руки на груди, холодно меня рассматривала.

— Вы не переоделись, — унижительно произнесла герцогиня. Платье я и правда не сменила — совсем вылетело из головы, да и не видела никогда необходимости в поминутном переодевании. Сама же герцогиня переменила дорожное платье на пышное шелковое. Черное, но с таким внушительным декольте, что ее вдовство забывалось. На каждом пальце красовалось внушительное кольцо, мочки ушей оттягивали тяжелые серьги, а в вырез, россыпью камней, спускалось ожерелье.

С трудом удержавшись от вопроса, все ли драгоценности нацепила герцогиня, и не пришлось ли что-то попросить у подруг, я улыбнулась и ласково ответила:

— Простите, совсем не было времени.

— Если вы мечтаете стать герцогиней, вам следует уделять больше внимания своему внешнему виду, — заявила леди ГримГайл. Я с трудом удержала на лице улыбку, а герцог тут же влез с репликой:

— Лорелла в первую очередь мечтает стать моей женой, а меня ее внешний вид полностью устраивает.

Я расцвела, причем не столько от комплимента, сколько от того, что герцогиня поперхнулась, подозреваю, собственным ядом. ГримГайл подхватил меня под руку, препроводил к столу, даже стул отодвинул. Немного замешкался, стоя надо мной, у меня мысль промелькнула, что он сейчас еще и салфеточку на ногу постелит, но обошлось, герцог со своими действиями разобрался, и присел рядом. Таким образом, моя будущая свекровь оказалась напротив нас, и, облокотившись на столешницу, наблюдала.

Играя роль любящей невесты, я посоветовала ГримГайлу кушать побольше овощей — они очень полезны, он, в свою очередь, положил в мою тарелку кусок мяса, и, посчитав миссию выполненной, мы приступили к трапезе.

Герцогиня ела маленькими кусочками, и все время не сводила с нас подозрительного взгляда. Поэтому, чтобы не подавиться, мне приходилось улучать момент, когда взор свекрови перебежал на любимого ею сына, и тогда только спешно жевать хотя бы маленькие кусочки. Герцог же чувствовал себя превосходно, ел много и спокойно, наверное, против прожигающего взгляда матери у него уже иммунитет выработался.

Обед прошел в тишине, изредка нарушаемой звоном посуды в дрожащих руках прислуги. Ханна была сегодня здесь, и, по обыкновению, нервничала больше всех. Когда принесли десерт, я даже немного расслабилась, посчитав, что удалось обойтись малой кровью, и предвкушала очередной поход в библиотеку, как вдруг:

— Леди Лорелла, мне бы хотелось услышать размер вашего приданого.

Как ни береглась, все-таки подавилась. Поэтому на помощь мне пришел жених.

— Мама, этот вопрос лишний, у меня очень много владений, и...

— Бесприданница, — перебила сына донельзя довольная герцогиня. Я жутко разозлилась, ведь герцог сам пожелал на мне жениться, причем сумму за разрешение отца немаленькую заплатил, а меня тут еще и приданым попрекают! Поэтому я выдала такую милую улыбку, что леди ГримГайл с подозрением на меня посмотрела, и сказала:

— Я сама удивлена, что Бриар решился на мне жениться. Мой отец же не то, что приданого, долгое время разрешения на брак не давал.

— Как не давал? — возмутилась герцогиня. — Мой сын самый завидный жених во всем королевстве, да ваша семья благодарна должна быть...

— Мама, — каменным голосом прервал герцогиню ГримГайл. — Лорелла немного преувеличила. Каждый пусть останется при своем мнении, и хватит разговоров и о приданом и о разрешении каждой из семей.

Мы со свекровью посверлили друг друга взглядами.

— Бриар, милый, — интриганка заковыряла ложечкой пирожное. — Твоей персоной интересовалась леди Фелиция, — и обратилась с пояснениями ко мне. — Это первая любовь Бриара — чудесная, красивая девушка. Очень талантлива, умна и образована. А, и в ней, кстати, присутствует примесь драконьей крови.

Понятно, это очередная шпилька в адрес моего происхождения.

— Я был влюблен в Фелицию в возрасте пяти лет от роду, — фыркнул герцог. — Даже по человеческим меркам еще был несмышленным ребенком, что уж тут говорить о драконах.

— Зато как мило ты отдавал ей все игрушки, — не сдалась матушка. — Я уже тогда поняла, что это неспроста, такие чувства не проходят бесследно.

— Давай лучше вспомним, как в семь лет я накормил ее песком и посадил в лужу, — устало сказал ГримГайл. — Извини, но ты говоришь глупости. С обедом я уже закончил, и если тебе есть, что мне еще сказать, но исключительно по делу, то пройдем в мой кабинет.

Герцогиня моментально скисла, но не расстроилась. Уверена, в ее арсенале по выдворению неудобной невестки еще много историй о влюбленном ГримГайле. Я мило попрощалась с матерью жениха, заверив обоих, что собираюсь направить послеобеденную энергию исключительно на чтение книг, но как только они прикрыли за собой дверь, бросилась к горничной.

— Ханна, есть ли возможность подслушать разговор в кабинете ГримГайла?

— Духи с вами, — вытаращила глаза служанка. — Я не знаю вовсе, возможно ли это, я никогда...

— Быстро показывай! — прошипела я. — Иначе расскажу герцогу, кто мне об его отъезде рассказал!

Да, шантаж, да, бесчестный, но сейчас передо мной стояла первостепенная задача выяснить, о чем будут разговаривать мать и сын. Сама не знаю, зачем мне это понадобилось, но любопытство жгло изнутри. Ханну по-видимому тоже, потому что без особых возражений она схватила меня за руку и потащила в коридор. Каким-то сложным переходом, через служебные помещения и маленькие темные лестницы, мы оказались возле кабинета ГримГайла, опередив его самого. В начале коридора слышался стук каблучков и возмущенный голос герцогини. Судя по всему, к обсуждению моей персоны она приступила сразу же после того, как покинула столовую.

Дверь оказалась открыта и мы тихо скользнули внутрь. Кабинет герцога оказался внушительных размеров. Вдоль стен стояли громоздкие шкафы, сплошь забитые бумагами и свитками. Напротив входа располагался огромный стол из гладкого черного дерева, а за ним, беспорядочно висело множество карт. Всё сдержанных, темных цветов — настоящая мужская обстановка. Большого мне рассмотреть не удалось — возбужденная Ханна потянула меня влево, где оказался небольшой шкаф, предназначенный для верхней одежды и буквально втокнула в него. Затем, не обращая внимания на мое недовольное шипение, втиснулась следом. Спросить, как часто горничная устраивает подобные маневры, и не следует ли мне самой почаще проверять собственный шкаф, увы, я не успела.

Дверь открылась и в кабинет первой, ни на секунду не замолкая, вошла леди ГримГайл, а затем показался и сердитый герцог. Мы оставили приоткрытой всего на миллиметр одну створку шкафа, поэтому мне было отлично видно, что происходит в комнате, а вот Ханне оставалось только слушать. Но ее присутствие вообще не планировалось, поэтому свое место я уступать не собиралась.

Герцогиня вещала что-то насчет беспутного сына, опозорившего ее перед всей семьей, а ГримГайл кивал, и, похоже, мать даже не слушал. Герцог спокойно сел за стол, достал из ящика стопку бумаг и принялся их просматривать.

— Бриар! — завизжала герцогиня так, что мой жених вздрогнул. — Ты можешь уделить мне хотя бы немного внимания?!

— Я уделял тебе его, мама, на протяжении почти всей дороги от столовой, — ухмыльнулся герцог, не отрывая взгляд от документов. — Ничего важного, или хотя бы достойного, не услышал, и решил, что с меня достаточно. Поэтому все свои претензии можешь, как и раньше, изложить в письме, я обязательно его прочитаю. Приезжать в замок ради моего запоздалого воспитания и рассказов о детских увлечениях, право, не стоило.

— Конечно, изложить в письме, — скривилась герцогиня. — Думаешь, я не знаю, что на них мне отвечает твой констебль? Бриар, это не просто мои глупые капризы. Ты — гордость нашего рода, у тебя должна быть достойная спутница, ведь вполне возможно, что в будущем, именно тебе достанется честь возглавить государство...

— Мама! — оборвал ее герцог. — Во-первых, определись, я гордость рода или все-таки его позор. Во-вторых, во главе государства стоит его законный правитель, и твои мечты о смене власти, которые свели отца в могилу, неосуществимы хотя бы потому, что я их никогда не поддержу. А в-третьих, скажи мне, какова смертность женщин, обладающих драконьей кровью, в родах?

Герцогиня похватила воздух ртом.

— 8 из 10.

— Сколько выживает детей при смерти матери?

— 2 из 10.

Я закрыла рот рукой. Не думала, что у драконов существуют подобные проблемы. Никогда не слышала о том, чтобы они вообще болели, но честно говоря, я так мало ими интересовалась, что подобный пробел в моих знаниях неудивителен. Взглянула на Ханну, но она даже не пошевелилась, как видно, для нее такая печальная статистика новостью не была.

— И последний вопрос, — хладнокровно продолжил герцог. — Почему я единственный ребенок в семье?

— Не хотела рисковать, — мрачно признала будущая свекровь.

— Я тоже не хочу рисковать, мама. Я хочу большую семью, множество детей, а твои протеже никогда на это не согласятся. Судя по тенденции последних лет, драконья кровь вскоре совсем исчезнет, потому что наши женщины отказываются рожать.

— Так все дело в этом? — оживилась герцогиня. — Хорошо, в таком случае обрати внимание на дочь короля — ей уже почти восемнадцать, очень приятная девушка.

«Да, стоит обратить», тоже обрадовалась я.

— Опять ты недальновидно упираешься в свое желание править, — покачал головой ГримГайл. — Скажи мне, что будет, если я в гневе обращусь в дракона и случайно убью наследницу престола?

— Здесь ты прав, эту твою безродную девчонку хотя бы не жалко, но...

— Мама! Я женюсь на Лорелле потому, что ее род повелевает животными! И даже если я потеряю контроль и сменю сущность, она сумеет со мной поговорить, успокоит. Она выживет!

О, Духи! Все еще хуже, чем я думала! Мало того, что меня собираются использовать, как конвейер по производству детей, так еще и с драконом я должна буду договориться! Но как, если именно на мне, вы, Духи, решили отдохнуть, и отсыпали Дара не щедрой рукой, а сквозь крохотную прореху в кармане? Наверное, стоит признаться ГримГайлу, и он тогда будет вынужден разорвать помолвку — это безусловный плюс, но то, что в таком случае у меня исчезнет возможность посетить Королевство эгидов, это минус. Может быть, стоит отложить свою откровенность?

От испуга, голова у меня закружилась, и я ненароком коснулась двери. Она чуть скрипнула и приоткрылась всего на миллиметр. Я замерла, чувствуя, как сердце поднялось к горлу и гроыхает так сильно, что Ханна наверняка оглушена.

Леди ГримГайл ничего не заметила, она как раз принялась перечислять варианты, которые гораздо предпочтительнее меня, и их тоже совсем не жалко будет в том случае, если герцог слишком разгневется. Но мой жених странный звук услышал и внимательно уставился на шкаф. Долгие секунды я молила его списать шорох на проказы мышей — Патрик же совсем обленился, но герцог медленно, не сводя глаз с места нашего с Ханной убежища, поднялся и направился к нему. Герцогиня замолчала на полуслове.

— Продолжай, мама, — вкрадчиво попросил герцог. — Я только возьму сюртук.

Я замерла, не дыша. Ханна, по всей вероятности, была уже в бессознательном состоянии, потому что, хоть видеть герцога и не могла, как никто знала, где находится его сюртук — у нас под ногами.

Герцог потянул дверь шкафа на себя и клянусь, выражение его лица, когда он увидел

меня, стоило моего испуга. Он не удивился, нет. У него глаза на лоб полезли. ГримГайл стоял, стремясь объять необъятное, и, в конце концов, герцогиня бы тоже меня обнаружила. Это в мои планы точно не входило, поэтому я поспешно вытащила из-под Ханны сюртук, сунула его в руки герцогу и закрыла дверь.

Теперь мне тоже ничего не было видно. Пришлось так же, как и Ханне, прислушиваться.

— ...на худой конец вспомним маркиза БенФрана. Род многочисленный, дочерей много, выбирай любую. Подумаешь, одной не досчитается. Не думаю, что маркиз станет горевать так сильно, что мы не сможем это уладить, — вещала меж тем герцогиня. За такие речи ужасно захотелось выдворить ее из замка.

— Мама, тебе пора, — прорычал герцог. Ого, видно сильно разозлился, из шкафа теперь вылезать совсем боязно. Хотя не думаю, что он огнеупорный.

— Я еще не договорила, — заупрямилась герцогиня, но видно что-то углядела в глазах сына такое, что пошла на попятную.

— Хорошо, но надеюсь, ты уделишь мне время до отъезда?

— Конечно! — почти прокричал герцог, и мы услышали торопливый стук каблучков.

— Прошу вас, леди УолтВисби, — послышался злой голос ГримГайла после того, как дверь захлопнулась. — Выйдите из шкафа.

Не желая выдавать присутствие Ханны, я аккуратно, приоткрыв только одну створку, выбралась, и замерла перед герцогом, скромно опустив голову.

— Поясните, что вы там делали, — рыкнул он.

Вообще вариант для оправдания, после того, как ГримГайл меня заметил, я придумала только один. Была неплохая версия, что мне хотелось помочь герцогу одеться, но она оказалась несостоятельной, когда я заметила, что сюртук помят, измазан и отвратительно выглядит. Поэтому, пришлось говорить правду.

— Подслушивала, — с вызовом ответила я. Такой прямоотой герцог оказался озадачен. Глаза прищурил, а голосом прямо-таки не своим, спросил:

— Вы считаете это достойным поступком?

Я так не считала, более того, сама не понимала, что на меня нашло. Но признаваться в этом желания не было, поэтому пришлось напустить в голос побольше стали, и очень уверенно сказать:

— А вы на меня не рычите, герцог! В своем будущем доме я могу сидеть где угодно, даже в вашем шкафу!

Духи знают, как ГримГайл сдерживался — пламя в зеленых глазах уже плясало, но в размерах пока не увеличивался. Я бы за такую наглость сама не представляю, что устроила бы.

— Вообще-то, вы утверждали, что никогда не назовете домом это драконье гнездо, — съязвил герцог.

И тут из шкафа донесся какой-то стон. Было не очень понятно — то ли Ханна возмущена моим определением жилища обожаемого ею герцога, то ли чихнула. В любом случае, ГримГайл звук тоже услышал и вопросительно приподнял брови.

— Так вы там еще и не одна сидели!

В первую секунду я онемела, настолько сильным был мой испуг — слишком хорошо мне было известно, что в отличие от меня, Ханну ждет суровое наказание. Вполне возможно, что в скором времени придется подыскивать другую горничную. Поэтому, когда

герцог двинулся в стремлении проверить свое утверждение и раскрыть моего сообщника, я заступила ему дорогу и даже раскинула руки.

— Конечно одна! Это, наверное, паучок! — понимая, как глупо выгляжу, я почему-то тараторила еще быстрее. — Незачем туда заглядывать, я жажду обсуждать мою невоспитанность.

— Обязательно обсудим, — заверил герцог, и мягко отодвинув меня с дороги, взялся за дверцу шкафа.

— Бриар! — взвизгнула я, хватая его за локоть. — Мне нужно вам кое-что сказать! ГримГайл громко вздохнул.

— И, наверняка, слышать это «кое-что» при открытой дверце шкафа никак нельзя? — насколько я видела, герцог едва сдерживал смех, но продолжала нести околесицу.

— Совершенно нельзя. Отойдите от шкафа, вам обязательно понравится то, что я скажу.

— Интересно послушать, — ГримГайл повернулся к шкафу спиной и сложил руки на груди. — Приступайте, леди Лорелла.

А я замешкалась. Нечего мне было сказать, совершенно нечего, кроме того, что вопреки надеждам герцога, с животными общаться у меня не очень получается, но сомневаюсь, что ему это понравится. Поэтому я опустила ресницы и скромно сказала:

— Я читала о Королевстве эгидов.

— Сомневаюсь, что меня это интересует, — заявил ГримГайл. — Что-то новое по этой теме вы мне вряд ли поведаете, я сам могу преподать вам пару уроков.

— Когда начнем? — не упустила я такую возможность.

— Кто там сидит, Лорелла, — вздохнул ГримГайл.

— Никого, — прошептала я. Как бы я не держалась, глаза застилали беспомощные слезы. Герцог покачал головой.

— Я считаю до трех. Один!

— Никого.

— Два!

— Я же сказала, там пусто.

— Три!

Я зажмурилась, отчаянно моля Духов о том, чтобы Ханна чудесным образом испарилась, и вдруг почувствовала на своей талии руки герцога. Мгновение, и он уже нежно прикоснулся к моим губам своими, сначала неуверенно, а затем, не встречая сопротивления, все настойчивее завоевывая мои уста. Меня унесло на умопомрачительной волне восторга, которую дарили эти новые неизведанные ощущения. ГримГайл сминал мои губы, не позволяя опомниться и дать отпор. Куда-то исчезли мысли о том, что нахожусь в руках своего врага, человека, которого так долго ненавидела.

Я вся растворилась в своих впечатлениях, поэтому, когда герцог отстранился, светло улыбаясь, в себя пришла не сразу. Но когда очнулась, залилась краской и уперлась в грудь мужчины руками.

— Вы что себе позволяете?!

— Репетирую. Вдруг мама не поверит в наши чувства, — нагло заявил ГримГайл и вновь потянулся к моим губам. — По-моему, требуется генеральный прогон.

Я зашипела и вывернулась из его рук, ругая себя за то, что не сделала этого раньше. Если даже в своих глазах не получалось оправдаться, представляю, что теперь решит герцог. Догадываюсь, что следующим его шагом станет приглашение в постель — этот повеса все

поймет извращенно, в соответствии со своим поведением.

— На счет три вы должны были открыть дверь шкафа, а не целовать меня, — сказала я, отходя к окну. ГримГайл взлохматил рукой свои волосы. Глаза его странно светились, и это довольное выражение лица мне жутко хотелось стереть. Как назло, ни одного подходящего тяжелого предмета поблизости не было.

— Не заметил, чтобы вам не понравилось, — улыбнулся ГримГайл. Мне внезапно подумалось, что ручкой тоже можно неплохо испортить настроение. Особенно, если она попадет в глаз.

— Не заметили? Так я скажу! Мне не понравилось!

— Что ж, тогда, может быть, сделаем работу над ошибками? — шагнул ко мне герцог.

— Обещаю, теперь не подведу.

— ГримГайл, — тихо, но отчетливо произнесла я. — По-моему, вы уже достаточно меня унизили. Поэтому прошу вас, или откройте этот проклятый шкаф, или выйдите вон, — последние слова я прокричала. Герцог посерьезнел. Сжал зубы и без лишних слов наконец-то кабинет покинул.

Я помогла выбраться из шкафа дрожащей Ханне и выглянула в коридор. ГримГайла не было. Наверное, ждал где-то за углом пока мы удалимся, поэтому, чтобы ненароком с ним не столкнуться (раскрывать инкогнито моей горничной не хотелось) мы скрылись в соседней комнате, оказавшейся хранилищем очередных документов.

— Ты в шкафу что, захрапела что ли? — набросилась я на горничную.

— Простите, миледи, — Ханна стыдливо потупилась. — Сама не знаю, как так получилось — облокотилась на стенку, а она заскрипела. Спасибо, что не выдали герцогу.

— Что уж там, — в комнате не было ни одного стула, поэтому я села прямо на пол и прислонилась спиной к стене. Ноги предательски дрожали, и тот факт, что мое душевное спокойствие поколебал отнюдь не испуг, а поцелуй герцога, ужасно бесил. — Ханна, надеюсь не стоит говорить, что об услышанном в кабинете, лучше молчать?

— Обижаете, — горничная присела рядом. — Леди Лорелла, позвольте мне кое-что сказать.

— Позволяю, — я устало прикрыла глаза.

— Мне кажется, вы нашему герцогу очень нравитесь.

Я презрительно фыркнула.

— Правда, правда, — поспешила заверить меня Ханна. — Если бы такое вытворила леди Бри, сомневаюсь, что он бы ее целовал. Скорее, она бы в ужасе убегала... если бы успела сбежать.

— Я не желаю ничего слышать о ГримГайле, — повысила я голос. — Или молчи, или выйди в коридор. Как знать, может герцог в коридоре караулит, проверим, простит ли он тебя.

Ханна недовольно завозилась, но промолчала. Я же уткнулась носом в колени и вопреки своему желанию улыбнулась.

На ужин мой жених не явился, бросив меня на растерзание своей матушке. Герцогиню отсутствие сына нисколько не смущало — она всю рассказывала о прелестях драконьих невест, и будто бы невольно проводила параллель между мной и каждой из представительниц их рода.

Я ожесточенно накалывала на вилку горошины из салата и мысленно слала проклятья на голову, так называемого возлюбленного. Отчего-то, когда светлая мысль о том, чтобы пропустить незабываемое общение с леди ГримГайл посетила мою голову, герцог тут же напомнил о честном выполнении обязательств, а сам где-то скрывается. Очень хочется в путешествие, иначе бы герцогиня уже обрела союзника в срыве помолвки.

Леди ГримГайл мое скверное настроение заметила, и, пригубив вино из бокала, спросила:

— Позвольте узнать, а где же мой сын?

— Не знаю, — довольно грубо ответила я, но вовремя спохватилась и добавила: — Полагаю, у него дела.

— Вы думаете? — довольно прищурилась герцогиня. — Я же считаю по-другому.

Мысли будущей свекрови по поводу отсутствия лорда ГримГайла меня интересовали мало, но из вежливости пришлось спросить:

— И как вы считаете?

Леди ГримГайл откинулась на спинку стула и наградила меня безумно довольным взглядом, полным такого явного превосходства, что появилось жгучее желание прицельно метнуть ей в лоб ускользающие горошинки. Вместо этого я с милой улыбкой изображала жгучий интерес.

— Мне кажется, Бриар просто всерьез задумался над моими словами. Пока не поздно, пакуйте чемоданы — вас ждет дорога домой.

Я тяжело вздохнула. Хорошо бы если так, но после подслушанного из шкафа разговора, лично у меня были сомнения, что из замка удастся уехать без раскрытия тайны о своем Даре.

— Леди ГримГайл, — медленно, как для малого ребенка, произнесла я. — Мы с Бриаром любим друг друга, и не знаю, что такого должно произойти, чтобы чувства его ко мне рассыпались в прах.

О, как завернула. Не зря Дарлайн зачитывала мне наиболее чувственные моменты из любовных романов. А я еще их бесполезной макулатурой называла.

— Милочка, — с явным наслаждением процедила герцогиня. — Моему сыну ты не пара! Он старше тебя почти на полвека, богат, умен, влиятелен, красив. Ты же всю жизнь будешь выгонять из вашей постели других женщин и чувствовать значительное превосходство своего мужа. Зачем это тебе? Твой удел — обычный мужчина со средним Даром, прекрати портить нервы себе и другим людям.

— Как мило, — я едко улыбнулась.

— Что, прости?

— Вы делитесь своим опытом с будущей невесткой, — пояснила я. — Конечно, это очень печально, что у вас с покойным лордом ГримГайлом в семье сложилась сложная ситуация, но вы можете быть спокойны, Бриар не такой.

— Что ты сказала? — в глазах герцогини заплясало пламя, а я почувствовала мрачное

удовлетворение от того, что поразила ее собственным же оружием.

— Когда вы так уверенно рассуждаете о мрачной картине брака с женщиной из рода ГримГайл, складывается впечатление, что вы ее не просто рассматривали, а принимали непосредственное участие в зарисовке, — охотно пояснила я. Не одни драконы умеют злиться. Я чувствовала, как внутри комом разворачивается злость и обида — видите ли, недостойна ее сына. Да будь на то моя воля, всю жизнь бы прожила, не зная о семействе ГримГайл, и горя бы не ведала.

Герцогиня перевела на прислугу в прямом смысле слова пылающий взгляд и приказала:

— Все вон.

Девушки ждали только этой команды, и, не теряя ни секунды, выскочили за дверь. Герцогиня же медленно встала со стула и оперлась кулаками на стол. Я аккуратно вытерла салфеткой рот, поднялась и замерла напротив свекрови, в точности копируя ее позу.

— Вот значит как? — прошипела леди ГримГайл. — По-хорошему, значит, не уйдешь?

— И по-плохому тоже, — заверила я. Причину подобного упрямства, разумеется, озвучивать не стала.

— Не боишься?

Вот понимаю, что последующие мои слова были лишними, все-таки это мать моего жениха, да и женщина намного старше меня возрастом, но после ее рассуждений о том, что «эту безродную девчонку не жалко»...

В общем, уважение к леди ГримГайл едва ли теплилось где-то в глубине моей души, а вот глупое желание задеть ее, почему-то не покидало.

— Чего? — невинно спросила я, и с предвкушением громкого визга уточнила: — Летающей ящерицы?

Что началось! Герцогиня в секунду раздалась в размерах, лицо ее вытянулось, а зубы сразу же щелкнули, оказавшись в непосредственной близости от моего лица. Я едва успела отпрянуть. Стол скрипнул, потому что леди ГримГайл навалилась на него всем своим уже получеловеческим телом, и развалился на две части. Посыпалась, разбиваясь, посуда.

Вскрикнув, я попятилась к двери, не отрывая взгляд от чудовища, в которое превращалась симпатичная вроде бы женщина. Платье ее растекалось по всему телу, обращаясь в чешую; руки с наманикюренными ноготками сменились на толстые лапы с кривыми безобразными когтями. К тому моменту, как я спиной почувствовала дверь, в столовой, среди осколков и щепок, прижимая длинную шею, замер черный дракон. Повезло, что ГримГайловская столовая попросту огромна, а потолки ее высоки. Хотя почему повезло? Наверняка, так и задумывалось основателем замка, ведь кому, как не одному из вспыльчивых драконов, было известно, что большинство скандалов разгорается за трапезой.

Дракону явно было неуютно. Стены он своим телом не рушил, но раскрыть крылья у него возможности не было. Злые маленькие глазки испуганно шарили по комнате, пока не наткнулись на меня. Есть у меня подозрение, что сознания герцогини и ее внутреннего дракона как-то синхронизируются, потому что обычно животные меня любили. А эта огромная образина зашипела, глаза ее потемнели, и недолго думая, она раскрыла пасть. Понимая, чем все может закончиться, я повернула ручку двери и чуть не вывалилась в коридор. Чудом успела отскочить, как в столовой взревело пламя.

Потеряв равновесие, я упала, но побег продолжила, пусть даже и на четвереньках. Куда прятаться, было совершенно непонятно — уверена, у этого чудовища еще и нюх великолепный. Позади меня раздался треск, замок содрогнулся, я взвыла, и с трудом

поднявшись на дрожащие ноги, как могла быстро из-за пышного платья и туфель на высоких каблуках, рванула по коридору. Если звуки были расшифрованы мною правильно, герцогиня сейчас билась стену, выламывая ее в желании до меня добраться. Так как уверенности, что в результате этих действий я выживу, у меня не было, бежать пришлось к кабинету герцога. Если уж кто и сможет успокоить разбушевавшуюся герцогиню, то только ГримГайл.

Стена обрушилась, поднимая кучу пыли и оглушив меня грохотом, а в коридоре, выпуская за собой клубы дыма, появился дракон. Я добежала до лестницы, схватилась за перила и бросила быстрый взгляд за спину. Огромное чудовище встряхнулось и, прижимая к себе крылья, змеей заскользило ко мне, помогая себе хвостом. Я закричала и устремила по ступеням вверх, теряя на бегу туфли.

Преодолела всего один лестничный пролет, а уже слышала где-то за спиной низкое утробное рычание и жар пламени, извергаемого драконом.

«Не успею», в отчаянии подумала я и тут увидела, что навстречу мне не спеша спускается герцог. Увидев мое полубезумное лицо, он нахмурился и ускорил шаг.

— Что происх... — начал ГримГайл, но замолчал на полуслове, услышав рев родной матушки и бросился вниз, оттолкнув меня с дороги. Я возражать не стала, побежала вверх еще быстрее. Между мной и чудовищем теперь находился ГримГайл, а уж он огня не боится.

Снизу послышался еще больший грохот, пол затрясся, сверху посыпалась штукатурка, и казалось, что замок сейчас развалится. Слышно было, как внизу теперь режут два дракона, но выяснять, кто же выйдет из схватки победителем, я не стала. Слишком высок был риск погибнуть или под обломками, или в зубах теперь уже двух чудовищ.

Когда я, наконец, достигла третьего этажа, то увидела, как из-за приоткрытой двери одной из комнат, попеременно выглядывают слуги.

— Там пожар! Несите воду! — закричала я. Вроде бы призыв прозвучал чрезвычайно понятно, но прислуга, вместо того, чтобы в панике броситься вниз, и вовсе закрыла дверь. Все бы ничего, но я-то осталась снаружи!

Мне это дико не понравилось. Посчитав, что слуги — люди бывалые, они в замке не первый год обитают, поэтому нужно постараться примкнуть к ним, я загрохотала кулаком по дереву. Дверь открылась не сразу. Мне даже показалось, что в комнате еще и совещаются.

— Быстро открывайте! — возмутилась я. Шум внизу уже утих и голос мой в установившейся тишине коридора показался оглушительным. Дверь осторожно приоткрылась и в коридор выскользнула смущенная Ханна.

— Ты предатель! — сил на обиду уже не осталось. Адреналин, который давал мне силы бежать, уходил, уступая место слабости. — Вы почему там закрылись?

— Ну это же из-за вас герцогиня потеряла контроль, — разглядывая носки своих туфель пояснила смущенная горничная.

— Так вы побоялись, что вас посчитают сообщниками?

— Конечно же, нет, — промямлила Ханна, но по ее виду было заметно, что такой момент тоже присутствовал. Она мягко взяла меня за руку и потянула за собой. — Пойдемте, я вас провожу.

— Мы куда идем? — я нахмурилась. — Зови своих друзей, первый этаж полыхает, наверное, всюю.

— Не волнуйтесь, миледи, — уговаривала меня горничная. — Раз шума уже нет, значит, герцог утихомирил леди ГримГайл, а огонь вобрал в себя. Сейчас пыль уляжется, спустимся, повреждения оценим и уберем. Но вам пока нужно отдохнуть. Вы же чуть не погибли.

— Ага, именно поэтому вы в комнате от меня закрывались? Все оттого, что я чуть не погибла?

— Мы обсуждали варианты развития событий, — Ханна опять смутилась. — Была возможность того, что герцогиня за вами еще гналась... Но мы же сразу открыли, как только поняли, что все закончилось.

— Премного благодарна, — съязвила я. — До спальни я могла добраться и самостоятельно.

— А я вам ванну подготовлю, — нашла Ханна с ответом.

Возражать я не стала. После всех волнений сегодняшнего дня, мне были жизненно необходимы горячая вода и возможность в ней расслабиться. Пока Ханна готовила ванную, я в одежде лежала на кровати, накрывшись покрывалом. Меня била крупная дрожь, озноб был такой силы, будто поднялась температура. Только заболеть мне еще и не хватало — с герцога станется, под предлогом моей болезни уехать в Королевство эгидов в одиночестве. Допустить этого я не могла, поэтому погружаясь в восхитительно горячую ванну, поинтересовалась, есть ли в замке лекарь.

— У вас что-то болит? — забеспокоилась Ханна. — Пламя задело? Или обломок?

Я еле увернулась от заботливых рук, ощупывающих мою голову на предмет повреждений.

— Ханна, прекрати! Мне просто интересно.

— Вы точно хорошо себя чувствуете? — Ханна добавила в воду какое-то масло из бесконечных баночек-скляночек, коими горничная заполонила мою ванную. Сильно запахло ромашкой.

— Все замечательно, — я устроилась поудобнее. — Ну, если не учитывать, что меня пыталась убить мать моего жениха. С остальными минусами пребывания в этом замке я уже вроде как смирилась.

— Лекарь в замке есть. Если нужно, я попрошу его зайти к вам.

— Было бы неплохо, — я подняла рукой облако пены и сдула его в горничную.

Из ванной я вышла, закутавшись в полотенце, и даже не удивилась, когда в дверь громко постучали. Вряд ли герцогиня виноватой 8 произошедшем признала себя, поэтому явление карательного отряда вполне ожидаемо.

Я оглянулась на Ханну. На лице ее были написаны те же мысли, что тревожили и меня, поэтому горничная дверь в ванную не закрыла, наверное, дальновидно собиралась в ней спрятаться. Что ж за трусливые слуги в этом замке! Наша бы Лиззи, вздумай кто в комнату виконтессы ломиться, будь-то даже сам виконт, грудью бы защищать бросилась.

— Кто там? — пискнула я, подавая знак Ханне, чтобы она принесла платье. Благо, с сообразительностью у горничной проблем не было.

— Ваш жених! — прорычал из-за двери герцог. — Я могу войти?

— Как приятно, что вы интересуетесь моим мнением, — не могла я не порадоваться. — Но, увы, вам придется подождать — я не одета.

— Увы, вам придется смутиться, — передразнил ГримГайл. — Ждать хоть минуту я не намерен.

В последнюю секунду Ханна успела набросить на меня покрывало, и когда герцог открыл дверь, я стояла посреди комнаты, придерживая ткань на груди. ГримГайл шагнул в спальню и замер истуканом, пораженно глядя на меня.

— Вы вконец обнаглели? — от возмущения я сорвалась на крик. Ханна, вместо того,

чтобы выталкивать потерявшего всякий стыд герцога, застыла в глупом поклоне.

— Простите, — ГримГайл повернулся ко мне спиной. — Я не думал, что вы и правда раздеты.

— Действительно, — съязвила я. — С чего бы вы могли так подумать? Вообще-то я вам об этом сказала!

Ханна торопливо натягивала на меня платье.

— Может быть, вы выйдете?

— Зачем? Я совсем ничего не вижу.

В негодовании я закатила глаза и повернулась к Ханне спиной для зашнуровки корсета.

— Можете оборачиваться, — сказала я, когда степень моей наготы уже соответствовала нормам приличий. А именно, теперь перед герцогом оголенным было только декольте.

— Вы уверены? — уточнил зачем-то ГримГайл. Лучше бы таким заботливым он был до того, как ворвался в мою спальню.

— Более чем, — я фыркнула, заплетая непослушные мокрые волосы в косу. Кивнула Ханне: — Ты можешь идти.

ГримГайл подождал пока горничная выйдет, и тогда только посмотрел на меня.

— Очень странно видеть вас без прически.

— Ваша Светлость, — я тяжело вздохнула. — То, с какой силой вы стучали в дверь, ясно дало мне понять, что мы будем обсуждать не мою прическу. Отступать от уже придуманного мною сценария нашего разговора не стоит. Давайте, ругайте, обвиняйте.

— Вы знаете, что я хочу вам сказать?

— Я догадываюсь. Что-то из цикла: ты обидела мою маму, этаж моего замка разрушен, будь проклят тот день, когда я привез тебя в замок. Очередность тезисов может быть иной, но общую картину вы уловили.

— Вы действительно обидели мою мать, — ГримГайл присел на кресло и закинул ногу на ногу. — И половина первого этажа разрушена, но ваше появление в моем замке ошибкой я не считаю, и только вас в произошедшем не виню.

— Не может быть, — я присела напротив герцога. — Герцогиня призналась, что специально доводила меня до белого каления?

— Напротив, — ГримГайл усмехнулся. — Моя мать утверждает, что вы назвали ее летающей ящерицей и пытались убить с помощью ножа. Но я в курсе, что слова ее следует делить на два, поэтому признавайтесь — правда бросались с ножом?

Я замялась, но все-таки сказала:

— Нуу, я действительно сказала, что не боюсь летающих ящериц. Не исключая, что она приняла эти слова на свой счет.

— Лорелла, — грозно сказал герцог, сверля меня тяжелым взглядом. — Я же предупреждал, что злить мою мать не стоит. Неужели так трудно было промолчать?

— Если бы вы пришли на ужин, этого бы не случилось!

— Я плохо себя чувствовал, — после небольшой паузы ответил ГримГайл.

— Да ладно, — я не поверила. — Что-то вы не выглядите больным.

ГримГайл, не зная, что сказать, молчал. Я почувствовала себя гораздо спокойнее, так как ругать меня никто не намеревался, и, придвинувшись к герцогу ближе, доверительно сообщила:

— Оставлять меня одну было неразумно. И к тому же, если вспоминать о нашей договоренности, непорядочно. Может быть, обговорим для вас штрафные санкции?

— А разрушенный этаж, по-вашему, недостаточная санкция? — рявкнул ГримГайл.

— Нет — так нет, — я тут же пошла на попятную. — Сильные повреждения?

— Не критичные, — мрачно ответил герцог. — Бывало и хуже, гораздо хуже, но трапезничать нам придется теперь в другой комнате.

Не знаю, к каким повреждениям ГримГайлы относятся с критикой. Утром я обнаружила, что на левое крыло первого этажа хода нет вообще. Слуги уже деловито разбирали завалы, но общая картина все равно выглядела удручающе. На меня поглядывали с укоризной, считая виновницей в произошедшем, отнюдь не герцогиню. Последнюю же ГримГайл заставил передо мной извиниться. Недовольная свекровь придерживая на губах ядовитую улыбку, кивнула и попросила прощения за свою несдержанность. Я в свою очередь признала, что неправильно было называть герцогиню лет...той, кем я ее назвала, и мы, мысленно отсыпая друг другу порции оскорблений, заключили некое подобие перемирия. Целый день свекровь следовала за сыном хвостом, выводя его из себя, но при встрече со мной, переводила разговор на тему свадьбы.

ГримГайл продержался до вечера, а когда я уже готовилась ко сну (благо не успела переодеться), вломился в мою комнату.

— Нет, это уже невозможно, — пожаловалась я. — Пора вешать замОк.

— Все что угодно, — заверил герцог. — Но когда замок покинет моя мать.

Сам он стоял у дверей, напряженно прислушиваясь к звукам в коридоре.

— Вы прячетесь у меня что ли? — догадалась я. ГримГайлу мое определение не понравилось.

— Я пришел поговорить к своей невесте! Почему сразу прячусь?

— У вас был целый день для разговоров, — возмутилась я. — Мне подобные ночные беседы не по душе — общение с вами должно быть исключительно дневным и желательно кратковременным.

— Разве ваше впечатление обо мне не изменилось? — неожиданно спросил ГримГайл. — И желания видеть меня как можно чаще не появилось?

— А должно было? — я искренне поразилась. — Напомните, Ваша Светлость, а что вы для этого сделали?

Герцог недовольно на меня уставился, я терпеливо ждала.

— В первый раз слышу, что для этого что-то надо сделать, — заявил, наконец, он. — Симпатия либо есть, либо ее нет.

— И я так понимаю, вы привыкли, что по отношению к вам у женщин она есть всегда?

Герцог отвечать не стал, но по его самодовольному виду было понятно, что я права. Неизвестно, до чего бы мы успели договориться, потому что с языка моего рвались совсем не безобидные комментарии, но в дверь постучали. Не успела я порадоваться, что хоть кто-то в этом замке слышал о приличиях, как послышался голос герцогини.

— Бриар, дорогой, ты здесь? Выходи, я хотела бы с тобой поговорить.

— Мама, достоинства и недостатки всех женщин королевства мы уже обсудили, — рявкнул ГримГайл. — Угомонись и иди спать — завтра ты уезжаешь рано утром.

Герцогиня помолчала.

— Я хотела поговорить о твоей свадьбе, о каких женщинах королевства ты толкуешь?

— О ней мы разговариваем второй день, — отрезал герцог. — И вопреки твоему желанию она состоится.

Свекровь решила сменить тактику.

— А почему я не слышу Лореллу? Она наверняка уже спит. Выходи, ты же разбудишь бедную девочку.

Нет, вы только посмотрите на нее — то огнем в меня дышала, убить мечтала, а теперь переживает, что не выплусь. Но не успела я подать голос, как герцог безапелляционно заявил:

— Она смущена. Знаешь ли, в настоящий момент мы заняты тем, что пытаемся подарить тебе внуков. Так что не мешай.

Я так и села.

— Вы с ума сошли? — прошипела я, густо покраснев. Слова герцога возымели свое действие — не попрощавшись, герцогиня бодро зацокала каблучками по коридору. — Что ваша мать обо мне подумала?

— Поверьте, на общее впечатление о вас, которое сложилось у моей матери, эта информация никак не повлияет. Оно и так хуже некуда.

— Да вы просто напросто не имели права так говорить! — вскипела я. — Это же мерзко!

— Что именно? — нагло уточнил герцог. — Мои слова или само действие?

— Пусть ваша мама думает, что мы уже закончили, — огрызнулась я, вся пунцовая и от злости и от стыда. — Выйдите вон.

— Вы что, — притворно испугался герцог, делая почти незаметный шаг ко мне. — У меня репутация лучшего любовника королевства, я никак не могу выйти из вашей спальни так скоро.

— Вы, пожалуйста, не приближайтесь, — потребовала я, видя, что герцог подозрительно близко подошел. Вскочила с кровати и выставила руки вперед, слабо надеясь, что это ГримГайла остановит. — И оставьте свои откровения при себе. Мне абсолютно неинтересно, кто в королевстве лучший любовник, а кто худший.

— Лорелла, — герцог остановился, но голос его стал тихим и вкрадчивым. — Если ты пожелаешь, мужем и женой мы станем уже завтра. С церемонией я медлю только из-за того, что не желаю в первую брачную ночь брать жену силой.

— Слов нет, как это благородно, но к чему вы клоните?

— Может быть, егodayшнюю ночь я проведу здесь?

С минуту я молчала, ожидая, что герцог засмеется, и скажет, что пошутил, но он очень серьезно смотрел в мои глаза.

— Лорд ГримГайл, — вздохнув, сказала я. — Даже заговаривать об этом не стоит. Я не согласна с вашим пребыванием в моей спальне, но так как перед общественностью мне уже не оправдаться, терплю, а вы пытаетесь еще и в мою постель пробраться. Взывать к вашему разуму я не буду, уверена, это бесполезно, но хочу сказать, что мое желание разорвать помолвку не только не утихло, а даже крепнет с каждой минутой.

Жаль, что герцог моей тирадой нисколько не увлекся. Напротив, он зажмурился от удовольствия и сказал:

— Ты не представляешь, как мне хочется поцеловать тебя, когда ты такая серьезная. Я удивленно вытаращила глаза.

— Не представляю, как вы сумели занять довольно высокий пост при короле, если налицо полнейшее отсутствие логического мышления.

— Ты очень красива, — мягко заметил ГримГайл, и, не обращая внимания на мои слова, заключил меня в объятия. Я уперлась руками в его грудь и возмутилась.

— Вы совсем меня не слышите?

— Слышу, но не слушаю, — признался ГримГайл, и, улыбаясь, наклонился к моим губам. — Если бы я воспринимал всерьез все, что ты говоришь, убил бы в первый день нашего знакомства. Поменьше слов, Лорелла.

— Извините за опоздание, миледи, — послышался звонкий голос Ханны от двери, а я мысленно поблагодарила Духов за отсутствие замка. — Ой, извините.

— Пошла вон, — прорычал герцог, а я, выглядывая из-за закрывающего обзор ГримГайла, что было сил закричала:

— Стоять! Ханна, мне очень нужна твоя помощь!

Горничная замешкалась, не зная, как ей поступить. ГримГайл со стоном разжал объятия, и я тут же отскочила от него, не заботясь о том, как это выглядит со стороны.

— Завтра, проводив маму, мы тоже уезжаем, — зло сказал герцог, подойдя к двери, и не глядя на меня. — Постарайтесь не опаздывать. До свидания, миледи. Не думайте, что наш разговор окончен.

Герцогиня и в самом деле уезжала очень рано, так что стоя у крыльца, я с трудом подавляла зевоту. Покидать замок ей отчаянно не хотелось — она семь раз (я сосчитала) садилась в повозку и шесть раз выходила из нее.

Наконец, герцог потерял терпение, и просто придержал дверь кареты рукой. И как не налегала на нее герцогиня, ГримГайл был намного сильнее. Поэтому вскоре я радостно махала вслед покидающей замок свекрови.

— Вы готовы? — деловито спросил у меня герцог. Одет он был в черный мундир, который облегал фигуру, и выгодно подчеркивал его и так яркую внешность. С какой-то злостью, которая меня же и изумила, я подумала, что внимание всех без исключения женщин двора эгидов ему обеспечено.

— Конечно, — я обернулась на слуг, выносящих мои чемоданы. — Вы сразу в дракона превратитесь?

— Зачем?

— Нуу, чтобы мои вещи привязать. Я же на вас верхом полечу?

ГримГайл поймал свою челюсть где-то на уровне груди и недоверчиво уставился на меня.

— Верхом на мне? Скажите, Лорелла, а как такая дикая мысль посетила вашу прелестную головку?

К крыльцу, громыхая колесами, подъехала карета, запряженная четверкой белых лошадей. И хотя кучер старался держаться подальше от герцога, животные все равно, чуя дракона, нервно всхрапывали и прижимали уши. Мне даже было слышно, как они обсуждают близкую опасность. Сама я покраснела, осознав, как сглупила и мрачно спросила:

— Мы поедем в карете?

— Вы поедете в карете, — самодовольно уточнил ГримГайл. — Мне придется оседлать лошадь.

— Но животные вас боятся!

— Они сами вам сказали?

Я не стала пояснять тот факт, что об этом мне рассказал ГритБерли — еще не время, и уклончиво пожала плечами.

— Большинство животных меня действительно боятся, поэтому приходится как раз для таких вот случаев обучать самую сильную и выносливую лошадь, — герцог скептически посмотрел на меня и не преминул вставить шпильку. — Если бы не необходимость вашей компании я бы долетел в Королевство эгидов менее чем за пару часов.

— Сами виноваты, — отмахнулась я, не чувствуя и капли вины. — Разорвали бы помолвку сразу, занимались бы своими делами. Возможно, вам бы уже и новую невесту подыскали.

— Я свой выбор сделал восемнадцать лет назад, и причин отказываться от него не вижу.

— Вы несносны, — заявила я, и, опасаясь недовольства герцога, села в карету.

ГримГайл не возражал, подозреваю, возрадовавшись воцарившейся тишине. В окно я видела, как конюх подвел к герцогу могучего гнедого коня, с атласной переливающейся шкурой и широкой грудной клеткой. Конь нетерпеливо переступал с ноги на ногу и нисколько не возражал против того, что ГримГайл потрепал его по холке.

Восемь стражников во главе с Лафонетом, в полном обмундировании, нас уже ожидали. Чтобы не смущать лошадей, герцог двинулся на некотором отдалении от всей процессии, из чего я сделала вывод, что стража предназначена для моей охраны.

С горы мы спускались совсем по другой дороге, нежели поднимались — новая была намного шире, и теперь на ней умещались и карета и два стражника по бокам. Но на спуск мы потратили почти сутки. Первое время я с удовольствием смотрела в окно, но вскоре вид бесконечных гор, окутанных лентами тумана, мне наскучил. Помаявшись от невозможности заснуть и таким образом сократить время путешествия, я предложила кучеру поиграть в слова. Сначала он отвечал шепотом, по-видимому, опасаясь недовольства герцога, но после разошелся и, услышав его громкие выкрики, к нам присоединился даже один из стражников. Через пару часов у меня остался всего один соперник — кучер обнаружил поразительно маленький словарный запас, со стражником же мы переговаривались до темноты.

— Скоро вступим в долину, — пообещал он, заметив, что я устало потираю виски. Я с сомнением выглянула в окно. На горы уже спустилась ночь, герцог, рассеивая тьму, выпустил несколько огненных шаров, но, на мой взгляд, функцию освещения они выполняли плохо — я по-прежнему ничего не видела.

— Позвольте спросить, а как вы это поняли? Передо мной все та же темень, что и полчаса назад.

— Я же не в первый раз двигаюсь по этой дороге. Сейчас повернем направо, и останется всего лишь пару километров до долины. А там уже остановимся отдохнуть.

— Надеюсь, — я потянулась до хруста в суставах.

Вышло так, как и говорил стражник. К долине мы добрались быстро, и немного удалившись от горы, остановились в небольшой пышной рощице. Мужчины занялись подготовкой к ночлегу, а мне было позволено немного размяться. Жаль только, что прогулки ночью в незнакомом месте не входили в список моих любимых занятий, поэтому пришлось растерянно, пытаясь не мешать стражникам, застыть рядом с лошадьми, пощипывающими травку. ГримГайл развел костер, солдаты приготовили ужин и позвали меня, как они сами выразились, к столу. Я села на поваленное дерево у огня и приняла в свои руки хлеб и тарелку с густой похлебкой. Пахла она восхитительно, а если вспомнить, что весь день мне пришлось питаться заблаговременно припасенными печенюшками, ложку я еле дождалась.

— Проголодались? — спросил герцог, присаживаясь рядом. Ему тут же передали такой же набор еды, какой уже был у меня.

— Безумно, — призналась я, решив не ерничать. Настроение мое было крайне приподнятым.

В детстве я и Дарлайн воображали себя знаменитыми путешественниками, эдакими первопроходцами аллиумных полей. Я надевала шляпу Шнитора (Духи знают, почему она казалась мне наиболее подходящей для экспедиции) и мы отправлялись за ворота составлять карты. Дарлайн несла наши припасы и инструменты, а мне оставалось указывать путь и измерять расстояние. Согласна, не совсем честно было взваливать всю тяжесть на младшую сестру, но так как идейным вдохновителем путешествия была я, можно было позволить себе небольшие привилегии. Сидя сейчас на жестком дереве с погнутой тарелкой в руках, я понимала разницу между тем, детским путешествием и поездкой в соседнее государство сейчас, но ощущение радости и эйфории были теми же.

— Теперь мы будем останавливаться чаще, — пояснил герцог. — В горах же это было нежелательно.

— Понимаю, — я искоса посмотрела на ГримГайла. — Скажите, а часто вы путешествуете таким образом? Я имею в виду, на лошадях?

— Последний раз это было в армии, — улыбаясь, признался герцог. — Не буду говорить, сколько лет уже прошло, иначе вы ужаснетесь. С тех пор лошадей к себе я приучал, но воспользоваться ими причины не было.

— Спасибо, — неожиданно даже для самой себя сказала я.

— За что?

— Вы могли просто улететь после отъезда герцогини, и ничего бы я не сделала, в птицу бы не обратилась и к вашей совести не воззвала. Но вы, испытывая уже забытые вами неудобства, слово свое сдержали.

— О, Духи, можно было сделать и так? — делано расстроился герцог. Пришлось легонько толкнуть его в бок. ГримГайл тихо засмеялся. — Вам не кажется, что я заслужил кое-что еще помимо вашей благодарности?

— Горячую благодарность?

— Очень горячую благодарность, — голос ГримГайла прозвучал безумно хищно. Герцог приобнял меня за талию и прямо-таки придвинул к себе. — Полагаю, она может найти свое выражение в поцелуе.

— Вообще-то, ради этой поездки я перед вашей мамой спектакль разыгрывала, — возмутилась я, тщетно пытаюсь отстраниться от герцога. — Напомните мне, никогда и ни за что не говорить вам больше «спасибо»! Теперь же давайте сойдемся на том, что моя признательность была всего лишь данью воспитанию.

— Нет, нет, — ГримГайл прикоснулся губами к моим волосам, по моему телу побежали мурашки, а я впервые подумала о том, какие у герцога горячие руки. Жар его ладони, казалось, прожигал мое платье насквозь. — Ни о каких уступках не может быть и речи — я требую свой поцелуй.

Ощутимый толчок ГримГайлу под ребра никаких плодов не принес — его объятия становились только крепче, поэтому я вздохнула и зло прошипела:

— Вы же не отстанете, нет?

— Как вы проницательны.

— Хорошо! Но чтобы никто не видел. Проводите меня к карете.

ГримГайл мгновенно поднялся с дерева, и подал мне руку, предлагая на нее опереться. Уже встав, я неудачно наступила на сухую ветку, и когда она преломилась, споткнулась. Герцог любезно поддержал меня.

— Осторожнее, — тон его был на редкость мил. Наверное, в ожидании поцелуя. Отвечать я не стала, быстро идя впереди герцога и возмущенно посапывая, как испуганный ежик. Мы остановились за каретой, и я воровато огляделась.

— Вообще-то мы будущие муж и жена, — напомнил герцог, с любопытством наблюдая за моими шпионскими ужимками.

— И не говорите, — огрызнулась я. — Как вспомню, так вздрогну.

— Чувствую себя мальчишкой, — посетовал ГримГайл, с трудом сдерживая смех. — За каретой, с красивой девушкой...

— Глаза закройте, — перебивая его жалобы, скомандовала я.

Герцог вздохнул, но послушно зажмурился. Я, пользуясь моментом, рассматривала его лицо — темные брови нахмурены в тщетной попытке придать себе серьезный вид, и мне с трудом удалось удержаться от желания провести по ним пальцем; уголки четко очерченных

твердых губ приподняты, но и так было понятно, что ГримГайла вся эта ситуация ужасно веселит. Мне же было не до смеха — жар опалил щеки, как только я представляла, что сама поцелую этого красивого мужчину, к которому до сих пор не поняла, как отношусь. В душе моей царил уже привычное раздражение, но отчего-то, присутствовало еще и не дававшее мне покоя восхищение.

«Это невозможно», разозлилась я, встала на цыпочки и быстро чмокнула герцога в заросшую темной щетиной щеку. ГримГайл открыл глаза и недовольно воскликнул.

— Это все?!

— Это моя самая горячая благодарность, — отрезала я и быстро забралась в карету, боясь, что герцог меня схватит и поцелует насильно.

Самое странное, что противореча своим же поступкам, уже всматриваясь в темноту кареты, я безумно злилась, что ГримГайл этого не сделал.

Следующие два дня пути я старалась наедине с ГримГайлом не оставаться. Первой успевала поесть, причем садилась всегда в окружении стражников, а проводить к повозке просила Лафонета. Герцог не возражал, только взгляд его иногда вспыхивал алым пламенем, но в такие моменты я отворачивалась и спешила скрыться в карете.

В полдень четвертого дня пути наша процессия ступила на лесную опушку. День выдался жарким, и лошади, да и люди тоже, были рады спрятаться под тенью деревьев.

Лес был густой и темный. Плотные кроны вековых деревьев сплетались в вышине и не пропускали лучи солнца вниз. Ковер из полусгнившей листвы, и это не смотря на разгар лета, укрывал землю и пружинил при каждом шаге. Никакой тропинки не было — сплетенные ветви деревьев преграждали нам путь. Карету пришлось отправить обратно — мои вещи привязали к лошадям, а сама я села на лошадь герцога, которую он вел под уздцы, прорубая мечом дорогу. Через пару часов тернистого пути мы выбрались к небольшому оврагу, по кромке которого можно было более или менее спокойно продвигаться.

— Вы обещали рассказать о эгидах, — скромно напомнила я, когда молчание между мной и герцогом стало вовсе гнетущим.

— Разве? — хмыкнул ГримГайл. — Насколько мне помнится, смысл нашего разговора был несколько другой.

— Тем не менее. Вы же не раз там были, что самое интересное в их культуре, обычаях?

ГримГайл недолго поразмышлял.

— Пожалуй, вам стоит знать о том, что эгиды совершенно не уважают женщин.

— Что-то подобное я и предполагала, — мне вспомнился пантеон богов.

— Вряд ли. Женщины в их государстве даже хуже скота — просто существо, рожаящее детей. Несчастных продают, меняют, дарят, убивают, они содержатся в нечеловеческих условиях, не видят своих детей...

— Как это отвратительно, — не вытерпела я. — Именно из-за этого вы хотите пойти на эгидов войной? Освободить женщин?

ГримГайл грустно покачал головой.

— Ради женщин чужого государства ни один король поход не начнет. К тому же, я напротив, направляюсь в Королевство эгидов, чтобы не допустить развязывания войны — пока есть возможность нужно решить дело миром.

— Не понимаю, из-за чего тогда назревает конфликт?

— Слишком много всего намешано. Это и личная неприязнь — у правителей наших королевств давнее соперничество, это и экономические причины — они считают, что наши

цены на металлы слишком завышены, но главное, это религиозный мотив — их жрецы желают насадить в нашей земле свою веру.

— Но зачем им это?

— В Королевстве эгидов Даром обладают только жрецы, поэтому власть их безгранична. Вполне естественно, что у них присутствует жажда распространить свое влияние на большее количество территорий.

— Ваша Светлость, — я наклонилась к идущему рядом ГримГайлу. — Но в случае войны, мы победим?

— Леди Лорелла, если вы пообещаете мне поцелуй, я лично спалю все войско эгидов, — засмеялся герцог. Я, покраснев, отпрянула. — А если серьезно, такие вопросы прогнозировать очень сложно.

Разговор плавно перетек к войнам, в которых принимал участие ГримГайл. Отыскав наиболее подходящий склон, мы пересекли овраг и опять углубились в лес. Теперь идти было проще, и необходимость прорубать дорогу мечом исчезла.

На привал мы остановились на небольшой полукруглой полянке. Здесь не было закрывающих солнце тяжелых крон, и под ногами был ковер, поражающий своим разноцветьем и разнотравьем. Уже никто не сетовал на жару, настолько всем наскучила темнота леса, и, дав себе волю, я закружилась по поляне, раскинув руки в разные стороны. Споткнулась на кочке, чуть не упала, и, опомнившись, выровнялась. Бросив осторожный взгляд на стражников, я немного успокоилась, вроде бы никто моего ребячества не заметил, и отправилась за своей порцией обеда. Но меня перехватил ГримГайл.

— Это последняя остановка, скоро уже пересечем границу.

— Рада это слышать, — я хотела уже продолжить путь, но заметила хитрый прищур герцога и остановилась. — Это еще не все?

— Вы, наверное, очень устали, — интригуя меня, медленно произнес герцог. — Уверен, если бы вы окунулись в чистые воды лесного озера, вам стало бы легче...

— Вы серьезно? — я не поверила своему счастью. Все дни, проведенные в дороге, мне страстно хотелось искупаться. Скучные утренние водные процедуры в счет, естественно, не шли, но как назло, ни одного водоема нам пока не встречалось, а здесь такая удача.

— Более чем, — хитро кивнул ГримГайл. — Причем я знаю одно тихое место, со всех сторон окруженное ивами — там вас никто не увидит.

— Пойдемте скорее! — я бросилась к лошадям, и выудила из тюков одно из платьев. Оно было серое, простое и, безусловно, мягкое, но у него был огромный плюс — я могла его надеть без посторонней помощи. Пришлось задержаться в поисках белья и полотенца, но герцог меня не торопил, наблюдал за моими метаниями от лошади к лошади с удивительным терпением и серьезностью.

— Вы можете так не спешить, — улыбнулся ГримГайл, жаль только, что сказал он мне это, когда я уже собрала все необходимое. — Без нас не уедут.

— «Нас»? Вы тоже собираетесь купаться?

— Вообще-то планировал. Но после вас, — и не успела я облегченно вздохнуть, как герцог пояснил. — Потому что когда вы будете в воде, мне придется охранять ваш покой.

— Мне это не нравится, — призналась я. — Надеюсь, волноваться о том, что вы будете подглядывать, не стоит?

— Это заманчиво, но не беспокойтесь, я буду смотреть исключительно в противоположную от вас сторону.

Это меня немного успокоило, но все равно, раздевалась я, спрятавшись за толстым стволом ольхи, и замирая от каждого шороха. Наконец, опасливо оглядевшись, ступила в прозрачную синь воды и от восторга задержала дыхание. Озеро оказалось небольшим, круглым и большей частью заиленным. Деревья окружали его сплошной стеной, так что казалось, что купаюсь я за лесной ширмой.

Вода была прохладной, но не ледяной, поэтому нырять я не стала, медленно двигаясь на глубину. Не знаю, как можно было не услышать шум за спиной, наверное, слишком занята была разглядыванием мелких рыбешек, уплывающих от потревожившего их жилище гостя, но в тот момент, когда вода дошла мне до пояса, я почувствовала, как моих бедер что-то коснулось. И это что-то было подозрительно похоже на мужские руки. Вскрикнув, я схватилась за чужие ладони, пытаясь оторвать их от себя, но испуганно замерла, услышав голос герцога.

— Тшц, — ГримГайл провел рукой вверх, к талии. — Это всего лишь я.

— Что вы здесь делаете?! — голос мой срывался, я и поверить не могла, что герцог опустил до такой низости. — Вы обещали не подсматривать!

— У меня закрыты глаза, — заверил ГримГайл и, убрав мои волосы, осторожно поцеловал в шею.

— Что вы делаете? — растерялась я, чувствуя, как от прикосновений герцога кружится голова.

— Мм, а на что похоже? — промурлыкал мужчина, прокладывая от моей шеи до уха дорожку из поцелуев.

— Я не специалист, но, похоже, вы пытаетесь меня соблазнить, — внизу моего живота разгорался клубок жара и неосознанно, я наклоняла голову, открывая ГримГайлу новые просторы для поцелуев. Он повел рукой еще выше и я, понимая, к чему мужчина стремится, опять перехватила его ладонь. Герцог не стал возражать, переплел наши пальцы, но я чувствовала, как он улыбается.

— Именно это я и делаю, — хриплым голосом признался ГримГайл и свободной рукой накрыл мою грудь. Сквозь стиснутые зубы я застонала, и хотя где-то на задворках сознания здравый смысл буквально вопил, призывая остановиться, тело яркой вспышкой где-то внизу живота отзывалось на каждый поцелуй герцога.

— Мне не нравится, — прошептала я, чувствуя, как слабеют ноги. Но прогоняя мужчину, выгибалась ему навстречу всем телом, всем своим существом. — Прекратите...

— Не нравится? — ГримГайл на секунду прервал поцелуи, но лишь для того, чтобы опустить их на мои плечи. — А вы не лжете?

И герцог ласкающими движениями провел по моему животу, опускаясь вниз, к тому, к чему я и в мыслях не могла позволить ему дотронуться.

— Нет! — неожиданно твердым от испуга голосом ответила я, схватила его за руку и отстранилась. Удивилась — как, оказывается, просто было прекратить эту сладкую муку — настырничать ГримГайл не стал, когда я отошла, и по плечи спрятавшись в воде обернулась, он стоял, сложив руки на груди.

— Вы с ума сошли? — гневно закричала я.

— По-моему, не я один, — спокойно заметил герцог, не глядя на меня. Он был абсолютно голым. Нет, конечно, я понимала, что одетыми в озеро входят только сумасшедшие, но почему-то вид его обнаженного тела поверг меня в больший шок, чем та ситуация, которая только что имела место быть. Гладкая загорелая кожа, атлетическая грудь

без единого волоска и узкая талия с резко очерченными мышцами живота притягивали мой взгляд, поэтому даже пришлось встряхнуть головой.

— Можно подумать это я пришла к вам и принялась наглаживать...отдельные части тела!

— Я был бы не против, — заметил ГримГайл. Я плеснула в него водой и зло воскликнула:

— Хам! Убирайтесь вон из озера!

— Вы уверены, что этого хотите? — удивленно приподнял брови герцог. — Могу сказать, что под водой я также обнажен, вас это не оскорбит?

— Поглядите-ка на него, — изумилась я. — А ничего, что пару минут назад оскорбить меня вы совершенно не боялись!

— Вы моя невеста, Лорелла! — разозлился ГримГайл. — По-моему, мои действия вполне объяснимы и нормальны!

— Нормальны они в том случае, если адресованы вашей жене!

— Отлично, значит, как только вернемся из этого проклятого Королевства эгидов, в тот же день поженимся! И попробуйте только заикнуться об оскорблении!

— А это мы еще посмотрим, — заверила я, и чтобы не слышать больше голоса герцога, нырнула. Проплыла под водой несколько метров, и вынырнула почти на середине. ГримГайл уже был на берегу и раздраженно одевался. Пришлось подождать, пока он уйдет, и лишь тогда самой выходить из воды.

Когда одевшись, я растерянно остановилась за деревьями, не помня, куда идти, герцог вышел на тропинку, и мы в полном молчании вернулись в лагерь. Стражники ни словом ни взглядом не дали понять, что заметили наше отсутствие, но мне почему-то казалось, что все меня обсуждают и даже более того, осуждают. Понятное дело, что виноватым в этом я считала ГримГайла, поэтому именно ему на протяжении всего оставшегося пути достался весь набор моих гневных взглядов. Герцог делал вид, что ничего не замечает, шутил со стражниками, на меня же и вовсе не обращал внимания, из-за чего я злилась еще больше, хотя удели он мне хоть толику внимания, подозреваю, разорвала бы его в клочья. В общем, объяснить мое поведение с помощью логики не представлялось возможным.

Граница, до которой мы добрались на рассвете, меня поразила — широкая траншея, по обе стороны которой установлены флаги. Казалось, никто ее не охранял, проходи, кто хочет, но стоило герцогу переступить незримую черту, как воздух замерцал и перед нами появился высокий худощавый мужчина с бледными заострившимися чертами лица и холодным взглядом удивительно синих глаз. Одет он был в длинную серую тунику, подпоясанную зеленым широким ремешком, а как только увидел герцога, на тусклом лице его появилось невообразимое удивление.

— Лорд ГримГайл? — от меня не укрылся тот факт, что поклоном герцога мужчина не удостоил. — Видеть вас здесь, на окраине королевства, да еще и с сопровождением, это...это шок для меня. Мы ожидали вас два дня назад в столице. Что-то случилось?

— Я тоже рад видеть вас, Валай, — с нажимом произнес герцог, напоминая ему о приличиях. Мужчина запоздало, но несколько не виновато, улыбнулся. — Ничего не случилось, я просто решил взять в поездку свою невесту.

ГримГайл помог мне спешиться.

— Представляю вам леди Лореллу Аманду УолтВисби, будущую герцогиню ГримГайл.

Я натянуто улыбалась, пока мужчина, как будто преодолевая брезгливость, взял мою руку, неумело пожал ее и сказал:

— Рад вас приветствовать в Королевстве эгидов, миледи. Я — Валай, одаренный милостью бога нашего Скармандра Великого.

— Это... — я вопросительно посмотрела на герцога и он меня понял.

— Бог плодородия.

Валай дернулся и сердито поправил:

— Не только. Скармандр повелевает ветрами, дождями, благодаря Дарам его щедрым я оказался сейчас здесь, переместившись из самой столицы.

Хотелось прервать его, сообщив, что наши соседи на протяжении нескольких сотен лет передают эту способность и множат ее, но, не зная, уместным ли будет спор с одним из жрецов, я молчала. Герцог же лениво махнул рукой.

— Валай, леди Лорелла с удовольствием приобщится к вашей культуре чуть позже. Можешь даже подробный список достоинств своего бога для нее составить, но сейчас мы слишком устали. Соизволь предоставить карету, чтобы мы могли с удобствами донести мою невесту в столицу, а уже во дворце и поговорим.

— Как вам будет угодно, — скрипнул зубами Валай, и, наградив меня злым взглядом (я-то в чем виновата?), исчез.

— Неприятный тип, — не удержалась я от комментария, когда мы вернулись к лошади и ГримГайл сел позади меня в седло.

— Этот еще достаточно сносный, — хмыкнул герцог. — Вздумай я сказать такое Сардонету — это Верховный Одаренный, нашему государству сразу же объявили бы войну.

— А если бы оскорбили короля?

— Король в этой стране — немая марионетка, за движения которой отвечают семь Одаренных. Вздумай кто воспротивиться их власти, государству было бы только лучше. Эти Одаренные, сборище озлобленных старикашек, ненавидящих женщин, любой прогресс и кичащихся собственным Даром.

— Старикашек, — ядовито протянула я. — Позвольте-ка, а насколько самый старый жрец младше вас?

— Не засчитано. Насколько я знаю, Сардонету больше сотни лет, поэтому право считать их старикашками у меня есть. И не язвили бы вы миледи, бежать вам некуда, все ж таки находитесь в моих объятиях.

Я раздосадовано прикусила язык.

Мы въехали в небольшой приграничный городок, грязный и производящий самое гнетущее впечатление. На окраине домишки казалось, разрушатся прямо на моих глазах, настолько они были ветхие и нескладные. Разломанными ставнями играл ветер, а в некоторых окнах и вовсе не было стекол. На обочину дороги, по которой мы ехали, выскочило несколько оборванных грязных мальчишек, провожавших нас голодными взглядами.

— Пожалуйста, — я вцепилась в руку ГримГайла. — Мы должны им помочь.

Ни слова не говоря, герцог развернулся и бросил в толпу несколько монет, растаявших, не коснувшись земли.

— Этого мало, — заметила я.

— Предложите способ получше.

По мере того, как мы удалялись от окраин, дома приобретали более симпатичный облик, и я даже увидела женщину, подметающую улицу. Заметив всадников, она тут же упала в пыль и лежала так, пока мы не проехали. Именно в этом районе нас встретил Валай, сопровождающий карету, запряженную парой лошадей.

Вероятно, жрец до последнего момента надеялся, что в карете поедет герцог, а я буду бежать следом, и желательно на привязи, потому что, следя за моей посадкой в повозку, на лице Валай было написано ужасно недовольное выражение.

Карета была отвратительной — в ней совершенно не было окон, а внутри были грубые деревянные сиденья, даже не покрытые тканью, но скорее всего, дело было не в неуважении, а в ужасающей бедности этого городка, где вряд ли было что-то более достойное.

Так и вышло. Когда мы, спустя четыре часа добрались до столицы, мне было предложено более комфортное средство передвижения. В отличие от первой кареты, в ней были окна, и она не походила на высокий трясущийся гроб. Теперь я могла рассмотреть столицу, которая называлась Асселтон. Мощные крупным камнем улицы, окрашенные побелкой дома, упитанные дети — ни намек на ту бедность, которая царила в приграничном городке. Но почему-то у меня складывалось впечатление, что видимость достатка и благополучия создана специально для приезжих. Поэтому Валай и был недоволен нашим присутствием на границе. Асселтон мне не понравился — слишком безжизненный, слишком усредненный — ни деревья перед домом, ни шторы в окне, ни пылинки под копытами лошадей.

Вся наша процессия продвигалась вверх по улицам, направляясь в центр города. Мужчины останавливались на обочине, провожая нас взглядами, женщины падали на колени при нашем приближении. Я неосторожно выглянула в окно и заметила, как один из прохожих показывает на меня пальцем и что-то возмущенно кричит. Испуганно спрятавшись за бархатную, пропахшую пылью занавеску, я старалась больше внимания жителей Асселтона не привлекать. Представляю, о чем думали эти озлобленные угнетатели — женщину, которую они заведомо презирают, везут в карете, в то время как мужчины вынуждены передвигаться пешком. Меня прямо затрясло от страха перед тем, что ожидает

меня во дворце, и я обхватила себя руками.

Карета вскоре остановилась, но в окно я выглядывать не спешила, ожидая пока позволят выйти. Слышны были чьи-то голоса, наверное, приветствовали герцога, и дверь кареты, наконец, отворилась. Я вышла, с трудом преодолевая нерешительность, и замерла подле герцога, незаметно осматриваясь.

Мы остановились на огромной площади, у ступеней двухэтажного белого, как и все дома столицы, здания. Вокруг полукругом, имея меж друг другом небольшие просветы, располагались семь высоких строений с колоннами и витражами над входом. Изображения на них мне рассмотреть не удалось, слишком далеко, но они были единственными яркими пятнами на бледных стенах этого города. Что-то подсказывало мне, что такие вольности в строении могли позволить себе только Одаренные, поэтому было понятно, что перед нами храмы. Но оставалось неясным предназначение здания, у которого мы остановились.

— Ваша Светлость, вы привезли с собой служанку? — раздался удивленный возглас.

— Это лишнее, мы предоставим вам любую.

Встречали нас двое — высокий крупный мужчина со светло-русой, будто бы выгоревшей бородой и в короне. Думаю, реплика принадлежала ему. Второй — маленький сухонький старичок с блеклыми глазками и пучками седых волос за ушами, выглядел настолько плохо, что сомнения в том, что он еще в состоянии разговаривать, присутствовали. Его место было уже в кровати, окруженной внуками и правнуками (дети вряд ли его пережили) и в ожидании неминуемого конца. Но несмотря ни на что, он стоял перед нами, мелко трясаясь всеми частями тела.

— Следите за тем, что говорите, — рявкнул герцог, отчего мужчина мгновенно посерел. — Это моя невеста — леди Лорелла Аманда УолтВисби. Дорогая, спешу представить тебе Его Величество короля Варвальфа, и, — голос ГримГайла стал на толику уважительнее. — Верховного Одаренного.

— Сардонет, — неожиданно твердым голосом произнес старик и поцеловал мою руку. Немного помедлив, король последовал его примеру.

Когда со знакомством было покончено, мы двинулись вверх по ступеням. Я чувствовала себя крайне неуютно в своем сером платье, хотя надо признать, король эгидов и их главный жрец тоже были одеты не броско — на монархе простой белый камзол и черные брюки, заправленные в блестящие сапоги без бляшек; на Сардонете и вовсе, застиранная туника с красным ремешком, а кривые старческие ноги тесно обтянуты гладкой тканью лосин.

Случайно обернувшись, заметила на себе неприязненный взгляд короля. Складывалось ощущение, будто он надеялся, что я или останусь охранять лошадей, или же погружу на себя тюки с вещами, а вместо этого мне пришло в голову сопровождать герцога.

Как оказалось, мы прибыли в административный корпус резиденции короля. На первом этаже располагались зал для переговоров и бесчисленное множество кабинетов канцелярских работников, на втором же нам были отведены покои. Насколько я поняла, послы абсолютно всех государств, коих принимают эгиды, селят именно в этом здании. Сначала я удивилась — почему не во дворце, или хотя бы в гостинице, но вскоре поняла — в планы жрецов не входило дать возможность королю сблизиться с любым из иностранных гостей, и к тому же, из здания, окруженного храмами, явно невозможно выйти незаметно.

Комнату мне отвели маленькую и неуютную. Похоже, в ней обычно ночевали слуги, но капризничать не стала. Не надеясь на чью-либо помощь, я начала развешивать вещи, когда в комнату вошла худенькая изможденная женщина. Она явно не знала, как себя вести со мной

— сделала неумелый книксен, споткнулась, расстроилась и упала на колени.

— Простите, миледи, — залепетала она. — Я очень неуклюжа.

— Что происходит? — я растерялась. — Немедленно встаньте с колен! Вы же ничего не сделали!

— Но как же, я чуть не упала, вам, наверное, неприятно... Я виновата, я так виновата...

Я приложила ладонь ко лбу, желая проверить, не жар ли у меня, ведь такую глупость слышала впервые.

— Так! — я потянула женщину за руку, чтобы она встала. — Давайте по порядку — вы кто?

— Я Лесли.

— Кем вы здесь служите?

— Служу? — женщина как-то испуганно вздрогнула. — Мне просто разрешили здесь находиться.

— Вы живете в этом месте? — догадалась я. — Хорошо, а чем занимаетесь?

— Чем прикажут.

— А что приказали делать сейчас? — я начинала терять терпение.

— Помогать вам.

— Отлично, разобрались, — я устало вздохнула. — Меня зовут Лорелла, и не вздрагивайте поминутно, я не собираюсь вас ни за что наказывать. Давайте разберем мои вещи.

Я ободряюще улыбнулась и женщина в робкой улыбке растянула губы в ответ. Вдвоем работа пошла быстрее, хотя и изначально мне было под силу справиться самой. Уже убирая сумки под кровать, я обратила внимание, как Лесли с благоговением проводит рукой по одному из моих платьев.

— Чудесная ткань, — прошептала женщина, заметив мой вопросительный взгляд. — Никогда не видела женской одежды из такой ткани, только мужскую.

Я недоуменно покачала головой.

— Как вы здесь живете? Это же должно быть невыносимо. Я не слишком много знаю о вашей стране, вернее ничего не знаю, но того, что уже увидела, хватает с лихвой.

— Мы привыкли, миледи, — уклончиво ответила Лесли, нервно теребя фартук.

— Присядь, — я села на кровать и похлопала рядом с собой. — Скажи, вы всегда были в рабстве?

— Не говорите так, — женщина грустно улыбнулась. — В нашей стране равноправие, а тех, кто считал иначе, уже нет.

— Хорошо, поясни, вы всегда жили иначе, чем мужчины?

— На моей памяти да, но бабушка говорила, что когда-то было и по-другому.

— Ты знаешь свою бабушку? Но ГримГайл сказал мне, что вы не видите своих детей.

— Мальчиков нет, их сразу же забирает отец. А девочки... Простите, миледи, — Лесли вдруг завозилась. — Что-то я совсем заболталась, вам нужно отдыхать.

Женщина принесла мне таз с горячей водой, и я в нем обмылась, попутно злясь на глупые порядки этого королевства, благодаря которым полноценная ванная мне положена не была. После, поминутно извиняясь, Лесли ушла, и выяснить что-то еще о эгидах мне не удалось.

Пришлось отправляться на поиски ГримГайла. Как я и думала, покои ему выделили недалеко от моих. Куда идти, подсказал караульный, замерший сердитым изваянием

посередине коридора.

Распахнув громадные двустворчатые двери, я ахнула, пораженная разительным отличием спальни герцога от моего закутка. Высокие потолки с лепниной не шли ни в какое сравнение с серой побелкой моих покоев, картины на стенах и белая с позолотой мебель, производили впечатление роскоши напополам с расточительством.

Слева хлопнула дверь и в спальню, с намотанным на бедра полотенцем вышел ГримГайл. На груди его остались капельки воды, и невольно я проследила взглядом за их движением вниз. Герцог вытирал полотенцем мокрые волосы, и заметил меня не сразу. Пришлось покашлять.

— Надеюсь, это то, о чем я думаю? — улыбнулся ГримГайл, нисколько не стесняясь своей наготы. Я решила сделать вид, что меня тоже ничего не смущает, и равнодушно пожала плечами.

— Не знаю, о чем вы думали, но тешу себя надеждой, что о бедственном положении женщин эгидов.

— Жаль, наши мысли не совпадают, — посетовал герцог. — Итак, что вы хотели?

— Может быть, сначала оденетесь? — я кивнула на полотенце, вызывавшее во мне справедливые опасения своим нестабильным положением на мужских бедрах.

— Зачем? — будто издеваясь, герцог развел руки. — По-моему, все прикрыто. К тому же у вас должно быть очень серьезный разговор, раз уж вы явились в мою спальню. Не будем терять время.

Я закатила глаза, но спорить не стала. Пересказала герцогу всю информацию, услышанную от Лесли, и замерла, ожидая справедливой возмущенной реакции.

— Ну и чего вы хотите?

— Как чего? Мы не можем оставить все это просто так! Я прикинула сроки, и пришла к выводу, что укрепостил всех женщин как раз Сардонет, раз уж он так стар.

— Очнитесь, Лорелла, — ГримГайл пощелкал перед моим лицом пальцами. — Мы говорим о чужом государстве, какая разница, кто их укрепостил? Мы ничего, совершенно ничего не вправе предпринять! Напоминаю, с Королевством эгидов наша страна на грани войны, если вы начнете скандал с Сардонетом хоть по этой, хоть по какой другой причине, мирного договора нам не видать.

— Но мы же не можем просто на это смотреть, — разозлилась я.

ГримГайл тяжело вздохнул.

— Что вы предлагаете?

— Для начала, разузнать, с чего это началось? Раз уж когда-то было иначе.

— Стоп. Давайте на этом и закончим. Я даже могу посетить королевскую библиотеку и поискать информацию на интересующую вас тему. И все, абсолютно все, Лорелла, понимаете? Я удовлетворю ваше любопытство и это максимум, на что вы можете надеяться.

— Это было бы просто здорово, — обрадовалась я. — Наведайтесь туда обязательно.

— Подождите-ка, — осадил меня ГримГайл. — Я сказал «могу», но не значит, что пожертвую свободным временем, ради того, чтобы ковыряться в старых книгах.

— Ваша цена? — я скисла.

— Поцелуй, но, — повысил голос герцог, заметив, как я воодушевилась. — Целовать буду я, и вы не посмеете сопротивляться.

На секунду я задумалась — а так ли уж мне жалко эгидовских женщин, но тут же вспомнила горячие объятия герцога и поняла, что соглашусь, и дело даже не в

справедливости, а в желании вновь растаять в руках ГримГайла. Как бы я ни ерничала, как бы ни держалась за свою тщательно возвращаемую на протяжении восемнадцати лет ненависть, меня неудержимо влекло к этому мужчине.

— Не слишком долго, — просто ответила я.

Герцог подошел ко мне вплотную и положил мои руки себе на грудь.

— Это необходимо? — приподняла я брови, чувствуя, как в животе начинают свое порхание бабочки.

ГримГайл улыбнулся.

— Мне кажется, или вы не очень-то и против?

— Вам кажется, — заверила я, привстала на цыпочки, поднимая свое лицо к герцогу, и закрыла глаза. Секунду, две ничего не происходило, а затем я услышала, как ГримГайл тихо смеется.

— Что? — я разозлилась, и в следующий миг ощутила на своих губах прикосновение губ герцога. Я открылась навстречу ему, и острый язык Бриара скользнул мне в рот, объединяя нас, лишая возможности твердо стоять на ногах. ГримГайл подхватил меня, держа за талию одной рукой, а другой, лаская мою шею, плечи, растворяя в своих прикосновениях мои сопротивление и неприязнь. Не помня себя, я обняла мужчину за шею, прижимаясь к нему и не оставляя сомнений в том, что недовольство мое было напускным.

Когда ГримГайл оторвался от моих губ, я с трудом сдержала стон разочарования.

— Мне нужно идти, — прошептал герцог, не выпуская меня из своих объятий. — Хоть мы и опоздали, переговоры никто не отменял.

— Конечно, идите, — кивнула я. Герцог неожиданно обнял меня крепче и уткнулся в мои волосы. Я как-то неловко себя почувствовала, всем телом прикасаясь к его обнаженной коже. Осторожно вдохнула — ГримГайл пах не каким-то определенным запахом, который можно бы было облечь в слова или ассоциации, это был его, абсолютно неповторимый запах.

— Почему ты говоришь «идите», Лора? — голос ГримГайла казался глухим из-за того, что говорил он в мою макушку. Я же обомлела и от такого фамильярного обращения, которое прежде позволяли себе только родные, и от абсурдности его претензии. — Мне так хочется, чтобы ты обняла меня, попросила остаться с тобой...

— Прилегла в кровать, — ядовито продолжила я.

— И это тоже, — ГримГайл грустно вздохнул.

Я тут же отстранилась и, скрестив руки на груди, заметила:

— Боюсь, вы ошиблись адресатом, Ваша Светлость. Для этих целей у вас была леди Бри.

— Ты до сих пор злишься из-за нее? — не поверил герцог. — Полно тебе, Лорелла, ее уже нет, я и забыл, как она выглядит.

— Зато я не забыла!

— О, Духи, — закатил глаза ГримГайл, и, наконец, разжал руки. — Даруйте мне терпения.

Я отошла к входу, и, взявшись за ручку напомнима:

— Не забудьте о вашем обещании, — и уже закрывая за собой дверь, добавила: — А то забудете, как забыли отослать Виолу.

С чувством выполненного долга от осознания того, что испортила настроение ближнему своему, я отправилась в спальню.

Вопреки моим ожиданиям, которые я, конечно, похоронила еще в приграничном

городке, развлечений для невесты герцога никто не предусмотрел. Поэтому, немного поскучав в одиночестве, я задремала. Не знаю, сколько прошло времени, но разбудил меня стук в дверь, а когда открыла, я обнаружила на пороге караульного.

— Вас желают видеть, — объявил он, растерянно рассматривая растрепанную и заспанную меня.

— Кто?

— Его Высочество принц Куртис, — стражник явно старался говорить со мной уважительно, но на лице его то и дело проскальзывало пренебрежение. — Идемте, я вас провожу.

— Подождите минутку, — попросила я, и не дожидаясь ответа, который по моим ощущениям должен был быть отрицательным, закрыла перед носом стражника дверь.

Ждать ему пришлось немного больше. И то, что он чуть ли не каждые десять минут пытался выломать двери, и громко пенял на герцога, который привез меня сюда, чести ему не делало. О чем я и сообщила караульному, выйдя из спальни через час, и мстительно пообещала все услышанное в точности передать ГримГайлу. Стражник тут же побледнел, и от бывшего пренебрежения не осталось и следа. Суетливо пригибаясь, он отвел меня в парк, расположенный с задней стороны фасада.

Уже смеркалось, и женщины спешили по узким дорожкам меж деревьев и кустов, зажигая фонарики. То под кустом, то прямо у дорожки я замечала деревянные фигурки различных животных, выполненных с удивительной тщательностью. Остановиться и рассмотреть их повнимательней возможности не было — стражник сильно спешил, вероятно, опасаясь получить выволочку за опоздание, поэтому чтобы не потеряться, приходилось чуть ли не бежать.

Наследник ждал меня в фигурной деревянной беседке, бортики которой украшали цветы и узоры, в исполнении которых чувствовалась та же рука, что исполняла и парковых животных. Принц был невысок, всего на ладонь выше меня, худощав, но бесконечно мил. У него было простое, даже детское лицо, с широко открытыми глазами, курносый носом и светлой щетиной, которую он явно отращивал, чтобы казаться старше.

— Рад вас приветствовать, миледи, — мужчина коротко поклонился и кивнул стражнику, позволяя тому уйти. — Глядя на вас, понимаю, что томительное ожидание было не напрасным, а явилось необходимостью, чтобы я не скончался от созерцания столь прекрасного создания богов. Меня зовут Куртис, и я наследник всего того великолепия, что вас сейчас окружает.

Он улыбнулся, давая понять, что пошутил, вот только я его слова всерьез и не воспринимала. Ни город, ни наше жилье ни великолепным, ни роскошным я не находила, из всего того, что видела, впечатлил меня только парк. К тому же, комплимент, отпущенный принцем, тоже был достаточно сомнителен.

— Очень приятно с вами познакомиться. Я — леди Лорелла Аманда УолтВисби, невеста Его Светлости герцога ГримГайла.

— О, мне это известно. Герцог сейчас занят и я решил, что не стоит вам скучать взаперти. Вы не против прогулки?

— Признаться, я ошеломлена, — сказала я, после традиционного разговора о погоде в наших краях. — На меня даже прохожие посматривают, по меньшей мере, странно, а сам наследный принц уделяет мне время.

— Наши граждане подвержены предрассудкам, — пожал плечами Куртис.

— Каким же это?

— Что боги создали женщину для удовлетворения мужских потребностей, и только. Именно поэтому, считают они, на нее возложили неприятную функцию воспроизводства потомства и именно поэтому женщины слабы и беззащитны.

— А вы так не считаете? — я внимательно всмотрелась в лицо принца. Свет неярких фонарей в темноте добавлял ему лет и устраивал причудливую игру теней.

— Что вы, конечно же нет! Мне больше по вкусу позиция вашего государства, где женщины находятся на одной ступени с нами, мужчинами.

— Ну допустим не на одной, в нашей стране тоже достаточно предрассудков, но да ладно... Почему же вы ничего не делаете? В вашей власти все исправить, вы же наследный принц.

— Это сложно объяснить, — Куртис недовольно покачал головой. Непонятно только, он был недоволен моим вопросом или своей беспомощностью. — Давайте лучше поговорим о вас, моя дорогая. Герцог владеет поистине чудесными способностями, каким же Даром боги одарили вас?

Я поморщилась, но ответила. Принц тут же пожелал отвести меня в королевский заповедник, так сказать, для демонстрации моих способностей, и мне еле удалось его отговорить. За последующий час, проведенный в компании наследного принца, мне удалось выяснить следующее:

Первое. Герцог был прав — Дар в этой стране есть только у семи Одаренных. Считается, что дело в их исключительной святости и особой связи с богами.

Второе. Герцог был прав — король в этой стране права голоса, по сути, не имеет.

И третье. Меня очень злит, что ГримГайл так часто оказывается прав.

Даже находясь в чужом королевстве, стучать в дверь ГримГайл не собирался. Хорошо хоть, что когда он вошел, я уже лежала в постели и могла прикрыться одеялом. Выглядел герцог уставшим, поэтому от язвительных замечаний пришлось удержаться.

— Что-то случилось?

— Нет, как раз не случилось ничего, — не спрашивая разрешения, герцог сел на мою кровать. Стараясь не мешать ему, я подогнула ноги. — Я, конечно, понимал, что за полдня ничего не решится, но меня безумно раздражает упрямство Сардонета. Не понимаю, какая ему выгода в этом затяжном конфликте. Качнулся бы он уже в любую из сторон.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Вы вели переговоры со жрецом? А как же король?

— Номинально я разговаривал с Варвальфом, но какой же это правитель, если он поминутно оглядывается на безумного старикашку, сидящего в углу.

— Может быть, вам стоит прямо задать вопрос об их выгоде?

— И прямо, и опосредованно, как только мы не разговаривали. Нам необходим мирный договор, вот только ни подписывать наши условия, ни хотя бы предложить свои, эти напыщенные индюки не хотят.

— Мне жаль, — прошептала я. Мне было действительно жаль. Не хотелось видеть герцога таким расстроенным, мне очень нравилась его улыбка. Хотя при мысли об этом, я рассердилась.

— Не стоит об этом, — герцог впервые кинул внимательный взгляд вокруг. — Тебя поселили в отвратительнейших условиях. Почему ничего не сказала? Это возмутительно!

— Не стоит с ними спорить еще и из-за моей спальни, — попросила я. — Меня все

устраивает, ну кроме отсутствия ванной конечно.

— Пока можешь воспользоваться моей, — абсолютно серьезно предложил ГримГайл, не замечая, как округляются мои глаза. — Но я этого так не оставлю. Они ошибаются, если думают, что моя невеста может здесь жить.

— Дело во мне, или в том, что я ваша невеста?

— Естественно, в тебе, — герцог обнял мои колени и хитро смотрел снизу вверх. Я смутилась, и еле сдержала улыбку.

— Ну, а раз во мне, значит не стоит устраивать скандал. Я вполне довольна.

— Оставим этот разговор, но ненадолго. Чем ты занималась сегодня?

— Ничего примечательного, просто прогуливалась с наследником.

— Что?! — ГримГайл резко вскочил. В глазах его мгновенно заструилось пламя.

— Вы не расслышали? — заботливо осведомилась я. — Наследный принц пригласил меня на прогулку.

— Мне это не нравится, — прорычал ГримГайл. — Можно было дождаться меня и пойти в сад вдвоем.

— Да вы никак ревнуете, Ваша Светлость, — ахнула я, испытывая невообразимое удовольствие. — Не понимаю, почему я должна была отказаться от общения с Куртисом.

— Куртисом?! Значит, он уже Куртис?

— Почему «уже»? Он с самого начала назвал свое имя.

ГримГайл наклонился к моему лицу.

— Ты мстишь мне за Виолу? Ты же говорила о ней сегодня.

— Не сходите с ума, никому я не мщу, — возмутилась я. — И огонь из глаз уберите, не хватало еще здание спалить, тогда вам точно мирного договора не видать.

Герцог взял меня за руку и поднес ладонь к губам.

— Не нужно общаться с Куртисом. Он может показаться очень милым, но я чувствую в нем противную гнильцу. Обещай мне.

Осторожно высвободив свою руку, я спокойно сказала:

— Я ничего не буду вам обещать, Ваша Светлость. В моем общении с наследным принцем под присмотром стражи и прислуги нет ничего предосудительного, поэтому ведите себя спокойнее. И вообще, мне пора спать, выйдите пожалуйста.

— Лорелла!

— Выйдите из моей комнаты, — повысила я голос.

ГримГайл хотел что-то сказать, но с трудом сдерживал ярость, и как видно, не решился продолжать конфликт, чтобы не сменить облик. Когда он выходил, с грохотом хлопнув дверь, я заметила, что в проем он с трудом проходит, хотя до этого проблем не было.

Полночи я не могла уснуть. Ворочалась, тяжело вздыхала и сомневалась. ГримГайл был прав — мое заступничество за Куртиса было своеобразной мстостью за присутствие в замке леди Бри. Возможно, глупо было доводить герцога и радоваться его раздражению, но ему полезно было почувствовать себя на моем месте. Но хоть я и выгнала ГримГайла, его слова по поводу персоны наследного принца наши в моей душе отражение, и терять единственного союзника в этой отсталой стране совершенно не хотелось.

Поэтому утром я, как ни в чем не бывало, постучалась в двери герцогской спальни.

— Доброе утро, — широко улыбаясь, поприветствовала хмурого, явно невыспавшегося, но уже одетого и гладко выбритого ГримГайла.

— Очень неожиданно, — удивленно приподнял брови герцог. — Войдешь?

— Ненадолго, — я скромно потупила глазки.

ГримГайл отошел от двери, пропуская меня в спальню.

— Ты, наверное, в ванную?

Я вспомнила утренний таз с еле теплой водой и поморщилась.

— Пока что нет, меня сегодня уже... иску пал и. Вы уходите?

— Назначена встреча с одним из жрецов, а что? — ГримГайл подозрительно прищурился.

— Жаль, — я действительно расстроено вздохнула. — Просто подумала... Может быть, мне показалось, но...

— Смелее, — подбодрил меня герцог, весь насторожившийся и вероятно, думавший, что я намерена требовать что-то невообразимое.

— Когда вы освободитесь... Прогуляемся с вами в саду?

ГримГайл пораженно замер, а после широко улыбнулся. Я напряженно ждала ответа, чувствуя, как краска заливают лицо.

— Ну конечно! — герцог, явно волнуясь, провел себя рукой по волосам. Облегченно вздохнув, я выжала из себя улыбку. — Я освобожу вечер, и мы с тобой обязательно погуляем.

— Если это неудобно, то... — начала я.

— Нет, молчи, — ГримГайл приложил палец к моим губам. — Все очень даже удобно и об отмене того, о чем я и думать уже не смел после твоей вчерашней выходки, не заикайся.

— Моей выходки?

— Я зайду около пяти часов, — ГримГайл резким движением обнял меня и поцеловал в висок.

— Мое предложение — это призыв к перемирию и только, — уточнила я, вопреки своим словам, положив руки герцогу на грудь.

— Разумеется, — ГримГайл улыбнулся и поцеловал меня в нос. — Мне действительно безумно некогда, прости.

Проводив меня до спальни, ГримГайл удалился. Я же, представив, что впереди предстоит долгий день в унылой комнате, да еще и в полном одиночестве, чуть не пожалела о том, что так нагло напросилась в путешествие. Но вспомнив о несчастных женщинах этого королевства, решила, что терять время глупо. Поэтому, когда Лесли принесла мне завтрак, разузнала, где находится библиотека.

Как оказалось, сама Лесли читать не умеет, но с глубочайшим почтением относится к

книгам.

— Ты бы хотела научиться читать? — осторожно спросила я. Как знать, может быть их устраивает невежество и полнейшее подчинение мужчинам.

— О, миледи, конечно, — женщина взволнованно зарделась. — Только некому меня учить.

— Пока я здесь, попробуем, — заверила я. — Когда ты будешь свободна?

— Вы, наверное, уже будете спать, я работаю допоздна, — прошептала Лесли, с надеждой глядя на меня.

— Значит, я лягу спать позже. Только никому не говори. Не очень разбираюсь в ваших порядках, но что-то подсказывает мне, что по головке нас за это не погладят.

— Конечно, миледи, — женщина низко поклонилась. — Об этом не стоит и напоминать.

Библиотека была расположена в отдельно стоящем здании в глубине парка. Пока шла по дорожкам, буквально чувствовала спиной прожигающий взгляд стражника, охраняющего вход в сад, и, не зная, позволено ли мне посетить книжное хранилище, пошла на небольшую уловку.

Я немного погуляла, рассматривая диковинные растения, и краем глаза следила за охранником. Спустя какое-то время он перестал столь пристально меня рассматривать, а когда в поле его зрения попала молоденькая служанка с какими-то саженцами, мигом переключился на нее.

Не теряя зря времени я, стараясь производить как можно меньше шума, ринулась через кусты на соседнюю дорожку, чувствуя, как ветви какого-то очень колючего растения оставляют на моих оголенных руках длинные царапины. Почти на четвереньках, чтобы защитить лицо, вылезла на соседнюю дорожку, выпрямилась, отряхнулась, и только тогда увидела ошарашено вззирающую на меня служанку с лопатой в руках.

— Добрый день, — учтиво поздоровалась я, и как ни в чем не бывало, быстрым шагом направилась в библиотеку. Запоздало пришла мысль о том, что в здании могут находиться люди, способные выставить меня за дверь, но то ли мне повезло, то ли эгиды так уверены в том, что без разрешения никто в Королевскую библиотеку не проникнет. Пока я бродила между огромными пыльными стеллажами с книгами, никого не встретила.

Но самостоятельно разобраться и отыскать что-то в хаотичном нагромождении документов и книг мне не удалось. И более того, просидев полдня в тусклом помещении, за малостью не разочаровалась во всех Хранилищах в целом, настолько в этой библиотеке была гнетущая атмосфера. В какой-то мере я даже пожалела, что библиотекарь отсутствует. Возможно, мне удалось бы уговорить его помочь, но в любом случае, такое количество времени напрасно, я бы не потеряла.

Возвращаясь в спальню, на парковых дорожках я обнаружила необычайное оживление. Вместо одного стражника у дверей, по кустам шныряло уже трое. Заметив меня, они пораженно остановились.

— Где вы были, миледи? — грозно спросил один из солдат, нервно оттягивая ворот мундира.

Я как могла наивно похлопала ресницами:

— Задремала под деревом, а что случилось? Меня кто-то искал?

— Задремали? — не поверил стражник. И правильно, я бы тоже не поверила.

— Ну да, всю ночь проворочалась, не могла уснуть, вот на солнышке и разморило.

Стражник выразительно взглянул на небо, покрытое тучами. Я же молчала, нагло смотря мужчине в глаза и не собираясь оправдываться. В конце концов, подданной их государства я не являюсь, и вряд ли за посещение библиотеки, к тому же недоказанное, меня накажут.

— Хорошо, — вздохнул стражник, оглянувшись на своих коллег. Скорее всего, ему в голову пришли те же мысли, что и мне. — Но вы не должны разгуливать по территории в одиночку.

— Без наблюдения, вы хотели сказать? — подсказала я. — Но согласитесь, в том, что вы потеряли меня из вида только ваша вина.

Стражник заскрежетал зубами. Я едва поборола искушение одобряюще похлопать его по плечу, и, обойдя нервного солдата по дуге, продолжила путь.

Оставшееся до пяти часов время я посвятила подготовке к свиданию с герцогом. Признаться, хоть я и была способна почти во всем обходиться без горничной, было очень тяжело соорудить на голове что-то приличное, смотрясь при этом в маленькое ручное зеркальце, привезенное с собой. В моей комнате увидеть себя в другом ракурсе возможно только в тазу с водой, но Лесли забрала его еще утром.

В пять часов герцог не явился, но волноваться я не стала, отлично понимая, что переговоры могли затянуться. Так что когда в половине шестого в мою комнату постучали, дверь распахнула с милой улыбкой на устах.

И она тут же увяла, потому что на пороге я обнаружила недавнего стражника с букетом цветов в руках. Выглядели они неопрятно, и казалось, что их только что неумело нарвали с грядки.

— Не говорите, что это мне, — простионала я. — Ответить на ваши чувства взаимностью я не готова.

Стражник недовольно на меня взглянул.

— Это вам, — заметно было, что общение со мной мужчину жутко раздражает. — От наследного принца.

— Эм, от принца? — руку за цветами я протягивать не спешила. — А по какому случаю? Зачем он их прислал?

— Об этом вам лучше спросить у него, — злобно сверкая глазами, заявил стражник. — Мне приказали просто передать цветы.

Я засомневалась. Вариант не принимать букет мне очень нравился, но пугал возможными последствиями, ведь степень самовлюбленности Куртиса пока не известна. Конечно, можно было и взять цветы из рук стражника, но вчерашний всплеск ревности герцога слишком хорошо мне запомнился, а ссоры с ним искать не хотелось. Поэтому, рассудив, что принцу нужно было думать, прежде чем посылать цветы девушке, у которой уже есть жених, я заявила:

— Верните цветы принцу. За нашим разговором ничего, кроме вежливости не стояло, и впредь ему следует оказывать знаки внимания свободным женщинам. Иначе, мне придется рассказать об этом герцогу.

Прежде чем закрыть дверь, я уловила на себе полный ненависти взгляд стражника. То есть он и до этого был далек от восхищенного, но теперь у мужчины, по-моему, появилось желание меня задушить. Не отойдя сразу от двери, я узнала о себе несколько любопытных фактов и парочку новых ругательств. Все-таки об опоздании ГримГайла я немножко пожалела, такие речи в адрес собственной невесте ему бы вряд ли понравились.

Но герцог постучал в мою дверь уже много позже того, как стражник выплеснул свою злость и ушел. Не знаю куда, но надеюсь, что к наследному принцу. Неприятно было бы обнаружить, что Куртис находится в заблуждении насчет того, приняла ли я его букет.

Вновь открывая дверь, я улыбалась, но по сравнению с предыдущим разом гораздо сдержаннее. ГримГайл принарядился — надел черный с красным мундир, в тон им брюки и высокие сапоги, и выглядел так сокрушительно превосходно, что даже зубы сводило.

— Я немного опоздал, — извиняющимся тоном сказал он, подавая мне руку. — Но у меня есть оправдание — заглянул в библиотеку.

— Когда это? — заволновался я, размышляя, то ли герцог врет, то ли я настолько невнимательна, что находясь в библиотеке, пропустила примечательное появление ГримГайла.

— Часа два назад. Хотел совсем немного просмотреть документы, но так и не решился бросить дело незавершенным.

— И что вы узнали?

— Секундочку, — улыбнулся герцог. Мы в молчании прошли мимо стражников в парк, и только убедившись, что нас никто не слышит, ГримГайл продолжил.

— Нашел закон, изданный пятьдесят девять лет назад, согласно которому женщинам запрещено было посещать учебные заведения, как-то находиться на домашнем обучении, принимать участие в воспитании детей мужского пола, иметь собственность, и отстаивать свои права в суде. Следствие этого закона мы наблюдаем сейчас — мало того, что женщины не имеют никаких прав, в Королевстве эгидов полностью отсутствует институт брака.

— А обоснование? Не могли же сотни тысяч людей смириться со столь глупыми ограничениями?

— О, обоснований даже в законе превеликое множество. В первую очередь, это естественно, божественная воля, но также законодатель ссылается на какое-то исследование Ковена Одаренных, в ходе которого было выяснено, что в процессе воспитания матери прививают своим чадам ненужные мягкость, жалость и женственность. А это только мешает будущему защитнику Отчизны.

— Что за бред? — не вытерпела я. — Значит, мужчина должен быть беспринципным, жестоким негодяем?

— Эй, эй, потише, — герцог обнял меня за плечи. — Это не мои мысли и утверждения. Я считаю это полнейшей глупостью, но Ковен Одаренных решил именно так.

— Вы правы, извините. Я слушаю дальше, — пробурчала я.

— Насчет смирения... Я отыскал упоминания о бунтах, устроенных в разных уголках королевства несогласными с этим законом. Причем среди них были не только женщины. На защиту жен, матерей, дочерей встали и мужчины. Но восстания ничем не закончились. Единственным достижением, и то сомнительным, стало убийство одного из Одаренных. По этому поводу в газете того времени есть красочный громадный некролог, восхваляющий безвременно усопшего, и называющий его героем.

— Еще бы не герой, в толпу женщин ворвался с пикой наголо, а ему и голову с плеч. Я бы еще и четвертовала.

— Думаю, вооружен он был только Даром, но не суть, — ГримГайл ненадолго замолчал, ожидая, пока мимо пройдет служанка, и продолжил, понизив голос. — Кстати, мною был найден закон, изданный годом позднее, и предписывающий всем обладающим Даром, явиться в столицу, в Ковен Одаренных.

— Зачем это?

— Для того, чтобы проверить, награжден ли человек милостью богов, или это происки языческих духов.

— Значит, когда-то в Королевстве эгидов Даром обладали не только жрецы?

— Выходит, что так, но больше никаких упоминаний об этом я не нашел.

— Вот это да, — я задумалась. — Может быть, этих людей убивали под предлогом того, что они порченые?

— Вряд ли. Дар передается по наследству, им бы пришлось вырезать целые семьи, это бы заметили.

— Мы не знаем, возможно, и заметили, прошло почти шестьдесят лет. Стоит еще раз посетить библиотеку. А может даже отыскать очевидцев.

— Обязательно, — герцог недовольно закатил глаза. — Лорелла, я и так выяснил более того, о чем ты просила. Может быть, стоит успокоиться?

— Как тут можно быть спокойной? — я в волнении прикусила ноготь на большом пальце. Имелась у меня такая плохая привычка, я уж думала смогла от нее избавиться, ан нет.

— Лорелла, — ГримГайл взял мои руки в свои. — Нам больше не о чем поговорить?

— Например?

— Например? Ну что ж, давай выясним, почему ты не называешь меня по имени?

А действительно, почему? Я серьезно задумалась, и, пряча глаза от ГримГайла, старательно рассматривала изрядно почерневшие тучи — дождь точно будет. Ничего умного и желательно саркастичного в голову не пришло, поэтому, вздохнув, призналась:

— Чтобы вам досадить.

— Я так и думал, — ГримГайл поднес мою руку к своим губам, и я в отчаянии, чувствуя, как тяжелеет внизу живота, наблюдала, как он целует мои пальчики. — Скажи, а в чем все-таки причина — в ранней помолвке, или в том, что я сразу не отослал вон из замка Виолу?

— Мне совершенно плевать на леди Бри. — ошетибилась я, вырывая свою ладонь из-под губ герцога.

— Я так и понял, — хмыкнул ГримГайл. — В общем-то, это не важно. Полагаю, мои последние достижения достойны того, чтобы ты произнесла мое имя. Ну, давай, это совсем не сложно. Иначе я тебя укушу, — ГримГайл кровожадно клацнул зубами, и я невольно перестала хмуриться и рассмеялась.

— Бриар! Ты же взрослый, серьезный человек! Веди себя прилично.

— Куда уж приличнее, — притворно вздохнул герцог. — И так, держусь из последних сил.

Наше первое свидание прошло замечательно. Мы до темноты прогуливались по саду, разговаривая обо всем на свете. Вначале, ГримГайл выяснил все о моих родных, о том, что мне дорого, и уже возвращаясь в покои, мне удалось выпытать у герцога хотя бы одно обстоятельство из его детства. Отчаянно стесняясь, ГримГайл рассказал, что в детстве устраивал спектакли, в которых играл абсолютно все роли. Если родители отказывались их смотреть, или хуже того, недостаточно громко аплодировали, он закатывал жутчайшую истерику. Мать, у которой забот было не больше, чем у шестимесячного ребенка, от этого не очень-то и страдала, но у отца, постоянно трудящегося на благо королевства, такие концерты сына, безусловно, отнимали кучу времени. Ни за что бы не заподозрила в герцоге наличие

артистического таланта и особенно, такого бешеной жажды популярности.

ГримГайл проводил меня до двери, и пристально глядя в глаза, наклонился к моим губам.

— Бриар, — я уперлась ладонями в его грудь. — То, что в нашем общении кое-что изменилось, не дает тебе права...

Не слушая, ГримГайл обнял меня за талию и впился в губы поцелуем. Меня мигом захватил ураган эмоций, огненным вихрем поднимавшийся от живота к голове, вызывая мурашки по всему телу. Я подняла руки и зарылась пальцами в восхитительно густые волосы герцога, наслаждаясь его прикосновениями, выпивая удовольствие до дна.

Поцелуй продолжался недолго, что меня донельзя расстроило и пришлось постараться, чтобы это не показать.

Лесли уже ждала меня в комнате. Запомняв о своем обещании, я вначале решила, что она заботливо пришла меня покормить, обед-то я пропустила, рыская в библиотеке, а во время ужина гуляла с герцогом, но вовремя заметила необычайное воодушевление служанки.

— Вы говорили, мы будем читать, — настойчиво напомнила женщина.

— Да, да, — я резко сменила направление, повернув к шкафу, где были спрятаны привезенные из дома книги. Лесли присела на краешек кровати, аккуратно сложив руки на коленях.

На удивление, Лесли оказалась очень способной ученицей. К полуночи мы выучили достаточно много букв, к тому же, в отличие от детей, у женщины гораздо лучше выходило придумывать слова и ассоциации. Закрыв книгу, я немного помедлила, раздумывая, но все-таки спросила:

— Лесли, ты не в курсе, как давно жители вашего королевства лишились Дара?

Женщина сразу помрачнела и нервно завозилась. У меня сложилось ощущение, что она ожидает появление из-под кровати кого-то из Одаренных, такой ужас был написан на ее лице, поэтому я мягко взяла Лесли за руку и тихо повторила вопрос.

— Я не знаю, — женщина прикусила губу и зажмурилась. — В моем роду никто никогда не обладал Даром, задайте этот вопрос кому-нибудь другому.

— Кому я его задам? Стражнику, или Сардонету? Все служанки, кроме тебя, меня боятся. Помоги мне, Лесли, подскажи, к кому я могу обратиться?

— Я не знаю, миледи, отпустите меня, пожалуйста.

— Я тебя не держу, — я развела руки. — Ступай конечно, завтра возвращайся, продолжим урок.

Несколько раздосадованная отказом, я легла спать, старательно не обращая внимания на недовольное урчание желудка.

— Вы не приняли цветы, миледи, — изрек принц, натянуто улыбаясь. Встретила я его в парке, пытаюсь незаметно пробраться в библиотеку. Стражник вел себя теперь гораздо ответственнее, и я уже добрых два часа кружила по дорожкам. Поэтому нежелательная встреча с Куртисом была логичным продолжением дня, который не задался с самого утра.

— Вы правы, Ваше Высочество, не приняла, — со вздохом признала я, мысленно прощаясь с библиотекой, и теперь мечтая хотя бы безопасно добраться до спальни.

— Можно узнать причину? — зло сверкнул глазами принц. — Насколько мне известно, девушки вашего воспитания и социального положения, любят подобные проявления симпатии.

— Вы правильно акцентировали внимание на том, что женщины нашего государства не

рабыни, — уточнила я. — Безусловно, любая несчастная подданная вашего королевства была бы счастлива, порадуй вы ее подарком, но вы, Ваше Высочество, видно запомнили, что у меня есть жених, и своим, как вы сказали? Проявлением симпатии? Именно им вы нанесли герцогу оскорбление.

Куртис улыбался, но злость его выдавали сощуренные глаза и мелко подрагивающие пальцы.

— Вы хотите сказать, мне стоит извиниться перед вами? И перед ГримГайлом?

— Это лишнее, — осторожно ответила я. — Герцогу об этом происшествии ничего неизвестно, а передо мной вы ни в чем не виноваты.

— Отрадно слышать, — принц дернул кадыком. — Скажите, миледи, а вы позаботились о своей чести, о моем самочувствии, или о мире между государствами? Ведь вы лучше всех знаете о вспыльчивом характере жениха и о том, что он, безусловно, вызовет меня на дуэль, узнав о... происшествии.

— Мы переливаем из пустого в порожнее, — рассердилась я. — Прошу прощения, Ваше Высочество, но мне пора.

Долгую секунду мне казалось, что Куртис схватит меня за руку, так резко он вдруг дернулся, но то ли мне показалось, то ли принц осознал возмутительность подобного поступка. Но как бы то ни было, я смогла беспрепятственно удалиться.

Повторную вылазку я предприняла уже после обеда. С герцогом мы не разговаривали о возможности нового свидания, но вряд ли у него была возможность освободиться ранее пяти часов вечера. Поэтому я с чистой совестью, уверенная, что не встречу ГримГайла, двигалась по дорожке. Стражники сменились, и нового, по-видимому, о моей коварной натуре не предупредили. Следовательно, ничто и никто не мог помешать мне использовать маршрут, изученный ранее. Неприятно только, что выкатившись из кустов, я уткнулась носом в тонкие кожаные сандалии, с выглядывающими из них кривыми, пожелтевшими пальцами.

Чуть не застонав от стыда и отчаяния, я подняла глаза выше и обнаружила склонившегося надо мной Сардонета.

— Вам помочь? — вежливо прошамкал старик. Я тут же вскочила и, пунцовея, принялась отряхиваться, при этом избегая взгляда жреца.

— Нет, нет, я...засмотрелась, — пришлось мне пробормотать глупость, когда стало понятно, что молчание уже становится невежливым.

— Я так и понял, — кивнул Сардонет. — В земле столько разнообразных жучков, что не грех и понаблюдать за ними.

— Вот именно, — ухватилась я за эту мысль. — Вы, безусловно, правы. Жучки-паучки почти постоянно занимают мои мысли.

— В этом мы схожи, — склонил лысую, покрытую пятнами голову, жрец. — Я тоже люблю наблюдать за живыми существами. Вы не будете против небольшой прогулки?

Я кивнула. В голове промелькнула мысль о том, что за пару дней в этом парке мне приходится прогуливаться уже с третьим мужчиной. Узнай об этом моя матушка, вполне может стать, что меня отстегали бы хворостиной, а узнай ГритБерли... Кстати, где он теперь? Надо бы уточнить у герцога.

— Вы чем-то озабочены? — мягко поинтересовался жрец, мелко семеня по дорожке, при этом спрятав руки за спиной.

— Нет, нет, — я легко улыбнулась. — Немного задумалась.

— Поразительно. Какие же мысли могут бродить в столь юной прелестнице?

Я сбилась с шага. Вроде бы не оскорбил, но и комплиментом подобное изречение не назовешь, а после объяснений герцога о роли Сардонета, которую он играет в этом государстве, ответить тем же я не могла. Посему пришлось повести себя дипломатичнее.

— Полагаю, в вашем преклонном и глубокоуважаемом возрасте, все люди младше тридцати лет, кажутся несмышленишками.

— Вы абсолютно правы, — расхохотался жрец. — Как и все, младше шестидесяти кажутся мне гораздо симпатичнее, чем на самом деле.

— Ваши речи оскорбительны, — все-таки не стерпела я. — Понимаю, что вы ни в грош не ставите женщин, но все-таки какую-то толику уважения к будущей герцогине ГримГайл проявлять должны!

— И опять вы правы, — посерьезнел старик и остановился, меня разглядывая. — Обидно, что я должен считаться с человеком не из-за его дел, а из-за эфемерного статуса, который он, возможно, еще и не сумеет получить. Во что вы верите, будущая герцогиня?

— Полагаю, вас интересует вера, которую можно отнести непосредственно к вашей профессии?

— К моей жизни, миледи. Я Одаренный богом, и это предопределило мою судьбу. Это не просто профессия. Это призвание, миссия, долг, если хотите.

Я закатила глаза, но комментировать речь жреца не решилась.

— Я вижу, вы не воспринимаете мои слова всерьез, но думаю, вам стоит прислушаться к человеку, который старше вас почти на век. Только наши боги истинны, только они одаряют своей милостью достойных. Их сила восхитительна, и вы, как обладающая подобным нашему Даром, это чувствуете и понимаете. Поэтому я и спрашиваю вас — во что вы верите? Или в кого?

— Если вы строите вопрос так, то я отвечаю вам — в Духов. Духов изначальных и присоединившихся к ним Духов предков. Вы знаете это, уверена, вам были интересны верования королевства, которое столь долгое время присылает к вам послов, и с которым вы на грани военного конфликта.

— Ваша вера ошибочна, — не обращая внимания на мое замечание о надвигающейся войне, непреклонно заявил Сардонет. Я сердито фыркнула. — Вы верите в то, у чего нет лица, в то, что вы даже не можете представить. Наверное, рассмотреть наши храмы вам не удалось, но в каждом и даже на каждом из них, есть образ одного из наших богов. У каждого бога существует история восхождения на небеса. Они не явились из ниоткуда, а значит, они истинны! Мы знаем, кому молимся! Кому! А не чему!

— Чего вы хотите? — устало спросила я, отлично понимая, что без причины, к недостойной особи женского пола, Верховный Одаренный бы не снизошел.

— У вас, уверен, есть Дар. Мне не так важно в чем он заключается, но крайне интересно, как вы, неверующая его обрели.

— Он есть и у пятнадцати процентов населения нашего государства, — я напряглась, а в сердце птицей забились мысль о том, что возможно, такие же речи Сардонет вел и со своими согражданами, наделенными Даром.

— Это также не столь важно. Речь сейчас идет о вас. И именно вам я предлагаю уверовать, хоть и понимаю, что на это понадобится время. Но как знать, не исключено, что именно ваш Дар боги одобряют, и он станет истинным, благодатью, которая снизошла с небес, а не поднялась с обители Зла.

— Вы не шутите? — уточнила я. И, не дожидаясь ответа, потому что понимала —

старика не до шуток, спросила: — Так много путанных, но красивых речей, вы мне скажите просто и ясно, что будет, если мой Дар все же не станет истинным?

— Не стоит даже думать об этом, — мягко улыбнулся жрец. Мне кажется, эту улыбку он отработал на сотне таких же «недостаточно верующих», как я. — Необходимо уверовать.

— Наверное, я очень глупа, — притворно вздохнула я. — Но во мне вряд ли уживутся вера в новых богов и возвращенное родителями знание о Духах.

Сардонет вздохнул и сокрушенно поднял глаза к небу.

— Возможно, — я мило продолжала. — Если бы вы рассказали, что ожидает меня, если Дар не истинный, было бы легче решиться...

— Я слишком спешу, чтобы обсуждать совершенно неважные вещи. Буду ждать в храме, и если боги царят в вашей душе, миледи, вы появитесь.

И жрец мелкими шажками двинулся к входу в здание.

«Как интересно», зло подумала я, глядя ему вслед. «Значит, если я не появлюсь в храме, мой Дар заведомое Зло. Нужно уточнить у ГримГайла, проводили ли с ним подобные беседы или побоялись».

Сардонет шел столь медленно, что пришлось сесть на скамейку подождать. Не могла же я обгонять уважаемого в стране человека, напоминая о его старости и немощности.

— Я дико устал, — заявил ГримГайл, распахивая дверь в мою комнату. Безуспешно прождав его несколько часов, я уже переделалась, распустила волосы и теперь, сидя спиной к входу, расчесывалась.

— Как переговоры? — голос мой был сух и суров. Вроде бы герцог и не обещал свидания, да и не заставлял меня никто ждать, но я-то все-таки ждала! Когда это мечты подчинялись логике? И хоть я старательно изгоняла из себя обиду, на душе было какое-то неприятное ощущение.

— Продвинулись, — ГримГайл, наклонившись, меня обнял и прижался щекой к моим волосам. — Ты словно русалка, когда твои волосы распущены. Я соскучился.

Сердце мое ёкнуло, пропустило один удар, и настроение стремительно поползло вверх. Я замерла, напряженно выпрямив спину, и всем телом ощущая прикосновения герцога. Бриар спустился ниже и зубами легонько прикусил мочку моего левого уха. Было ужасно щекотно и вместе с тем, удивительно приятно. По телу побежали мурашки, заставляя меня поежиться. ГримГайл отстранился и с довольным видом сел на кровати.

— Прости, что сегодня не уделил тебе достаточно времени, — потягиваясь, герцог поморщился. — Не удалось вырваться и на минутку, но это принесло свои плоды — возможно, вскоре мы отправимся домой.

— Возможно? Существует какое-то условие? Препятствие?

— Не то чтобы условие, но мне навязчиво намекнули, что если мы вдвоем посетим храм Ротона, то подписание договора ускорится, — ГримГайл осторожно прилег на покрывало. — Не возражаешь?

То ли от страха, то ли от дурного предчувствия у меня засосало под ложечкой. С трудом сглотнув непонятно откуда взявшийся ком в горле, я осторожно сказала:

— Сардонет встретил меня в парке и тоже уговаривал посетить храм.

— Действуют по всем фронтам, — хмыкнул герцог. Я заметила, что моргать он стал намного медленнее.

— Это не просто так. Почему он так упорно заманивает нас к себе в логово? Зачем это Сардонету?

— Ты преувеличиваешь, — зевая, ответил ГримГайл. — Он жрец, и это его стезя — заманивать в свои сети простачков.

— Неужели ты не видишь, что это неспроста?! Пятьдесят лет назад он заманивал в храм своих соотечественников с Даром, и то же самое происходит теперь с нами.

— Я здесь не в первый раз, но в храм меня зовут впервые, — паузы между словами Бриара становились все больше и больше. — Полагаю, тебе не о чем волноваться — Сардонет просто хочет испросить у своих богов разрешения на мир. Кто знает, что в головах у этих чокнутых фанатиков.

Последнюю фразу герцог произнес, уже проваливаясь в сон. Мало того, что собственный жених меня не слушает, так он еще и нагло занял мою кровать. К слову, односпальную, а сам-то он маленькими размерами не отличается. И где мне теперь спать прикажете? Я бессильно пнула ножку стола — что бы ни говорил ГримГайл, у меня не проходило чувство, что в этой озабоченности Сардонета Даром, кроется что-то непорядочное.

В дверь осторожно постучали, и в комнату протиснулась Лесли. О, Духи, я опять забыла об уроке. Увидев ГримГайла, сладко посапывающего на моей кровати, женщина испуганно попятилась, и, казалось, готова была удариться в бегство.

— Не спеши, — не повышая голос, чтобы не разбудить Бриара, сказала я. — Он спит и нас не слышит.

— Но урок же все равно отменяется? — спиной упираясь в закрытую дверь, прошептала Лесли. Я с сомнением взглянула на спящего мужчину и решила — была не была.

— Думаю, герцог не обидится, если мы займем его комнату. Он-то мою занять не постеснялся.

Мы переместились в спальню ГримГайла. Не желая привлекать внимания, зажгли всего одну свечу, да и разговаривала как можно тише. Урок меня порадовал и сегодня — у Лесли получалось складывать слоги, и она ликовала из-за каждого незначительного успеха, как ребенок.

Поблагодарив меня, по-моему, более тысячи раз, Лесли собралась уходить и вдруг, уже стоя у дверей, замаялась.

— Что-то не так? — уточнила я, зевая, и страстно желая, чтобы этот день закончился.

— Миледи, я просто хотела спросить... Вы все еще желаете поговорить с кем-то, кто... имеет Дар?

— Конечно? — я села ровнее. — Ты можешь устроить встречу?

— Встречу? Нет, не могу, — задумчиво сказала Лесли, но не успела я расстроиться, добавила. — Но я могу отвести вас к ней. Возможно, она согласится с вами разговаривать.

— К ней? Это женщина? Но как я попаду к ней? За мной наблюдают даже в парке.

— Это женщина, уже очень...старая. Она хвастается, что Дар был в ее семье, но на самом деле я ни разу не видела, что бы она сотворила чудо. Хотя бы маленькое... А насчет слежки я что-нибудь придумаю, — тихо заверила Лесли. — Приду за вами завтра около полуночи, постарайтесь остаться одна.

Хоть я и понимала, что ничего лишнего женщина не подразумевает, но все же смущенный румянец залил мои щеки.

Затушив свечу, я легла на широкую удивительно мягкую кровать, и блаженно вытянувшись на ней, потянулась. Осталось всего несколько дней в этом поистине странном королевстве, и нам можно будет вернуться домой. И тут меня как будто молнией ударило. Домой? Неужели я стала считать герцогский замок домом? И что это значит? Что я не только смирилась с участью жены ГримГайла, но и желаю этого?

Размышления мои прервал шорох, доносящийся от двери. В голову пришла мысль, что это Бриар — проснулся у меня в спальне и решил вернуться в собственную кровать. Естественно, она-то на порядок удобнее.

Злобно захихикав, я решила ГримГайла испугать, и для этого накрылась покрывалом с головой. Секунду-две ничего не происходило, и я чуть было не подумала, что странные звуки существовали только в моей фантазии, но тут отчетливо скрипнула дверь, и послышался чей-то шепот.

— Его здесь нет.

— Ты уверен? — второй незваный гость разговаривал немного громче, надо полагать, расхрабрившись, узнав, что спальня пуста.

— Уверен. Большой уровень силы ощущается в соседней комнате, а здесь так, отголоски.

Я досадливо поморщилась. Не знаю, кто почтил меня своим присутствием, но такие вердикты о себе слышать было неприятно. Незваные гости вошли, аккуратно ступая по плитке. У одного из них сильно скрипела подошва.

— Так вот почему он прогоняет наши подарочки, — тихо и зло прошептал визитер. — Зачем они ему, если та девица, которую герцог привез, привечает его в своей кровати.

Оба гнусно рассмеялись. Вот как, о «подарочках» Бриар мне не рассказывал.

— Ты ее видел? — все слова сопровождалось странным шорохом.

— Нет еще. Что мы ищем?

— Нужна любая личная вещь герцога. Валай сказал, с ее помощью он сможет перенестись в место, где будет ГримГайл.

— Ты думаешь, у Валай хватит силы убить герцога.

— Не думаю, что это так сложно, — судя по звуку, мужчина высморкался в руку. — Можно же подгадать момент и поразить его тогда, когда он будет спать.

— Или лежать на этой девице, — оба опять захихикали. — Ты что-нибудь видишь в темноте?

— Ни бельмеса. Зажги свечу.

— Ага, нашел дурака. А если на эту свечу ГримГайл примчится? Ищи на ощупь.

Я лежала, не шевелясь, и боялась громко вздохнуть, дабы себя не выдать. С минуту мужчины молчали, и в тишине разносилось только их тихое посапывание и шорохи. Затем, один из них что-то уронил, судя по всему, себе на ногу, взвыл и ругнулся парой крепких выражений.

— Тихо, — прошипел второй. Никакого сострадания к потерпевшему сообщнику, что за люди.

— Давай скажем, что ничего не нашли, — взмолился пострадавший. — В конце концов, не можем же мы украсть рубашку — герцог сразу заметит ее отсутствие.

— Но как мы вернемся ни с чем?

— Пусть Сардонет попросит у ГримГайла его любимую ручку, и все! В знак глубокой признательности. Что за дурость шарить в полной темноте руками.

— «Пусть», — передразнил его собеседник. — Вот сам и скажи ему об этом.

— Вот и скажу, — заявил мужчина, правда, как-то совсем неуверенно.

— Вот и скажи!

Препираясь, сообщники покинули спальню. Изрядно вспотев, я наконец-то скинула с себя покрывало и судорожно вздохнула. Необходимо было бежать в соседнюю комнату, будить ГримГайла и предупредить его, но меня душил страх, что незваные гости еще не ушли, и выскочи я за дверь, столкнусь с ними нос к носу.

Я села в кровати, укутав ноги покрывалом, и задумалась. Значит, навестили меня, вернее, герцога, жрецы. Во всяком случае, один из них точно обладал Даром или же сверхъестественным нюхом, позволяющим почувствовать присутствие ГримГайла в соседней комнате, что в принципе одно и то же. Из разговора понятно, что в стоворе участвуют и Валай, и что хуже всего, Сардонет. Значит, все очень серьезно. Вряд ли Верховный Одаренный тайно влюблен в герцога, и заставил своих подчиненных украсть его сопливый платок, под предлогом убийства. Но зачем верхушке эгидовского общества смерть ГримГайла? Знает ли о задумке жрецов король?

В отчаянии я схватилась за голову. На все эти вопросы не находилось ответа, и мне стало жутко. Что за игру ведут эти люди? Без ГримГайла я разобраться не могла, но

соскользнув на холодный пол и подкравшись к двери, услышала, как по коридору взад-вперед кто-то прохаживается. Возможно, это был часовой, который в кои-то веки старался не уснуть, но мой воспаленный страхом мозг уже составил картину того, как в комнату врываются семеро жрецов во главе с Сардонетом, и колесуют меня за то, что случайно узнала об их планах. Поэтому, меня будто отбросило от двери, и я за секунду оказалась в кровати, опять накрывшись с головой одеялом. Лежала, прислушиваясь к шагам за стеной и тщетно стараясь успокоиться. Тяжело дышала, считала в голове минуты и сама не заметила, как уснула.

Разбудил меня ГримГайл, причем крайне приятно — нежным поцелуем в губы. Я недовольно заворчала и отвернулась, не желая просыпаться.

— Я очень удивился, открыв глаза в твоей кровати, — сообщил Бриар, потершись носом об мою щеку. — Но еще больше удивился, обнаружив, что лежу в ней один.

— Удивился? — один глаз я все-таки приоткрыла.

— Огорчился, и честно сказать, даже возмутился.

— Возмутился?! — я полностью проснулась.

— Естественно, — ГримГайл лег поверх покрывала прямо в одежде и обнял меня. — Оставила меня в одиночестве, а что, если бы на меня напали?

— Кто этот безумец? — хихикнула я.

— А ты видела, сколько здесь несчастных женщин? — притворяясь испуганным, воскликнул герцог. — Ладно бы убили, а то ведь, как пить дать, обесчестили бы меня.

— Несчастный, — улыбаясь, пробормотала я, подставляя лицо под легкие поцелуи, и вдруг замерла, вспомнив о вчерашнем инциденте. — Постой, Бриар, — с трудом высвободившись из рук ГримГайла, села на кровати. Обнаружив, что спала я одетой, герцог как-то поскучнел. — В твою комнату вчера забрались жрецы.

— Удивительно, зачем это?

Я как могла толково пересказала беседу злоумышленников, но вопреки моим ожиданиям, ГримГайл особо впечатленным не выглядел.

— Лора, ты уверена, что тебе это не приснилось? Если бы покушение было сейчас, это бы имело смысл, но мирный договор между нашими государствами скоро будет заключен, и, исходя из твоего рассказа, убить меня собираются гораздо позже, когда мы вернемся домой. Зачем им это?

— Затем, что никто их тогда не заподозрит!

— Но сам смысл убийства, я его не вижу.

— Правда, не видишь? Твои территории лежат на границе с Королевством эгидов, по сути, они единственное препятствие на пути к нашему государству. А выйди ты даже один против эгидовского войска, уверена, они понесут огромные потери. Но давай предположим, что тебя нет, что тогда? Не знаю, как другие вассалы короля, я сужу по своему отцу и его соседям, но до самой столицы вражеская армия может пройти, не особо отвлекаясь. Мирный договор — это всего лишь бумажка, но после подписания ее наш король расслабится. Это-то и необходимо Сардонету.

ГримГайл задумался, забросив руку за голову и покусывая губы. Я с тревогой за ним наблюдала. Разумеется, привыкшему к всеобщему страху герцогу было тяжело осознать, что ему грозит опасность, и тем подлее будет удар Сардонета.

— Нам, так или иначе, необходимо заключить мир, — вздохнув, сказал, наконец, Бриар. — Даже если ты права и эгиды в любом случае втянут нас в войну, с моей стороны

должно быть сделано все, чтобы этого не случилось.

— Но они хотят убить тебя, Бриар! — воскликнула я.

— Я дракон, Лора, — ГримГайл самодовольно мне подмигнул. — Меня не так уж легко убить.

— Думаю, Сардонет в силу своего возраста и злодейского опыта способ отыщет, — съязвила я.

— Не думай об этом, — Бриар погладил мою щеку. — Надеюсь, я смогу тебя немного развеселить — в твоей комнате теперь тоже будет ванная.

— Что? Но я же просила!

— А причем тут ты? Я проснулся в спальне, ванная в которой преступно отсутствует. Ты думаешь, я способен терпеть такое пренебрежительное отношение к себе?

— Значит, я совершенно ни при чем? — ГримГайл улыбался, и, удивляясь самой себе, я с удовольствием включилась в эту игру.

— Нет, ну какое-то отношение ты к этому имеешь, ведь это все-таки твоя комната, хотя, заметь, я предлагаю тебе более комфортные условия.

— Вы никуда не спешите, Ваша Светлость? — рассердилась я.

— Спешу, — ГримГайл посерьезнел. — Мне нужно отменить несколько встреч, чтобы мы могли выбраться в этот проклятый храм. Ты не против?

— Против, — честно ответила я. — Не хочу приближаться к этому человеку, да и к любому из его приспешников тоже.

— Потерпи немного, — ГримГайл заглянул в мои глаза. — Думай только о том, что скоро мы будем дома.

Я слабо улыбнулась, и никак не отреагировала на прощальный поцелуй герцога. Слишком тяжелые мысли меня одолевали.

В спальне уже ждала Лесли. Ванную мне и правда принесли, только вот служанку по-прежнему оставили одну, и бедная женщина вынуждена была самостоятельно заполнить огромную лохань. Не стоит и говорить, что к тому моменту, как ванна наполнилась, вода была уже холодной. Я с тоской потрогала холодную, да еще и мутную жидкость, и подумала, что таз с хотя бы теплой водой был предпочтительнее.

— Простите, миледи, — прошептала раскрасневшаяся Лесли. — Я старалась быстрее.

— Ничего, — я не сдержала горький вздох. — Будем надеяться, я не заболēju.

Желая отсрочить неприятный момент погружения в стылую воду, я наклонилась над ванной и всмотрелась в свое отражение. Растрепанная, глаза опухшие, на щеке не исчезла еще вмятина от подушки — и в таком виде я предстала перед герцогом. Неприятно, конечно, но все-таки ГримГайл не убежал с испуганными криками «Чудовище» и «Скройся», и это радует.

— Может быть, я принесу таз? — предложила Лесли, и уже когда я поворачивалась к ней, мой взгляд что-то зацепило. Не понимая в чем дело, я внимательнее исследовала свое лицо. Ничего такого, чего не было бы раньше, не обнаружила, но внимание вдруг привлекла тень за спиной. Черный силуэт будто склонился надо мной, рассматривая наши отражения в воде.

Ужас обуял все мое существо. Ноги задрожали, а кончики пальцев онемели. Осторожно, страшась даже своих движений, я обернулась, но ничего, кроме шкафа, который стоял достаточно далеко и не мог отражаться в ванной, не увидела. Мне стало немного легче, и я взглянула на потолок — серая побелка и, опять же, ничего подозрительного. Ноги все так же

дрожали, я опустила взгляд обратно на воду, но тени там уже не было.

— Что с вами, миледи? — заботливо спросила Лесли. В воде отражалась изрядно побледневшая я, с каким-то безумным выражением в глазах и побледневшими губами. — Таз нести или нет?

— Неси, — деревянным чужим голосом произнесла я. Неужели показалось? Но нет, я готова была поклясться, что видела за спиной темный из-за мутной воды силуэт. Возможно ли такое? Может быть, у меня галлюцинации из-за ночных волнений?

С трудом дождавшись Лесли, я помылась, и, стараясь обходить ванную подальше, попросила ее убрать. За тяжелой лоханью пришли мужчины, что меня бесконечно порадовало — все ж таки хоть какие-то зачатки совести у представителей сильного пола в этой стране есть.

Не желая мешать рабочим, я спустилась в парк, и в дверях, чуть не развернувшись, чтобы идти обратно — у небольшого, в одну ступень крыльца, меня поджидал принц.

«Надо бы завязывать с прогулками», с тоской подумала я, и, поняв, что замечена и метаться уже поздно, с улыбкой подошла к Куртису.

— Рад вас приветствовать, миледи, — с видимым удовольствием наследник приложился к моей ручке. Я ответила ему реверансом:

— Доброе утро, Ваше Высочество.

Последовал обычный набор любезностей, но, как правило, отвечала я односложно и сухо, безуспешно гадая, чего от меня хочет наследный принц.

— Я слышал, сегодня после обеда вы посетите храм Ротона? — наконец, приоткрыл завесу тайны Куртис. Я недоуменно пожала плечами.

— Странно. Даже я еще об этом не слышала.

— У меня очень большие уши, Лорелла. Скажите, вы желаете посетить это место?

— Мои желания не имеют значения, Ваше Высочество. Мы с герцогом прибыли в вашу страну не на экскурсии, у нас вполне обозримые политические мотивы, поэтому если ГримГайл скажет, что нам необходимо посетить храм, то я это сделаю.

Принц помолчал, пряча от меня взгляд, а после резко остановился и взял меня за руку.

— Руки у вас тоже чрезмерно длинные, — заворчала я, но Куртис держал крепко. Безуспешно подергав рукой, я решила, что со стороны такие действия выглядят довольно глупо, и прекратила сопротивляться.

— Какой у вас Дар, миледи? — не обращая внимания на мое возмущение, спросил принц. Не видя причины держать это в секрете, я сказала:

— Животные. Я их понимаю.

— Значит, вы можете повелевать абсолютно любым животным? — заволновался Куртис. Вроде бы таких слов я не произносила, но пришлось уклончиво ответить:

— Теоретически, это возможно.

— Насколько я знаю, — медленно, будто бы обращаясь к себе, пробормотал принц. — У него такого Дара нет, он безусловно заинтересуется...

— Кто? — не выдержала я, и тут же отругала себя за любопытство — принц встрепенулся и посмотрел на меня осмысленным взглядом.

— Не обращайтесь внимания, миледи, я немного задумался. Позвольте дать вам совет

— в храме не прикасайтесь к камню справедливости.

— Почему?

Куртис помолчал, шевеля губами, и словно сомневаясь, сказать ли мне или нет, но,

несмотря на раздумья, все же тряхнул головой, отбрасывая ненужные мысли, и хмуро произнес:

— Просто не стоит этого делать. Послушайте меня, я вам зла не желаю.

— Мне нужно предупредить ГримГайла? — уточнила я, решив на ответе не настаивать.

— О нет, — Куртис загадочно улыбнулся. — Ему точно волноваться не о чем. Спешу откланяться, миледи. Был рад с вами пообщаться.

Принц отпустил мою руку и быстрыми шагами ушел, оставив меня в полнейшем смятении. Не зная, как расценивать его совет — действительно ли он дан с заботой и лучшими намерениями, либо со злым умыслом, я подошла к питьевому фонтанчику, наклонилась над ним, желая ополоснуть лицо, и дико закричала. Из небольшой лужицы, которая собралась в жестяной потемневшей от сырости ракушке, на меня смотрели блеклые злые глаза.

На крик тут же прибежал стражник — мой старый знакомый. Я уже молчала, сидя на земле подле фонтанчика, и зажимая рукой рот. Меня била крупная дрожь и совершенно неприлично дыбом встали волосы на голове. Теперь на обман зрения я подобные видения списать не могла — слишком долго мы с этими ужасными глазами, живущими как будто своей жизнью, рассматривали друг друга. Мужчина встал надо мной, уперев руки в боки, и недовольно спросил:

— Ну? Негой кричали-то? Ни сказались?

— Ничего страшного, — покачала я головой. Зубы мои слишком явно отбивали чечетку, поэтому стражник мне не поверил. Заглянул в фонтанчик, явно ожидая увидеть там лягушку, ничего не нашел, и еще больше разъярился.

— Наши бабы так не кричат, вы паука побачили что ль? Села тут, рот раззявила и оре.

— «Бабы»? — я в изумлении и абсолютно не презентабельно, действительно раскрыла рот. Не знаю, может быть, мужчина применил какой-то психологический прием (если он знает такое сочетание слов), и возмущение мое было излишним, но он, безусловно, возымел свое действие — зубы стучать перестали. — «Рот раззявила»? Вы вконец обнаглели что ли?

— А чего?

— Молодой человек, вы вообще, в курсе, с кем разговариваете? — прошипела я. — Бабы! Нет, это немислимо! Бабы! Женщины, с которых вы пылинки сдуть должны, это раз, а два — я конечно понимаю, что недостаток ума вы компенсируете хамством, но спускать вам это не намерена. Я немедленно, прямо сейчас, расскажу обо всем герцогу.

— А наказать меня? — удивился стражник. Я неожиданно заметила, какие у него расширенные зрачки и пустое выражение в глазах.

— Что? — переспросила я, растерявшись от странного ощущения, которое производил этот бессмысленный взгляд.

— Ну, Даром-то есть воздействовать.

Я молча развернулась и быстро, стуча по плиткам каблучками, направилась в здание. Только сейчас я осознала, что при предыдущих наших встречах, стражник разговаривал правильно и хотя бы старался быть вежливым.

На площади собралось множество зевак. В основном толпа состояла из бедно одетых мужчин всех возрастов, под ногами у них шныряли дети, как ни странно, обоих полов, но иногда я видела и женщин. Как правило, они стояли, прижавшись к своему мужчине и опустив глаза. Надеюсь, это были редкие в этой стране люди, познавшие радость любви и хотя бы подобия взаимоуважения.

Мы с герцогом, в сопровождении короля и нескольких знатных вельмож, вышли из парадного входа административного здания и двинулись по узкой тропе, оставленной стражниками в толпе. Дорога вела к храму Ротона, что вызвало во мне легкое возмущение. А что, если я мечтала поклониться Визару, может быть, для меня большее значение имеет семейный очаг, а не абстрактная справедливость. Но нет, выбора нам не оставили.

— Зачем созвали столько людей? — хмуро, но тихо осведомился герцог у короля. Варвальф пожал плечами и, улыбаясь толпе, так же тихо ответил:

— Их никто не созывал. Одаренные просто объявили, что вы желаете узнать истинность своего Дара.

— Разговор шел только об экскурсии в храм, — разозлился ГримГайл, я же испуганно схватилась за его руку. Король попятился и, делая вид, что его это не касается, отошел к первому ряду собравшихся зевак.

— Я боюсь, — с трудом шевеля губами, прошептала я. — Давай вернемся.

— Они нам ничего не сделают, — уголком рта улыбнулся ГримГайл. — Я же с тобой.

Мне не верилось. Чем ближе мы подходили к монументальному величественному строению, крыша которого зиждилась на огромных, высотой впятеро больше меня, колоннах, ноги мои все больше дрожали. Изображения Ротона на храме и, правда, присутствовали. На витраже красовалось лицо мужчины с черной кустистой бородой, тонким носом, острыми скулами и пронзительным взглядом зеленых глаз. Удивительно, как художнику удалось собранием разноцветных стекол выразить грозную сущность бога справедливости. Я еще больше сжалась и от страха почти повисла на герцоге. ГримГайл остановился перед крыльцом и, обняв меня, осторожно поцеловал. К страху и дрожи добавилось еще и головокружение, но оно, без сомнения, было приятным.

Толпа загудела, причем слышны были, как и одобрительные выкрики, так и злобные, оскорбительные возгласы. Разобрать отдельные слова представлялось затруднительным, но, подозреваю, плевки в основном направлялись в мою сторону. Сопровождающие нас мужчины в ожидании остановились на крыльце. ГримГайл, с трудом от меня оторвавшись, взял мое лицо в свои руки и сказал:

— Ничего не бойся, я никому и никогда не дам тебя в обиду. Если что-то тебе не понравится, мы в любой момент уйдем. Не выпустят — сломаем этот храм на радость нашим Духам и улетим, поливая жрецов огнем. Пусть думают, что на них снизошла кара богов, — несмотря на чувство страха, я засмеялась. Бриар немного повеселел. — Главное, чтобы ты чувствовала себя спокойно. Итак, жрецы зажились на этом свете? Тебе что-то не нравится?

От таких слов, к тому же произнесенных герцогом, который когда-то казался мне напыщенным вредным индюком, мне захотелось плакать. Еле сдержав слезы, я отрицательно покачала головой.

Взявшись за руки, мы вошли в распахнутые двери храма. Король с вельможами тихо

прошли следом, стали у дальней стены, а двери с грохотом захлопнулись, отрезая нас от людей на площади.

В храме было мрачновато. Свет поступал только через витражное стекло, переносящее изображение Ротона на пол и через круглое отверстие в крыше. На стенах я заметила какие-то рисунки, но подойти и рассмотреть их не решилась. Никаких факелов, или же ламп не было, как не было и какой-либо мебели. Посреди круглого зала, выстроившись в линию, нас ждали все семеро Одаренных.

— Здравствовать будут верующие, — Сардонет вышел вперед, широко раскинув руки в приветственном жесте. Шестеро Одаренных тихо разошлись в разные стороны и окружили нас.

— Прекращайте цирк, — поморщился герцог. — Вы отлично знаете, что мы не веруем в ваших богов. Визит вежливости нанесен, надеюсь, теперь вы подпишите мирный договор, и мы покинем вашу страну, будучи взаимно удовлетворенными общением.

— Разумеется, — Сардонет ощерился в подобии улыбки. Глядя на его сморщенное лицо, я отчего-то вспомнила змею. — Но не раньше, чем вы притронетесь к камню справедливости.

— Каково его действие? — приподнял брови ГримГайл.

— О, не стоит волноваться. Этот ритуал совершенно не опасен для вашего здоровья.

— Я спросил, какового его действие, — Бриар не повышал голос, но в нем появились нотки угрозы. Сардонет поежился, помолчал, но все-таки ответил, недовольно дергая носом.

— Если ваш Дар истинный, то жертвенник перед камнем загорится. Чем больше Дар тем выше огонь.

— А если Дар ложный? — подала я голос.

— Ничего не произойдет, — как-то хищно произнес Верховный Одаренный.

— Вы хотите сказать, люди на площади собрались посмотреть на закрытые двери вашего храма? — усмехнулся герцог. — Ни в жизнь в это не поверю.

— Люди кормятся слухами, — Сардонет отступил на шаг назад. — Одно могу сказать точно — с государством, посылающим послом труса, мир мы заключать не будем.

— Вы берете меня на «слабо», — заметил ГримГайл. — Ну что ж, пусть это ребячество будет на вашей совести. Несите ваш камень и покончим с этим.

— Его не нужно нести, — жрец отошел в сторону, позволяя нам увидеть черный с белыми жилками камень, лежащий на высокой, достигающей мне до груди, треноге. В плите на полу была выдолблена яма, наполненная золой и, по-моему, костями каких-то мелких животных. К ней, от камня спускался узкий желобок, исписанный черными знаками.

Сардонет обошел треногу и остановился за жертвенником, спокойно глядя на ГримГайла. Он просто ждал, в его блеклых глазах не было написано ни торжества, ни злобы, он вел себя спокойно, будто бы просто исполнял свою работу, ритуал, знакомый ему после тысячи повторений. Меня трясло крупной дрожью, но помня слова принца о том, что герцогу ничего не угрожает, зажала рукой свой рот, чтобы не остановить его. ГримГайл широкими шагами преодолел разделяющее его с Сардонетом расстояние и правой рукой притронулся к камню.

Воздух взвыл. Камень затрясся, а белые жилки его покраснели, будто бы наливаясь огнем. По-видимому, так и было, потому что по каменному желобку стекли несколько дымящихся капелек и жертвенник вспыхнул. Нет, вспыхнул, не то слово. Жаркое пламя взметнулось вверх, достигая отверстия в крыше и даже вырываясь из него. Сардонет,

который стоял слишком близко, упал, и принялся торопливо отползать, спасаясь от горячего воздуха. Туника вздернулась, оголяя тощие, покрытые дряблой кожей ноги. Я тактично отвернулась, а Верховный Одаренный глухо ругнувшись, стал приводить себя в порядок.

— Разве можно сквернословить в храме, о Верховный, — весело спросил Бриар, отнимая руку от камня. Пламя, лишившись подпитки от герцога, уменьшилось, а спустя несколько секунд исчезло вовсе.

Сардонет оставил замечание герцога без внимания, и с трудом отдышавшись, провозгласил, что мы можем продолжать.

— Что значит «продолжать»? — нахмурился ГримГайл. — Насколько я понял из вашего более чем краткого рассказа об этом ритуале, мой Дар истинный, следовательно, я и леди Лорелла можем идти. Рассчитываю, что мир между нашими государствами будет заключен уже сегодня.

— Пойдите, Ваша Светлость, — Сардонет вкрадчиво приблизился. Куда делись его слабость и дрожание всех чресел. Сейчас он выглядел мужчиной в возрасте, а не глубоким стариком. Но, возможно, свою роль в этом играло освещение. — Пусть свой Дар проверит и ваша невеста. Леди Лорелла, прошу вас.

Я сделала шаг вперед, мысленно уверяя себя в безопасности этого действия. С ГримГайлом ведь ничего не случилось — стоит рядом со мной абсолютно безмятежный, хотя мне кажется, при потере Дара так благодушно он бы себя не вел. Уже протянув руку к камню, я ненароком бросила взгляд на Сардонета, застывшего немим изваянием передо мной, и от испуга даже дернулась. В глазах Верховного Одаренного застыла алчность, а все его тело, наклонившееся вперед, выражало нетерпение. Как и в случае с ГримГайлом он ждал, только теперь чего-то иного, и совершенно по-иному.

— Нет, — я отдернула руку и отступила, прячась за широкую спину Бриара. — Я не хочу. Ваша Светлость, давайте уйдем.

Глаза Сардонета загорелись синим светом. Обернувшись, я вскрикнула, обнаружив, что жрецы сужают круг и приближаются к нам.

— Ваша Светлость, — почти прорычал Верховный Одаренный. — Прикажете своей невесте приложить руку к камню, я настаиваю... нет, я требую!

— Вы шутите? — в глазах ГримГайла заиграло пламя. — Леди Лорелла вольна в своих действиях. Так что мы уходим.

— Давайте не будем накалять обстановку, — я с трудом поверила тому, что вижу — от ног Сардонета, появившись из ниоткуда, к нам текла вода. Шелестящие прозрачные струи, словно живые, взбирались по треноге вверх, заливая жертвенник и совершенно не подчиняясь всем известным мне законам природы.

— По-моему, обстановку накаляете вы, — спокойно сказал Бриар. Повинуясь его воле, наперерез водным потокам взметнулось пламя. Вода зашипела, испаряясь. Тонкими голосами закричали испуганные вельможи, а жрецы отступили.

— Вы уверены, что сможете победить? — спросил Сардонет. Его лицо заслоняли языки пламени, но мне казалось, что он болезненно морщится. — Нас много, а вы один.

— Я не собираюсь никого побеждать, — пламя двигалось в унисон с голосом герцога.

— Моя невеста просто сказала нет. Если вы не готовы с этим мириться, я просто разрушу этот храм, несмотря на то, что вас много, но приказывать Лорелле не буду. И силой принуждать ее к этому ритуалу не стану. Продолжайте в том же духе, и мы увидим, кто прав.

— Как мило, — вода отхлынула, Сардонет опустил на колени, вбирая ее остатки в

себя. — Согласен, вы выполнили свое обещание — вошли в храм, значит, и я выполню свое. Мир между нашими государствами будет заключен, — голос Верховного Одаренного прозвучал подозрительно агрессивно — мне казалось, с такой интонацией объявляют войну.

Немного помедлив, ГримГайл убрал огонь. Теперь преград между нами и жрецами не было, и я даже зажмурилась, ожидая, что эти люди сразу же на нас набросятся, но они стояли, не сводя глаз со своего предводителя. Сардонет повысил голос.

— Варвальф, ступай в переговорную. Думаю, ты помнишь все, о чем я говорил.

Я в изумлении раскрыла рот — с королем эгидов разговаривали как с обычным секретарем, большую часть времени занимающимся записью чужих приказов.

— Ваша Светлость, — продолжил Верховный Одаренный. — Добро пожаловать за стол переговоров. Король готов обсудить условия мира.

— Король-то готов, — усмехнулся герцог. — А вы?

— Я подойду позднее, — уклончиво ответил Сардонет.

ГримГайл промолчал, просто кивнув, и развернувшись, за руку повел меня к выходу. Двери распахнулись, ослепив нас дневным светом, а столпившимся перед крыльцом людям объявили, что Дар герцога признан истинным. Народ восторженно взревел, беснуясь. С чего им-то радоваться? Герцог и вовсе житель чужого государства.

Слабо улыбаясь, и приветливо помахивая ручкой, мы с большим трудом протиснулись сквозь толпу. ГримГайл проводил меня до спальни, и уже взявшись за ручку двери, я решила тихо спросить:

— Ты злишься?

— За что? — искренне удивился герцог. — Ты не обязана была проходить этот глупый ритуал и Сардонет глупец, если думал, что я тебя заставлю.

Бриар взял мое лицо в свои ладони и коротко поцеловал в губы.

— Завтра мы уедем отсюда, потерпи.

— Хорошо, — прошептала я, довольно зажмурившись. — На одну ночь меня безусловно хватит.

Уверив герцога в своем спокойствии, следовало доказать это самой себе. ГримГайл уже ушел, а я ходила взад-вперед по комнате и старалась унять дрожь.

Глядя сквозь грязное стекло в парк, я видела, как на разлапистые деревья и пышные кусты спускаются сумерки, но рисковать и покинуть воображаемую безопасность спальни не решилась, хотя в спальне было душно, а окно, к сожалению, не открывалось. Как оказалось, зря. В этом королевстве, добраться до меня могли где угодно.

Засмотревшись на сад, я не сразу услышала шелест воды, а когда обернулась, ища источник шума (в моей комнате-то сейчас даже таза не было) и увидела, как струи воды поднимаются с внутренней стороны двери вверх к замочной скважине. Даже не удивившись, я услышала, как запор щелкнул, и в дверь ввалился злой, как кабан, Сардонет. Поверьте, я разъяренных кабанов видела и знаю, о чем говорю — по-настоящему страшные животные.

Итак, Верховный Одаренный, с горящими синевой глазами, с иссушенным старостью лицом и безумной гримасой ворвался в комнату, протягивая ко мне скрюченные руки. Мама с детства пыталась вдолбить в мою голову, что леди должна быть хладнокровна и рассудительна в любой ситуации, но клянусь, в такой обстановке сдержаться было крайне сложно. Громко закричав, я схватила с подоконника книгу, оставшуюся от нашего с Лесли предыдущего урока, и треснула ею по лысому лбу.

Надо сказать, что читать мы учились по Истории возникновения и развития государств,

а это книга мало того, что объемная, так еще и очень тяжелая, наверное, из-за количества втиснутой в нее информации, поэтому визг Сардонета и стремительное потухание неестественного света из глаз, были вполне оправданными.

— Совсем сдурела, что ли? — вскричал жрец и прикрыл рукой лоб. Я со злорадством наблюдала за растущей шишкой на голове Верховного Одаренного. — Я поговорить пришел.

— Когда приходят поговорить, стучат в двери, а не нагло вламываются, — заметила я.

— У меня было подозрение, что мне не откроют.

— Чего вы от меня хотите? — я устало вздохнула.

— По-моему, в храме я очень доступно озвучил свое желание. От тебя требовалось всего лишь прикоснуться к камню!

— Как вы мне надоели, — я привалилась к стене, не забыв выставить перед собой книгу, чтоб Сардонет трезво оценивал масштабы повреждений, которые может получить. Не думаю, что его старческий организм может многое перенести без последствий.

— Какой у тебя Дар? — спросил Сардонет, зло косясь на учебник.

— С животными я разговариваю, уймись вы наконец! Не поливаю людей огнем, не устраиваю сотрясения, не летаю — просто на просто понимаю животных! Что в этом особенного?

— С животными? — жрец хитро прищурился. — И сколько в нашем парке зверушек? Ты же общалась с ними, должна бы знать.

Я недовольно заерзала.

— Превеликое множество. Спуститесь, посчитайте, если точное количество интересует. Сардонет повыше задрал нос, пристально меня разглядывая.

— Меня, девочка, не точное количество интересует. Меня занимает тот факт, что ты не попросила помочь животных, когда тебя оскорблял стражник.

— Вот как? Вы знаете, что меня, подданную другого государства, оскорбляли, и ничего с этим не собираетесь делать? А не потому ли бездействуете, что сами в этого беднягу и вселились?

— Что ты, — Сардонет криво улыбнулся, демонстрируя отсутствие некоторых зубов. — У меня подобного Дара нет, он мне без надобности. А вот наблюдать за этим действием через воду в фонтане вполне в моей власти.

— А кто же обладает таким Даром? Из ваших приспешников я знакома только с Валаем, но он умеет перемещаться на дальние расстояния.

— Девочка, ты многого не знаешь о Дарах... Но речь не об этом. С детства обладая способностью общаться с животными, ты бы не задумываясь, воспользовалась их помощью, особенно на улице, в непосредственной близости от них, особенно в состоянии шока, в котором ты находилась. Но ты предпочла уйти, значит что?

— Что?

— Одно из двух — либо твой Дар совершенно иной, чем ты мне излагаешь, либо... либо его нет вовсе. Но ты леди, а в вашей стране высокий статус, как и Дар передается по наследству, и не получить его у тебя возможности нет. Пожаловал статус герцог? Вряд ли, для престолюдинки ты слишком хорошо себя держишь, — глаза Сардонета загорелись торжеством. Я с какой-то пугающей обреченностью ждала. — Таким образом, какой мы делаем вывод? Твой Дар, судя по всему, настолько мал, что ты даже не можешь его толком проявить. Я прав?

— Безусловно, — я взяла книгу крепче. — Теперь вопрос исчерпан?

— Герцог знает? — до приторности ласково осведомился жрец, а я как можно спокойнее ответила:

— У меня от любимого жениха секретов нет. Ему во мне важен не только Дар.

Неожиданно, в груди заболело. Я помнила о разговоре Бриара с матерью и естественно, не успела забыть, что невесту он выбирал как раз из-за способностей. Что если ему важен только мой Дар, пусть и существующий всего лишь в воображении, а все поцелуи и доверительные разговоры окажутся не более чем средством расположить к себе обладательницу необходимого таланта.

— Питаю надежды, что так и есть, — Сардонет зло улыбался. С шишкой на лбу он почему-то выглядел, как полусумасшедший единорог. — То есть, если я спрошу его об этом, он не удивится?

— Нисколько, — несмотря на свои заверения, я еще больше занервничала. Почему жрец задает такие вопросы? Неужели он действительно спросит об этом у ГримГайла?

Верховный Одаренный достаточно долго сверлил меня пытливым взглядом и вдруг счастливо засмеялся. Я удивленно на него воззрилась, и, подождав, пока он успокоится, спросила:

— Вам не кажется, что столь стремительная смена настроения повод обратиться врачу? Почему вы смеетесь?

Сардонет мне подмигнул и, чуть ли не задев плечом, двинулся к выходу.

— Можете не переживать, миледи, — «миледи» он издевательски выделил интонацией. — Я больше не жду вас в своем храме.

— Рада это слышать, — честно призналась я.

— До свидания.

— Надеюсь, прощайте.

Близилась ночь, а ГримГайл все не возвращался. Я каждые десять минут выглядывала в коридор, либо же стучала в его спальню, боясь, что он просто не захотел ко мне зайти. К беспокойству за жизнь добавился и страх того, что Сардонет рассказал герцогу о моем Даре.

Настолько я накрутила себя тревожными мыслями, что приход Лесли, значащий, что совсем не безопасное путешествие за пределы резиденции состоится, восприняла чуть ли не как освобождение и возможность отвлечься.

— Вы были сегодня в храме Ротона, — тихо произнесла женщина. В руках она держала небольшой сверток и от волнения беспрестанно его теребила.

— Да, была, — я провела рукой по лицу, будто желая стереть неприятные воспоминания. — Ваш Сардонет жуткий псих.

— Не говорите так, — Лесли испуганно втянула голову в плечи. — Вы не передумали идти со мной?

Прозвучало это так, будто женщина очень надеялась, что я останусь в спальне.

— Не дожدهшься, Лесли. После того, что сегодня произошло, мне еще интереснее узнать как можно больше об этом глупом ритуале. К тому же, если все хорошо, завтра мы уедем, и другой возможности прогуляться по городу не представится.

— Я бы все отдала за то, чтобы не гулять по нему никогда, — Лесли тяжело вздохнула. — Раз вы согласны, нам следует поторопиться — сейчас пересменка, и никто не заметит, как вы вышли из комнаты.

Раскрыв сверток, Лесли подала мне длинное серое платье из жесткой ткани, идентичное тому, в какое была одета сама. Быстро переодевшись, я разобрала прическу и

заплела волосы в косу. Заняло это не больше пяти минут, но служанка, прислушиваясь к шорохам в коридоре, нервно грызла ногти и шептала: «Не успеем, не успеем».

— Отставить панику, — рявкнула я над самым ее ухом. Женщина вздрогнула, и, схватив меня за руку, резко потянула в коридор.

Стражников не было и мы быстро пробежали к лестнице. Снизу, гремя тяжелыми сапогами, поднимался стражник. Опустив головы, мы прошмыгнули мимо него, не обратив на себя внимание. Мужчина был чем-то очень недоволен, и, по-моему, даже нас не заметил.

Улицы города были пусты. Изредка слышались лай собак и переключки часовых, но ни одного прохожего мы не встретили. Идти нам пришлось недалеко — уже через десять минут быстрой ходьбы Лесли нырнула в какой-то двор, открыв хитрую защелку, и поманила меня за собой. Я замешкалась — а что если это ловушка? Отчего я так доверилась совершенно чужой для меня женщине, с детства привыкшей повиноваться мужчинам? Но повертев головой по сторонам, решила, что вряд ли в темноте найду дорогу назад, поэтому пришлось последовать за Лесли.

Слева был вход в большой добротный дом, но мы пробрались мимо него чуть ли не на цыпочках и, преодолев двор, достигли какой-то лачужки, наполовину вросшей в землю. Чтобы войти в покосившиеся двери мне пришлось пригнуться чуть ли не в половину, а дальше мы двигались и вовсе на ощупь. Сделав пару шагов, я остановилась и раздраженно прошептала:

— Я дальше не пойду. Я своей руки не вижу, не то, что женщины с которой пришла поговорить.

Сразу же загорелась свеча, освещая держащую ее в руках Лесли.

— Простите, миледи, я как-то не подумала сделать это раньше, — покаянно сказала она. — Но никуда идти и не надо — мы пришли.

Лесли повела рукой, и я увидела у дальней стены низкую лежанку, на которой сидела, опираясь на клюку, грустная старушка в ветхих, но насколько я могла судить, чистых одеждах. К тому же, неприятного запаха, обычно сопровождающего старость, не было, по-видимому, женщина была очень опрятна.

— Долгих лет жизни вам, миледи, — скрипучим голосом произнесла старушка. — Простите, не в силах встать и поклониться... Меня зовут Кора. С чем вы пожаловали?

Я закашлялась, стараясь преодолеть некоторую неловкость. Честно говоря, мысль о предательстве Лесли настолько прочно засела в моей голове, что ее невиновность меня прямо-таки обескуражила.

— Меня зовут Лорелла, — наконец-то представилась и я. — Лесли сказала, у вас когда-то был Дар.

— Был, — Кора криво улыбнулась. — Оказался ложным и сплыл.

— Как сплыл? — я удивленно приоткрыла рот. — Что это значит?

— Сплыл, значит, исчез, — спокойно пояснила старуха. — Как и у тысяч жителей нашей страны. Выяснилось, что истинным Даром боги наделили только нескольких человек, они и стали следующими Одаренными, вошедшими в Ковен.

— Следующими? А как раньше выбирали Одаренных?

— Вы же грамотная. Почитайте книги, — пожала плечами Кора. — Но на тот случай если не найдете, я вам немного поясню — значение имели заслуги Одаренного человека перед Отечеством, и он избирался голосованием. Когда-то, Ковен Одаренных был способом донести голоса многих через нескольких, а теперь... — старушка сокрушенно махнула

рукой.

— Я не понимаю, — я нервно покусала губы. — Сегодня мой жених прошел через этот ритуал, и Дар его остался при нем. Они подменили камень? Или, — я похолодела. — Дар исчезает позже?

— Дар исчезает сразу. Ваш жених силен?

— Да, он...дракон.

— Тогда это не удивительно, — Кора устало прикрыла глаза. — Действие камня таково, что он вбирает в себя силу того, кто к нему прикасается, но бывает так, что Дар слишком огромен, чтобы камень мог его поглотить.

— И тогда такой Дар называют истинным, — догадалась я. — Если вы знаете об этом, почему смирились? Почему не боретесь со жрецами?

— Слишком поздно мы догадались об их участии в горе, которое поглотило страну, — не открывая глаз, ответила старушка. — Как могли мы, лишившиеся сил бороться, что-то им противопоставить? Особенно если учесть, что у нас не было поддержки. Большая часть населения, которая всегда завидовала нашим способностям, с огромным восторгом восприняла известие о том, что мы...оказывается, такие же, как все.

— Но разве вас устраивает, что с помощью ваших же сил они поработили королевство? Издеваются над женщинами?

— Надо сказать, именно они над женщинами издеваются мало. Нас считают низшими существами неполноценные и глупые нелюди, не знающие ничего о любви, и мне на самом деле жаль их. Но на пороге смерти я не хочу говорить о том, что устраивает меня или не устраивает. У меня есть крыша над головой, еда — меня приютили люди, в семье которых есть счастье. А теперь, оставьте меня, пожалуйста, миледи, не то вас хватятся, и у Лесли будут проблемы.

Возвращались мы в молчании. Я обдумывала слова Кору, а Лесли, скорее всего, размышляла о возможном наказании — такие сосредоточение и скорбь были написаны на ее лице.

— Все будет хорошо, — прошептала я, виновато улыбаясь. — Нас не поймают.

— Я не этого боюсь, — грустно покачала головой женщина. — Я боюсь того, что станет с нашей страной.

Отчасти нам повезло — в здание пробрались незамеченными. Но пришлось на своем опыте выяснить, что везение зачастую какое-то однобокое — в моей спальне, нахохлившись, будто злодей из сказки, на кровати восседал ГримГайл. Увидев его, Лесли ойкнула и незаметно улетучилась, а я осталась наедине с явно пребывающим в плохом настроении герцогом.

— Как переговоры? — как можно безмятежнее спросила я.

— Где ты была? — ощутимо скрежеща зубами, прорычал герцог.

— Невежливо отвечать вопросом на вопрос, — с укоризной заметила я. — Ты не мог бы выйти, мне необходимо переодеться.

— Лорелла! — ГримГайл резко встал с кровати и навис надо мной. — Во что ты ввязалась?

— Ни во что, — я виновато потупила взгляд. — Мы с Лесли просто прогулялись по городу.

— Прогулялись по городу? — не поверил своим ушам Бриар. — Лора, ты с ума сошла? Этот город кишит сумасшедшими, и ты так просто совершаешь вечерний променад? Зачем ты лезешь на рожон? Мир заключен, завтра утром мы уезжаем домой, объясни, что ты творишь?!

— Не кричи на меня! — слезы подступили к глазам, и я попятилась, пытаюсь отвернуться от герцога. Не удалось, ГримГайл поймал мое лицо в свои руки и насильно повернул к себе.

— Я буду кричать, Лора! Потому что ты ведешь себя по-детски, а мы не в дешевом любовном романе, где все всегда заканчивается хорошо. Зачем ты покинула здание?

Я зло показала Бриару язык, но секунду подумав, тяжело вздохнула и решила признаться.

— Я встречалась с женщиной, у которой раньше был Дар.

ГримГайл красноречиво закатил глаза и вздохнул, давая понять, что он думает о моем поступке. Я заторопилась, объясняя.

— Оказывается, этот камень забирает Дар если к нему прикоснуться. У тебя забрать не смог, потому что ты очень сильный, бульжник просто не вместил бы твои способности, а вот большая часть эгидов такой роскошью похвастаться не могла, и вот теперь...теперь вообще ничем похвастаться не могут.

— Это все очень познавательно, Лора, но почему тебя это так интересует?

— Потому что это нечестно!

— История любого государства в принципе нечестна. Миллиарды людей живут без Дара, повезло лишь некоторым. Чего ты думаешь добиться? Признания Сардонета? Егс раскаяния?!

Я набрала побольше воздуха в легкие и внезапно поняла, что он прав. У меня нет никаких шансов добиться справедливости. Своими действиями я только подвожу планы герцога и тем паче подставляю несчастных женщин. Теперь слезы стало и вовсе не удержать, я закрыла лицо руками и тихо заплакала. Судя по всему, ГримГайл растерялся от такого поворота нашего разговора, потому что ненадолго замер, а после судорожно меня обнял.

— Я виновата, — уткнувшись в герцогскую рубашку, и растягивая гласные, прохлюпала

я носом. — Но так нельзя, они же всех обманывают.

— Лора, дорогая, — Бриар поцеловал меня в макушку. — У каждого своя судьба и не стоит вмешиваться в жизни эгидов. Особенно тебе.

— Но Сардонет же вмешался, — хныкала я.

— Когда мы вернемся домой, я доложу обо всем королю. Мы не оставим это без внимания, но здесь и сейчас ты ничего сделать не можешь! И не будем об этом.

Руки Бриара скользнули по моей спине и легко сжали мои полупопия. Через тонкое платье служанки прикосновения мужских рук ощущались особенно остро.

— О, мне нравится мода эгидов, — промурлыкал Бриар, целуя мое ушко. — Когда вернемся домой, будь добра, одевайся так постоянно.

Я недовольно завозилась и попыталась сбросить с себя руки герцога. Слезы, как по мановению волшебной палочки высохли.

— Прекрати, — зашипела я. — Мы разговариваем о серьезных вещах.

— Одно другому не мешает, — заявил ГримГайл и занял мой рот вещами несколько интереснее, чем препирательства. Руки он благоразумно попридержал, но все равно, ощущая их на своем теле, я получала невообразимое удовольствие.

Отправлялись мы в полдень. Когда вышли на площадь, Лафонет с другими стражниками уже выстроились перед крыльцом и нас ожидали. В этот раз карету мне выделили более комфортную, подозреваю, ранее она принадлежала кому-то из членов королевской семьи или крупному вельможе — настолько помпезно повозка выглядела. При виде красных рюш и позолоченных стен, еще более противно выглядевших, так как принадлежало все это великолепие мужчине, я досадливо поморщилась, но выбирать не приходилось — хорошо хоть не предложили до границы идти пешком, с них станется.

Варвальф скомкано попрощался с нами и отступил, уступая дорогу Сардонету. На прощание Верховный Одаренный явился в одиночестве, без сопровождения жрецов. Подленько улыбаясь, он поклялся ГримГайлу в том, что войска эгидов первыми границу никогда не перейдут. Как-то двусмысленно прозвучало его заявление: Валай — не армия, а в случае успешного покушения на герцога, король нашей страны, безусловно, войну начнет первым.

Не зная о том, что разговор его приспешников я подслушала, и даже более того, передала его содержимое ГримГайлу, Сардонет нагло попросил у герцога какую-нибудь вещь, в подтверждение их вечной дружбы и, так сказать, на память. Вежливо улыбаясь, Бриар напомнил, что в знак вечной дружбы у Верховного Одаренного остается его экземпляр мирного договора, а что касается памяти, так если Сардонет страдает забывчивостью, может быть, ему следует оставить свой пост?

Жрецу это не понравилось, поэтому я удостоилась порции едких замечаний по поводу моей внешности и Дара. Хорошо еще, что сказано это было такими витиеватыми выражениями, что окружающие ровным счетом ничего не поняли и списали все на дурную воспитанность Сардонета. Хотя о чем это я, уверена, присутствующие на крыльце эгиды решили, что все в пределах нормы.

Пропустив поток брезгливо улыбающихся вельмож, последним ко мне подошел Куртис. Принц полностью проигнорировал герцога, который едва сдерживался от того, чтобы научить наследника уважению, и надолго припал к моей руке, восхваляя красоту и безграничную привлекательность девушек нашего королевства. Самооценка моя, пошатнувшаяся после общения с Сардонетом, понемногу выпрямилась — слушать такие

речи было приятно, хоть и понимала я, что в них присутствует килограмм лести.

Отчаянно смущаясь, я села в карету, а Куртис пошел за нами, преданно заглядывая мне в глаза и помахивая ручкой. Продолжалось это ровно до того момента, пока на нем странным и совершенно необъяснимым образом не вспыхнул плащ. Большая часть провожающих закричала, и бросилась наследнику на помощь, а мы смогли спокойно продолжить путь.

Когда мы пересекали небольшую рощицу перед приграничным городком, одна из лошадей неожиданно захромала. Чертыхнувшись, ГримГайл приказал остановиться на привал. Лошадь осмотрели и я даже смогла внести небольшую лепту, успокоив животное и пояснив, где именно оно травмирована. К сожалению, заслуга в этом не столько моего Дара, сколько большого опыта общения с лошадьми.

Костер разводить не стали, спешили пересечь границу, и ужинали, в прямом смысле слова, на ногах — пару стражников даже не стали присаживаться. Быстро прожевав свои куски, Лафонет с ГримГайлом отошли в сторону, о чем-то негромко совещаясь. Влезать в мужской и, несомненно, важный разговор я не стала, сидела на бревне, лениво обмахиваясь старым веером и ожидая, когда мы отправимся в путь. Скорее всего, лошадь собирались довести до приграничного города и там сменить, а вот как мужчины поступят с оставшимся на своих двоих стражником, я не знала.

— Леди Лорелла, — неожиданно раздался позади меня голос. Я вздрогнула, и, обернувшись, увидела стражника. Именно он сегодня остался без средства передвижения, и его интерес ко мне был очень настораживающим. Обычно веселый, сегодня парень был странно молчалив и задумчив, попросится еще, чего доброго, ко мне в карету, а я от одиночества не страдаю. — Мне нужно с вами поговорить.

— Говори, — неохотно ответила я, и с трудом припоминая имя солдата, наудачу добавила: — Кит.

Стражник кивнул, а я обрадовалась, что память моя меня не подвела, и парня обижать не пришлось.

— Давайте не здесь, — с сомнением произнес мужчина и, понизив голос, уточнил: — Это насчет эгидов. Мне удалось кое-что выяснить.

Душу мою захватило ощущение приключения, я обернулась на ГримГайла — герцог пока был занят Лафонетом. И хотя здравый смысл шептал, что меня это интересовать не должно, любопытство победило.

Я встала и вслед за стражником отошла к кустам, пышно растущим неподалеку от нашего лагеря. Двигался мужчина как-то странно — казалось, что ноги у него деревянные, или же каждый шаг причиняет ему невыносимую боль. Во всяком случае, болезненное выражение на его лицо имело место быть.

— У вас все хорошо? — нахмурилась я. — Вы хромаете?

— Повредил ногу, — отмахнулся мужчина. — Лошадь понесла, и...теперь мы оба травмированы.

Я растерялась. Насколько мне помнилось, животное было очень мирным, к тому же не помню, чтобы в пути, кто-то падал — все двигались ровным строем.

— Что ты узнал? — я поежилась от непонятного мне и неудобного чувства тревоги.

— Один из Одаренных, — отвернувшись к кустам, ответил стражник. — По имени Персив, обладает уникальным Даром.

— Все Одаренные обладают какими-то способностями, в этом суть их прозвища, — из-за кустов я выглянула на лагерь и поискала герцога глазами. Один из стражников, тот, с

которым на пути в Королевство эгидов мы играли в слова, помахал мне рукой.

— Его сознание может вселяться в других людей.

— Да, я знаю. Ты не в курсе, как это происходит? — я растерянно помахала в ответ и внезапно голову мою пронзила кое-какая мысль. Стражник вдруг резко обернулся, и я попятилась, испуганная пустым взглядом мужчины.

— По крови, — глухим голосом произнес стражник, а я тихо сказала, только только вспомнив:

— Тебя же Морт зовут.

— Це не дуже важно, — хохотнул стражник и, схватив меня за руку, ногтем расцарапал мне ладонь, тут же прокусил свою руку и соединил нас в крепком рукопожатии.

Казалось, я чувствовала, как по венам моим мгновенно побежало что-то чужеродное и очень злое. Еще владея собственным телом, повернулась и открыла рот, собираясь позвать на помощь, но голова моя вдруг закружилась, в глазах потемнело, и спустя мгновение я почувствовала себя запертой в комнате с прозрачными стенами. Все видя и все понимая, у меня не было возможности даже моргнуть в противовес желаниям сидящего во мне существа.

Затолкав упавшего Морта в кусты, существо громко крикнуло моим голосом:

— Ваша Светлость, я ненадолго отойду.

Я видела, как ГримГайл растерянно обернулся.

— Куда это? — а действительно, куда? Вряд ли в лесу много мест для прогулок, ну же, заподозри неладное, Бриар. Но нет, существо мои планы испортило.

— В туалет, — гаркнула я так, что на меня все обернулись.

— О, что ж, — ГримГайл ступешался. — Конечно, время еще есть.

Проклиная недалёковидность герцога, я, в роли зрителя в своем собственном теле, отправилась в самую чащу. Как только существо решило, что мы достаточно удалились от лагеря, оно стремглав пустило мое тело сквозь буреломы и кусты. Хотелось себе же отдать затрещину — незваный гость меня когда-нибудь покинет, и придется получать тело в подпорченном состоянии. Что ж, за изверг-то внутри меня такой? Тропинки мы по непонятной мне причине совершенно игнорировали, но благо, что лес был небольшой, и уже через час мы выбрались на дорогу. Там меня уже ждал незнакомый мужчина с парой лошадей. Без лишних, да и вообще, без каких бы то ни было разговоров, сев на лошадей, мы рысью направились обратно в столицу.

Я маялась от невозможности даже пошевелиться, и для меня дорога в Асселтон показалась чуть ли не вечностью. В столице наш маршрут несколько отличался от того, по которому мы следовали вместе с герцогом. Двигались мы по окраине, словно мужчина волновался о том, что меня увидят, а повернув на одну из улиц, на голову мне и вовсе набросили какую-то тряпку. Существо было не против, лошадь теперь вели под уздцы, а я, понятное дело, возражать не могла.

Услышав, что мы остановились, я облегченно воздала молитву Духам и стала ждать развития событий. Вряд ли мое тело заняли навечно, злоумышленники, как видно, преследовали цель меня куда-то доставить.

Мешок с головы существо сбросило самостоятельно. Я обнаружила, что мы прибыли к какому-то высокому дому, огороженному высоким забором. Уже стемнело, к тому же мое тело, не оборачиваясь по сторонам, уверенными шагами направилось в дом, и рассмотреть что-то еще мне не удалось.

— Сховай коней и носа не высовывай, — глухо скомандовала...я и поднялась на ступеньки. Что за дефект речи-то такой? Двери передо мной тут же распахнули и высокий худой мужчина в черном с золотом камзоле, беспрестанно кланяясь, проводил меня в одну из комнат на втором этаже.

«Интересно», подумала я. «А он кланяется мне, или той мерзости, которая сидит внутри?»

Озвучить вопрос я не могла, а мысли мужчины, к сожалению, читать не умел. Толкнув дверь, существо вошло в комнату, и если бы я владела своим телом, в этот момент челюсть у меня точно бы упала на пол. До последнего я была уверена, что виновник, или так сказать заказчик моего похищения, Сардонет. И участие в деле жреца, и речь Верховного Одаренного перед нашим отъездом, прямо указывали на то, что эту диверсию устроил он. Но дремавший на стуле Куртис, вскочивший при моем появлении, из этой схемы, сложенной в моей голове, выпадал.

— Все нормально? — спросил принц, глядя на меня с беспокойством. Глупости его вопроса я даже поразились — естественно нормально, удался ваш замысел, будь по-другому, меня бы здесь вообще не стояло.

— Спрашиваешь, — фыркнуло существо. Мое тело повернулось и в тусклом свете нескольких свечей, на кресле, стоявшем в углу, я увидела полулежащего мужчину. Короткая туника прямо указывала, что передо мной очередной жрец, а неестественно расслабленная поза и закрытые глаза давали повод подозревать, что мужчина без сознания. Поразительно, перед носом у наследника человеку плохо, а он и не думает лекарей позвать. Хотя, может быть, мужчина просто спит и я зря волнуюсь?

Куртис живо подтянул стул к жрецу и взволнованно замер рядом, засунув руки в карманы. Мое тело присело на этот стул, наследник тут же связал мои руки за спиной.

— Ей будет удобно? — нервно спросил принц. Я мысленно фыркнула.

— И так пойдэ, — недовольно ответило существо. — Руки ей не особо нужны.

Существо запрокинуло голову, и я почувствовала, как понемногу возвращается контроль над телом.

— Не хотите ли объясниться? — воскликнула я, получив возможность разговаривать.

— Чого вы горланите? — жрец пришел в себя и потянулся — конечности его, как видно подзатекли. — У меня башка раскалывается.

— Жаль, что она совсем не расколосась, — зло прошипела я, тщетно дергая руками в попытке освободиться — этот мерзавец связал их крепко. — Значит, это вы сидели в моем теле?!

— Знамо так, — жрец осклабился.

— Прошу вас, леди Лорелла, — подал голос наследник. — Персив ни в чем не виноват.

— Да вы что, — не поверила я. — Позвольте же, а кто виноват?

— Я, — обворожительно улыбаясь, ответил Куртис.

— Вы?! А, ну тогда все нормально.

— Правда? — обрадовался принц.

— Нет, конечно! — рявкнула я. Куртис вздрогнул, а жрец подленько захихикал.

— Ваше Высочество, бачу с выполнением плана будут проблемы.

— Почему вы так странно разговариваете? — не вытерпела я. — Причем, как-то непостоянно.

— Как это «непостоянно»? — не понял Куртис, от него я отмахнулась, не сводя взгляда

со жреца.

— Я понял о чем ты, — Персив подмигнул. — Как только я занимаю тело оно еще помнит повадки прежнего хозяина и неохотно с ними расстается. Но чем больше я провожу в нем времени, тем больше оно подстраивается под меня.

— Ясно. Развяжите меня!

— Придется подождать, — покаянно сообщил принц.

— Чего подождать? И сколько?

— Вам виднее, дорогая. Лично я намерен дождаться вашего благоразумия.

— Долго придется ждать, — я пригорюнилась. — Так и руки отсохнуть могут.

— Персив, — наследник повернулся к жрецу. — Очень благодарен за помощь, но дальше я сам. Оставьте нас.

— Благодарность це гарно, — Персив пожал плечами. — Но мени треба побильше.

— Мы об этом поговорим, — Куртис нахмурился. Конечно, должником быть не нравится никому. Жрец фыркнул и покинул комнату. Принц присел рядом и мягко дотронулся до моих волос. Я поморщилась и отдернула голову — прикосновения наследника были мне неприятны.

— Прости за такое своеобразное приглашение в гости, — принца моя на него реакция совершенно не смутила.

— О да, своеобразнее некуда. Я, конечно, понимаю, что на свидания в вашей стране не ходят, но это уже перебор.

— Иначе бы ты не пришла, — принц вздохнул и встал с кресла. — Я могу тебя развязать? Ты не совершишь глупостей?

Я прикинула и честно сказала:

— Смотря, что ты собираешься мне сообщить.

— Тогда посиди привязанной, — Куртис опять вздохнул. — Ты удивительная девушка, Лорелла. Подобных тебе я не встречал.

— Еще бы. В это я охотно поверю, вы же местных женщин загнобили хуже некуда. Они и глаза поднять бояться.

— Если бы ты боялась поднять на меня глаза, это было бы кстати, — заметил принц.

— Связывать бы не пришлось. Дело совсем не в этом, дорогая.

— Кажется, я догадалась, — это, наверное, нервы мои выходили таким образом, ранее я за собой такой разговорчивости не замечала — прямо слова человеку не даю вставить. — Все дело в Даре.

— Ты очень догадлива.

— Как тут не сообразить, когда не далее чем вчера, ваш Сардонет уже пытался меня его лишить. До приезда в вашу страну я и подумать не могла, что до разговоров с животными есть кому-то дело.

— Я же предупреждал тебя, помнишь? — Куртис опять присел рядом. Мне это по понятным причинам не понравилось, и я насколько было возможно в моем положении, отстранилась. — Твой Дар мне не нужен, и отбирать его я не собираюсь.

Я недоверчиво фыркнула.

— Странно вы как-то изъясняетесь, Ваше Высочество. То из-за Дара меня похитили, то не нужен он вам.

— Я, дорогая, расскажу тебе одну сказочку, — принц сел еще ближе, так что наши бедра теперь соприкасались. — Жили-были эгиды. Не плохо жили, не хорошо, но как-то двигались

вперед. И был когда-то у части населения Королевства эгидов Дар. У каждого свой и передавался он по наследству, прямо как в вашей стране, припоминаешь? Был в стране и король — куда уж без него, но был и выборный орган, ограничивающий власть монарха. Состоял он из уважаемых людей, одаренных богами Даром, и по сути это было единственное требование, сдерживающее желание всех подряд туда попасть. Все было хорошо, все было размеренно, пока не попал в этот выборный орган некто по имени Сардонет. Сын обычного плотника, обладающий поистине огромным Даром и еще большей харизмой. За короткий срок он стал Верховным Одаренным. И хоть должность эта была более чем номинальной, в его руках она изменила свой статус. Откуда-то из закровов божественных артефактов Сардонет извлек камень и провозгласил, что ему снизошло откровение — злые духи отравили некоторых эгидов и вместо божественного Дара наградили тех проклятием. Было объявлено, что таковых очень мало, но на всякий случай пройти проверку необходимо всем, и в этом им поможет камень. Первое время люди шли самостоятельно — все были уверены, что уж они-то наделены божественной силой, а прокляты точно соседи. Вон у пастуха из соседнего двора и капли воды не такие мокрые выходят, и вообще он какой-то подозрительный. Естественно, что члены королевской семьи испытание камнем прошли одними из первых, и выяснилось, что они прокляты. Как и все Одаренные. Все, кроме Сардонета. Его Дар камень вместить не смог. Оказывается, дело было не в истинности способностей, а в их количестве. В стране нашлось еще несколько человек, чей Дар оказался так же велик, и они составили новый Ковен Одаренных. И что теперь?

— А что теперь? — удивилась я.

— Теперь страна стоит на коленях перед горсткой безумцев! — Куртис раздраженно ударил кулаком по колену. Хорошо хоть не по моему. — Наш род потерял свою власть, свою силу, разве это справедливо?

— Не знаю, но судя по твоему возмущению, не очень. При чем тут я?

Так как я связанная сидела на стуле, история и проблемы эгидов интересовали меня гораздо меньше, чем раньше.

— О, милая, наш род раньше повелевал ветрами, но в настоящий момент меня устроят и животные.

— Вас устроят? Каким это образом?

— Я верну в наш род Дар, — твердо сказал Куртис. Глаза его странно блестели, подозреваю, в своих мечтах принц мнил себя настоящим освободителем. — И ты мне в этом поможешь.

Я похолодела. Честно говоря, мне был известен только один способ, который мог удовлетворить притязания принца на власть, причем во всех смыслах, и он мне совершенно не нравился.

— Дар нужен не вам лично? Наследникам?

— Да! — Куртис поймал мой подбородок и больно приподнял его, заставляя смотреть на него. — Я будущий король, Лорелла, я забочусь о своем народе, и неважно, кто освободит его от гнета Одаренных — пусть это будут мои сыновья.

Я набрала в грудь побольше воздуха и выпалила.

— У меня очень мало Дара! С учетом того, что у вас он отсутствует вовсе, нашим детям, — противно даже говорить об этом, с принцем я не то, что совместных детей не хотела, после произошедшего мысль о том, что мы ходим по одной земле, категорически меня угнетала. — Нашим детям достанутся жалкие крохи.

— Ты невеста герцога, — хмыкнул принц. — Ни за что не поверю, что ГримГайл собирался жениться на третьесортном материале.

Я глубоко оскорбилась. Ишь ты, какой умный выискался, у самого-то способностей и на ложку не наберется, а все туда же, с пренебрежением к другим относится. Любви моей к Куртису это естественно не прибавило, но мысль о ГримГайле показалась трезвой.

— Герцог придет за мной.

— Разумеется, — пообещал принц. — А куда он придет? Где тебя искать? Максимум на что хватит фантазии этого мужлана, так это обыскать храмы жрецов. Персив предупрежден, а остальным знать о моем плане ни к чему. Сардонет будет вполне резонно возмущен, и чтобы не допустить войны ГримГайлу придется уйти ни с чем. Со мной же твое исчезновение никто не свяжет — внимания на твой Дар я не обращал, к тебе относился со всеми теплотой и вниманием, вот и сейчас — мне придется играть убитого горем влюбленного, но ничего, актер я хороший.

Я совсем невежливо пнула Куртиса и порадовалась тому, что попала — принц вскрикнул.

— Ты что творишь?!

— Мерзавец! — выдала я и завозилась, с новыми силами возжелав освобождения. — Маньяк!

— Я патриот, — заявил Куртис и тут же ему в лицо прилетел мой прицельный плевок. Таким образом, я выразила свое отношение к его патриотизму. Побагровев от злости, принц, не знаю, на что надеясь, схватил меня за грудь и попытался поцеловать. Я взвыла и укусила слишком уж наклонившегося ко мне Куртиса за нос. Ему повезло — отгрызть кончик мне не удалось, но впечатление я, без сомнения, произвела.

— Буйная, заявил Куртис, отскочив от меня, как от чумной. — Ничего, посмотрим, как ты запоешь, посидев без еды и воды.

— Я бы и сейчас спела, если бы вам от меня только это нужно было. Так нет же, вам детей подавай.

Не обращая на мои слова ровно никакого внимания, наследник подошел к двери и на его зов тут же прибежала пара дюжих молодцов. Не замечая, что я растрепана, взбешена, да и вообще, привязана к стулу, они отнесли меня в подвал, и, разрезав веревки, удалились.

Железная дверь с грохотом захлопнулась и я осталась одна. Мне оставили зажженную свечу, я могла оглядеться, а днем свет обещал поступать через маленькое окошко под потолком. В углу лежали горстка соломы и наброшенное на нее одеяло. По всему выходило, принц предполагал, что от роли инкубатора я откажусь, хотя может он и с согласием собирался меня здесь держать, кто его знает. А самое примечательное — об одеяле побеспокоился, конечно, мать его будущих детей должна быть здоровой.

Терпения Куртиса надолго не хватило: не успела заняться заря — только только в мое окошко скользнул свет, как он материализовался в дверях подвала.

Недавно уснувшая я (полночи размышляла о том, как мне отсюда выбраться) глаза раскрыла без особого на то удовольствия, а обнаружив перед собой вышедшего из остатков ума принца, и вовсе отвернулась.

— Я видел, что ты не спишь, — заявил Куртис.

— Что-то вы, Ваше Высочество, рано пришли, — заметила я, отчаянно зевая. — Если вы хотели добиться моего согласия, так заявляться надо через неделю голодовки. Пока что, я даже проголодаться не успела.

— Я не за этим пришел.

— Как неожиданно, а зачем же? — я приоткрыла один глаз и посмотрела на принца.

— Эээ, ну хорошо, за этим! — немного поразмышляв и так и не придумав достойного повода, признался Куртис.

— Не терпится претворить злодейский план в жизнь? — поняла я, и закрыла глаза. Даже не глядя на принца, знала, что так и есть. — Открою вам тайну — наследники сразу не появляются, как минимум девять месяцев придется подождать, или может вы не в курсе? К этому сроку прибавьте время, пока дети растут, и вот тогда... А что тогда? Хоть убейте, но концепцию, которой вы следуете, я не понимаю!

— О, я объясню. — принц прошел в подвал, по-моему, обрадовавшись, что у него появился слушатель, а я села на своей лежанке, уже полностью проснувшись. — О вас никто не будет знать, дорогая. Вместо вашей чудесной персоны я подберу какую-нибудь служанку из тех, что и голову поднять боятся, и, разумеется, ту, которая никакими способностями не обладает. Рождение от меня ребенка с Даром разрушит основы верования. Нет, не в богов, а в Одаренных. Еще бы, представь, в обход учений и заверений жрецов, Дар впервые передается не по наследству, моего сына им наделят сами боги! Придется немного подтолкнуть толпу, и они бросятся на жрецов в надежде, что и их детей когда-нибудь постигнет участь почувствовать роскошь обладания Даром. А восстание, поддерживаемое моим ребенком, который способен направить в бой животных, обречено на успех.

— Сардонету ничто не мешает объявить Дар вашего ребенка таким же проклятием злых духов, и вполне возможно, что толпа пожелает свергнуть как раз вас. Вы об этом не думали?

Куртис замер и по всему выходило, что такой вариант развития событий принцу в голову не пришел.

— Ага, — я обрадовалась. — Вот мы и обнаружили первый пробел в вашем плане. А их будет еще много. Например, ребенок разделять ваших взглядов не будет, или же Дар будет таким минимальным, что он не сможет его проявить. Что дальше? Какой у вас запасной план?

Куртис с минуту смотрела на меня тяжелым взглядом, а затем сознался:

— Так далеко я не заглядывал. Вначале передо мной стояла проблема, как тебя заполучить. Я ее успешно решил, теперь буду размышлять дальше.

— Вы же не ребенок, — укорила его я, стараясь не расхохотаться от абсурдности ситуации. — Вы — будущий король, неужели не понимаете, что не решили проблему, а

получили кучу других!

— Назови хоть одну!

— Я вам уже говорила — ГримГайл придет за мной.

— Я вне подозрений, дорогая. Ты заперта в доме моего парализованного дядюшки, так что даже на случайное освобождение надеяться не можешь.

— Уверена, ГримГайл сумеет вас разговорить, — кровожадно пообещала я. — Кстати, мне уже хотелось бы позавтракать.

— А разве вы уже согласны на сношение со мной? — оскалился Куртис, а я пренебрежительно его осмотрев, ответила:

— Я вам так скажу, Ваше Высочество, вы этот вопрос сразу можете забыть — ни сношаться с вами, ни тем более рожать от вас детей не соглашусь никогда!

— Я очень добр, моя дорогая, — прошипел Куртис. Как раз добрым сейчас он не выглядел совершенно. — Но выслушивать твои речи может надоест даже такому добряку, как я, и тогда пара стражников, держащих твои руки, помогут мне наградить тебя своим семенем.

В висках моих застучало от страха, воздух вдруг заполонил мои легкие, а покинуть их не потрудился. С минуту я посидела, пытаюсь восстановить дыхание, и, наконец, относительно спокойно сказала:

— Вполне возможно так и будет, Ваше Высочество. Только задумайтесь вот о чём: чем больше человек будет задействовано в вашем плане, тем вероятнее он потерпит крушение.

Мои слова принцу не понравились. Он немного пожевал губами и наклонившись так, что его лицо оказалось на одном уровне с моим, сказал:

— Ты, милая, пытаешься мной манипулировать. Не выйдет, нет. Даже если об этом узнает вся страна, я желаю видеть твои ноги на моих плечах!

— Если об этом узнает вся страна, узнает и ГримГайл, — зло процедила я, не отводя взгляда. — Жду не дождусь.

Принц отшатнулся и круто развернувшись, вышел из подвала, оставив меня в одиночестве. Следовало поразмышлять, как поступить далее и я легла на лежанку, закинув руки за голову и положив ногу на ногу. Один плюс в моем положении все-таки присутствовал — можно было не вести себя как леди, а я с детства тяготела к непотребным (так их называла мама) позам.

Итак, что мы имеем? Сумасшедшего принца, собирающегося превратить меня в инкубатор, причем не думаю, что живой. Вполне возможно, после рождения ребенка со способностями меня умертвят, дабы не было соблазна раскрыть людям глаза на то, что новая династия королей, имеющих Дар, так сказать, немного фальшива. Значит, чтобы выжить, необходимо дать знать ГримГайлу, где я нахожусь. Но как?

Встав с кровати, и пользуясь тем, что глаза к полумраку уже привыкли, я прошла по подвалу и осмотрела его на наличие мышинных норок. Не знаю, чем они травили живность в доме, но в подвале даже тараканов не было. Впрочем, надежда на то, что мне удастся подчинить своей воле хотя бы какое-то животное была так ничтожно мала, что их отсутствие просто напросто не понизило мою самооценку еще больше.

Попрыгала, пытаюсь достать до окна, но здесь тоже потерпела неудачу. Оставалось надеяться, что мне удастся надавить хотя бы на жалость принца и бессмысленность моего похищения он осознает.

Через пару часов мне принесли кувшин с водой. Выпив залпом почти треть, решила в

дальнейшем расходовать живительную влагу поэкономнее — неизвестно, насколько простирается доброта Куртиса, вполне возможно, что в следующий раз воду мне выделят и впрямь через неделю.

Прошли сутки. Есть хотелось так сильно, что казалось, если бы в подвал заглянула мышка, я бы с ней не договориться пыталась, а начала искать способ ее приготовить. Впрочем, еще через сутки возникла мысль, что сырая мышь не так уж и отвратительна, особенно если бы убил ее кто-то другой.

Как знать, возможно, посиди я еще день, смогла бы задушить животное голыми руками. Но мышь все не появлялась, зато в дверях показался бледный и нервно вздрагивающий принц.

— Твой ГримГайл — сумасшедший! — закричал Куртис, только сунув свой нос в подвал.

Я села на лежанке поровнее, чему очень препятствовала сосущая боль в животе, и отстраненно сказала:

— Правда? Не замечала за ним.

— Он сжег лес, в котором ты потерялась! — с нотками истерики в голосе, воскликнул Куртис. — Это, по-твоему, нормально?

— Потерялась? — переспросила я. — Позвольте-ка, Ваше Высочество, вы же похитили меня оттуда.

— Краины Асселтона объаты огнем, двое вельмож у него в заложниках! — не обращая внимания на мое замечание, выкрикивал принц, нарезая круги по подвалу.

— Он грозит нам войной!

— Я вас предупреждала, — меланхолично заметила я, хотя в душе все пело и трепетало, заглушая чувство голода. — Не знаю, на что вы надеялись.

— Что теперь делать?!

— Вы у меня спрашиваете? — искренне удивилась я. — Отпустить, конечно. Обещаю, я ничего не скажу герцогу о вас, стану утверждать, что не помню похитителей.

Куртис замер посреди подвала и уставился в одну точку, грызя ногти.

— Нет, с такими нервами злодейские планы замышлять нельзя, — констатировала я, с минуту за ним понаблюдав. — Послушайте умного человека — отпустите же меня! Не усугубляйте свою вину.

— Умного человека, умного человека, — словно проснувшись, забормотал принц. Теперь он производил впечатление полностью сумасшедшего человека. — Точно! Нужно обратиться к нему.

И даже не взглянув на меня, принц, смешно взбрыкивая ногами, убежал. Жаль только, дверь запереть не забыл, не смотря на душевное волнение. Побродив по своей темнице и напрасно потеряв время на попытки усмотреть что-то сквозь замочную скважину, я опять прилегла.

По ощущениям прошло не больше часа, как в подвал, спотыкаясь, забежал Куртис и принялся кричать, указывая на меня пальцем.

— Вот она, вот!

Я вскочила и даже голову вытянула в предвкушении встречи с Бриаром, но нет, на дрожащих ногах, держась за косяк, в подвал вошел Сардонет. Тоска и жалость прямо-таки взяли меня за горло: тосковала я по порушенным надеждам, а жалко мне было убогого Куртиса. Это же надо, на помощь позвать человека, чью власть собирался порушить. Он что

же, думает, жрец ни одного вопроса не задаст?

— Что вы здесь делаете, леди Лорелла? — Сардонет даже споткнулся, увидев меня.

— Как вам сказать? — я задумалась, внимательно разглядывая принца и пытаюсь отгадать, что он задумал. — Полагаю, сижу в плену. На это указывает тот факт, что меня не кормят, с некоторых пор не поят, — кивнула на опустевший кувшин. — И гулять не выпускают.

Жрец обернулся на мнущегося у двери Куртиса.

— Ваше Высочество, вы предупредили, что я буду удивлен, но не настолько! Зачем вы похитили невесту герцога?

— Я влюблен, — еле слышно промямлил принц. Жаль мне его стало еще больше, но вместе с тем появились мысли, что клониться в своих эмоциональных предпочтениях нужно к другому берегу — с наследником объединяться смысла нет.

— Влюблен? — не поверил Сардонет. — Да ты понимаешь, глупый мальчишка, что ты натворил? Нам нужна была война, но не сейчас, и не против ГримГайла! Чем ты думал?

— Он вообще не думал, — влезла я с пояснениями. — Мы это выяснили в первый день моего пребывания здесь.

Сардонет с подозрением взглянул на принца.

— Постой-ка, а почему ты не кормишь свою возлюбленную?

— Вот такая любовь, — влезла я в разговор, видя, что Куртис стоит столбом и только водит глазами по сторонам.

— Леди Лорелла, — разозлился Сардонет. — Ваши комментарии мне интересны только в том случае, если вы и впрямь способны пояснить, что здесь происходит. Сразу скажу, в огромную оупляющую любовь я не верю.

Я пытливо взглянула на бледного, как поганка принца, и подумала о том, что скрывать правду мне ни к чему. Вполне возможно, что хотя бы жрец, не желая ссоры с ГримГайлом, вернет меня герцогу.

Стараясь быть краткой, я раскрыла Верховному Одаренному глаза на предательский замысел Куртиса, с особым злорадством выдавая участие в перевороте Персива. Не сказать, что в этой битве влияний я была за жрецов, но чем принц, желающий за мой счет получить власть для своих детей отличается от того же Сардонета? Так что передислокация в стан недавнего врага, на мой взгляд, была оправдана.

— Значит, свергнуть меня он хочет? — развеселился жрец. Куртис выглядел так, будто бы прямо сейчас потеряет сознание, и даже не пытался оспорить мои слова.

— Народ натравить?

Глаза жреца загорелись жутким голубым светом. Я поежилась и постаралась уменьшиться в размерах — мысли о том, что я поступила правильно, куда-то улетучились. Как и недавно в храме, от Сардонета, извиваясь, поползли щупальца воды. В сумраке подвала они казались не прозрачными, а почти черными, и рождали неприятные ассоциации с осьминогом. Вскрикнув, Куртис преодолел свое замороженное состояние и попятился, не сводя глаз с жидкости, упрямодвигающейся к нему, но не успел принц даже схватиться за ручку двери, как захрипел и упал. Я закрыла рот руками, чтобы не кричать от страха, а наследник эгидовского престола бился в судорогах, и пытался оторвать от себя водяную удавку, но пальцы его проходили сквозь воду, не в силах схватить ее.

— Живи пока, — передумал вдруг Сардонет и водяные нити опали, освобождая принца и оставляя его хрипеть и кашлять на полу. Переступив через Куртиса, жрец выглянул из

подвала и кого-то кликнул.

— Леди Лорелла, вы пойдете с нами, — ощерился в подобии улыбки старик.

— Разумеется, — я кивнула и постаралась успокоиться, убеждая себя, что скоро увижу герцога. Вот только взгляд не могла отвести от лежащего мягкой куклой принца, и избавиться от дрожи, захватившей мое тело, тоже не получалось.

В подвал, споткнувшись на последней ступеньке, заглянул один из Одаренных. Мы виделись в храме, но не познакомились, и не сказать, что это меня расстроило.

— Владлен, этот мусор мы возьмем с собой, — приказал Сардонет, кивая на Куртиса.

Это они наследного принца мусором считают? Страшно представить, что они о моей персоне думают. Долго мучиться в предположениях мне не пришлось.

— А эту? — уточнил Владлен. У него оказался на редкость красивый голос. С таким густым красочным баритоном только со сцены вещать. Я вспомнила Дарлайн — она бы точно оценила. На внешность же жрец оказался неказист — жидкие, давно не мытые волосики липли к потному лбу, лицо покрыто огромными прыщами и красными шрамами, а тело, казалось, принадлежит десятилетнему ребенку, настолько мужчина был тщедушен.

— Она пойдет сама.

Владлен вывел меня из подвала. В холле, который я, как только прибыла в этот дом, преодолевала в компании Персива, уже стояли двое мужчин, ничем не напоминающих ни жрецов, ни хотя бы стражников. Я бы даже сказала, что они более походят на бандитов — такое жестокое и вместе с тем глупое выражение лица у них было. На меня они взглянули без особого интереса, повинувшись приказу Одаренного, набросили мне на голову мешок и вывели из дома.

Достаточно долгое время я созерцала только лишь холщовую ткань, неприятно щекочущую мне нос. Чувствовала, что меня посадили на лошадь, при этом грубо облапав, и кто-то сел позади.

Мешок с меня сняли уже в месте прибытия. Я огляделась и нахмурилась — мы были в храме Ротона: передо мной стоял тот же камень на треноге, а витраж, изображающий бога, пропускал свет, освещая темный храм. На мой взгляд, привозить меня в храм для того, чтобы вернуть ГримГайлу было странно, и могло быть оправданным только в одном случае — если...никто и не собирался меня возвращать.

Я, обуреваемая горестными мыслями, и прибывшие со мной головорезы, стояли в пустом храме, чего-то ожидая. От страха чувство голода мучавшее меня третий день притупилось, но жажда ощущалась особенно остро.

— Можно мне водички? — кашлянув, решила я спросить. Мужчины переглянулись.

— Не положено, — отрезал один из них. Они были очень похожи: одинаковая одежда, похожие в своей бессмысленной жестокости взгляды темных глаз и идентичные позы — сложенные руки за спиной и широко расставленные ноги.

— А для кого не положено? — уточнила я. — Для пленницы, или для гостыи? — видя, что меня не понимают, постаралась пояснить:

— Просто я не до конца разгадала, в каком статусе здесь нахожусь, и вы могли бы внести хоть какую-то ясность, если бы...

— Ни для кого не положено, — квакнул второй мужчина, едва приоткрывая рот. Я с сомнением посмотрела на него, но решила больше вопросов не задавать.

Через пару минут в храм ворвался Сардонет. За ним маленькой стайкой двигались четверо жрецов, а на некотором отдалении от них, облепленные какой-то жижей, шагали

Куртис и Персив. На лице принца были написаны паника, но судя по потухшему взгляду, со своей судьбой он уже смирился, зато Персив насмешливо смотрел на своих недавних товарищей и вообще, сокрушенным не выглядел.

Предатели остановились у жертвенника, рядом со мной, и я в изумлении смотрела, как темная густая жижа, покрывавшая их тела, пузырится, шевелится, сползает вниз и, самостоятельно формируясь в фигуру человека, становится Владленом.

— Впечатляюще, не правда ли? — хохотнул Сардонет, заметив мой брезгливый интерес.

— Он повелевает грязью? — догадалась я.

— Что-то вроде того, — Верховный Одаренный отмахнулся от меня, и обратился к наследному принцу.

— Ваше Высочество, как прикажете с вами поступить?

— Отпустите, — безжизненным и обреченным тоном ответил Куртис. Странное дело, когда то же самое предлагала ему я, но в отношении моей персоны, он почему-то отказался. Подозреваю, что также поступит и Сардонет.

— Да, разумеется, — улыбаясь каким-то своим мыслям, заключил Сардонет. — О чем еще вы могли попросить. Собственно, меня интересует только одно — Варвальф знал о вашем плане?

— Нет, — заволновался Куртис. — Он ни о чем не знал, он бы не одобрил, это все я!..

Сардонет махнул рукой, призывая принца замолчать, задумался и немного походил по залу.

— Придется сделать вид, что я вам поверил, — наконец, сказал он. — Выбор новой правящей династии займет слишком много времени и сил, что сейчас некстати. Хорошо, — Сардонет обернулся к Персиву. — Теперь ты, мой дорогой друг и соратник, отвечай, почему ты помог мальчишке? Разве тебе было мало власти? Или же ты думал, что уничтожив нас, народ отчего-то пощадит тебя?

— Мени було горько, — пожал плечами Персив. — Я знал, что у принца ничего не выйде, вин дуже хлипкий.

— Как мило, — всплеснул руками Верховный Одаренный. — Он просто заскучал! — от кучки жрецов послышались нестройные смешки. — Именно когда все так хорошо складывается, когда мы могли бы получить еще больше силы, ему стало скучно!

— Моей силы хватит на всех, — усмехнулся Персив. — Це ты николы достаточно не соберешь.

— Так ты специально? — ахнул Сардонет. — Мне завидуешь? Или, может быть, уйти хотел? Так не получится, дорогой бывший друг, тебя никто не отпустит.

— Я знаю. Потому и помог пацану, хоть чув, что... — жрец тяжело вздохнул и махнул рукой. — Надо було обращаться к ГримГайлу.

От взбешенного Сардонета, взметая в воздух прозрачные капли, рванули водяные плети. Оплетая всего Персива, сдавили его шею, не давая дышать. Мужчина упал на колени, даже не пытаясь освободиться, и просто смотрел в горящие глаза своего наставника. Жрецы молчали, и только Владлен сжал в кулаки руки, но на помощь броситься не посмел. Сардонет наклонился к Персиву и с каждым словом выплевывая капли слюны, прошипел:

— Ты умрешь сейчас, предатель. Убиваю тебя я ни ножом, ни мечом, да и нет рядом никого, к кому бы ты мог прикоснуться окровавленной рукой, так что сознание твое не сможет сбежать из умирающего тела. Сдохни, дорогой друг, и передавай моим врагам привет.

Щупальце бросилось в приоткрытый рот Персива, в горле его заклокотало и вода, вырываясь из всех естественных отверстий тела, хлынула на пол. Жрец упал замертво, а вода все лилась и лилась, сопровождаемая противным громким звуком. Верховный Одаренный был прав — смерть Персива была бескровной.

— Замолчи, — бросил мне Сардонет, а я осознала, что этот противный оглушающий звук — мой визг. В испуге захлопнула рот и для верности прикрыла его ладонью. — Теперь ты, — Сардонет кивнул принцу, тот, недолго думая, упал на колени и зарыдал. — Тебя тоже придется убить, — так спокойно, будто бы погоду сообщал, проронил Верховный Одаренный. — Мы же должны отчитаться герцогу, что предатели, похитившие и убившие его невесту, мертвы.

— Убившие?! — подала я голос.

— Истинно так, — Сардонет, отворачиваясь, махнул своим бандитам, и один из них, ступив к стоящему на коленях принцу, одним движением разрезал ему шею. Куртис даже ничего понять не успел, как из его горла, пузырясь, густым потоком заструилась кровь. Я прикусила губу, понимая, что причастна к смерти этого взрослого ребенка.

— Позвольте, я поясню, как все будет, — обрадовался Сардонет, рассматривая неподвижно лежащие тела. — Люблю, знаете ли, посвящать в свои планы посторонних, правда, только тех, которые в скором времени унесут их с собой в могилу.

Я чувствовала, что вот вот потеряю сознание, поэтому отвечать не стала, но мое согласие Сардонету и не требовалось.

— Меня, девочка, вы сразу заинтересовали. Нет, не внешностью, на мой вкус вы очень неказисты, а Даром. Чувствовал я — вы что-то скрываете, знал, что это может стать жемчужиной в моей коллекции, и оказался прав. Способность подчинять животных, вот оно, вот чего я так долго ждал!

— Вы, возможно, запамятовали, — нашла я в себе силы заговорить. — Но мой Дар слишком мал, я и понимаю-то животных с трудом.

— Знаю! И это явилось для меня сокрушительным ударом. Такой подвох! Я со злостью наблюдал, как вы уплываете из моих рук, но ничего поделать не мог. Из-за крупного Дара можно бы было рискнуть и пойти против ГримГайла, но из-за жалких крох...

— Так в чем же дело сейчас? Мой дар не изменился!

— Зато изменились обстоятельства. Вы заметили, что в жертвеннике лежат мелкие животные? Это необходимость, иначе боги не желают заключать Дар в камень, но если положить в жертвенник кого-то побольше, то содержащийся в камне Дар может и увеличиться.

— Побольше, это, например, Куртис с Персивом?

— Точно! — Сардонет хлопнул в ладоши. — Итак, план таков — мы кладем на жертвенник изменников, вы прикасаетесь к камню, он забирает Дар и вуаля, все довольны — моя коллекция пополнится, а вы без мучений погибаете. Поверьте, с моей фантазией это уже немало.

— О какой коллекции вы говорите? — не понимала я. — Вы запоминаете украденные камнем Дары? Это доставляет вам удовольствие?

— О нет, — Сардонет визгливо расхохотался. — Я собираю Дары.

— Их каким-то образом можно извлечь из камня? — догадалась, наконец, я.

— Да, девочка. Первый коснувшийся камня после того, как он уже вобрал Дар, становится чудесным обладателем новых способностей.

Я критично осмотрела Сардонета.

— То есть все Дары, украденные у эгидов сейчас в вас? Но вы пользуетесь только водой.

— Они были во мне, — Верховный Одаренный досадливо поморщился. — Но путем долгих и расстраивавших меня проб, выяснилась чудовищная вещь — в одном человеке не могут быть одновременно даже два Дара, куда уж тут большему количеству.

— Действительно, чудовищнее некуда, — съязвила я.

— Один Дар замещает другой. Причем от уровня силы это никак не зависит. Таким образом, я успел побывать и сильнейшим повелителем земли и худшим из обладателей Дара воздуха. После многих ошибок пришлось остановиться на среднем уровне владения водой. Раньше мой Дар был намного выше, но... — Сардонет досадливо поморщился. — Тут уж ничего не попишешь. Нечего вспоминать о былом, с твоей помощью, девочка, я смогу повелевать животными.

— Подождите, — пронзила меня неожиданная мысль. — А Дар из камня всегда замещает уже имеющийся?

— Нет, не всегда. Не знаю, от чего это зависит, но некоторые способности было очень тяжело заменить, они прямо-таки не хотели со мной расставаться.

Я расхохоталась. Жрецы в удивлении смотрели на меня, а я все не могла успокоиться. Полагаю, на фоне потрясений у меня случилась истерика. Немного утихнув, пояснила, изредка глупо хихикая:

— Как жаль, что вы не отобрали ни у кого лекарский Дар — он-то подавляет все остальные.

— Что ты городишь? — взвился Сардонет.

— Какие-то Дары подавляемы больше остальных, вы что, не знали об этом?

— Нет, — растерялся Верховный Одаренный. — Никто и никогда не проводил исследований по этой... проблеме. Да и зачем?

Действительно, это же в нашей стране люди, обладающие Даром, имеют определенный статус, положение в обществе, а в Королевстве эгидов раньше все были равны, и браки с целью «чистого» потомства не заключали. А после того, как Сардонет получил власть, всем и вовсе стало наплевать, какой из Даров более устойчив.

— В общем, зря вы старались, — подытожила я. — Мой Дар абсолютно во всех переплетениях наследственности подавляем, именно поэтому его носителей осталось так мало, и, наверное, поэтому до настоящего времени они вам и не попадались.

— Ты лжешь! — закричал Сардонет. — Ты лжешь, чтобы спастись!

И будто бы в ответ на его слова хлопнула входная дверь храма, по залу пронесся горячий ветер, а появившаяся в проеме высокая фигура, голосом ГримГайла сказала:

— А кто-то меня клятвенно заверял, что не знает, где моя невеста!

Вспыхнуло пламя, обволакивая взбешенного ГримГайла, и он, не сводя с меня горящего, в прямом смысле этого слова, взгляда, двинулся вперед. Испуганные жрецы, толкаясь и пятась, уступили ему дорогу, а я бросилась было навстречу, как крепкая сухая рука вцепилась в мое плечо.

— Не так быстро, миледи! — почти прорычал Сардонет, буквально отшвыривая меня назад. Глаза его тоже сияли, но совершенно иначе — этот синий блеск был холодным и страшным, какой, вероятно, кажется океанская бездна утопающему. — Вначале, ты прикоснешься к камню — жертвенник уже полон.

С легким журчанием горло мое захватил водяной хлыст и прижал к Верховному Одаренному.

Бриар остановился в пяти шагах от нас и с шумом втянул воздух, который, казалось, гудел от высокой температуры. Кожа моя пылала и, наверное, именно в этот момент ко мне пришло осознание того, почему ГримГайл с такой настойчивостью искал жену, способную его усмирить. Даже сейчас, в таком пограничном состоянии между человеком и зверем, он смотрел на нас гневным невидящим взглядом, едва сдерживаясь усилием воли. Боюсь предположить его потенциал убийцы в облике рассвирепелого дракона.

— Еще одно движение, Сардонет, и ты труп, — чересчур спокойным голосом предупредил герцог.

— Вначале умрет она, — заявил Верховный Одаренный, вцепившись в мою кисть мигмом вспотевшей то ли от жары, то ли от страха, ладошкой. — Для этого мне даже двигаться не придется.

Позади ГримГайла, занеся над ним меч, внезапно вырос Валай. Я попыталась было вскрикнуть, предупредить, но из пересохшего, к тому же сдавленного водяной удавкой горла вырвался лишь хрип. Бриар будто бы знал о готовящемся ударе. Не оборачиваясь, но легко и непринужденно он ушел от направляющегося вниз меча, и выхватив, как в поединке с Лафонетом свой клинок из воздуха, ГримГайл вступил в бой. Сталь встретилась, высекая искры.

Температура в главном зале храма к тому моменту достигла такого пика, что казалось, волосы мои плавятся, как воск, а мир вокруг виделся зыбким и мутным. Сардонет, пользуясь тем, что внимание ГримГайла отвлечено, оттащил меня к камню и насильно наклонил к нему.

— Трогай, — прошипел Верховный Одаренный. Я, насколько позволяла удавка, помотала головой. Если дело так пойдет и дальше, то мне придется и впрямь коснуться этого камня, только не рукой, а носом.

— Ну! Добровольно! — Сардонет еще и за волосы меня схватил. Ничего себе добровольно! Не хочется выяснять как выглядит насилие.

Позади слышался звон мечей и, судя по всему, Валай решили поддержать и другие Одаренные. Пытаясь вывернуться, я лягнула Сардонета ногой, но не достала и разочарованно взвыла.

«Что уж легче», промелькнула малодушная мысль. «Тронуть камень и этот поддон отстанет». Но слишком хорошо я понимала, что в руках такого мерзавца, мой Дар, увеличенный его богами до невообразимых размеров, способен привести к чудовищным

последствиям. К тому же, у Верховного Одаренного появится рычаг воздействия на звериную часть ГримГайла, а этого я допустить тем более не могла.

Будто отзываясь на мои мысли, тела принца и Персива, закрывающие собой небольшой жертвенник, вспыхнули. Пламя было невысоким — отверстия в крыше не достигало, но таким горячим, что Сардонет отшатнулся, вслед за собой оттягивая и меня. Я поражено ахнула, ведь камня коснуться не успела, и неужели это жрец случайно лишил себя Дара? Но водяная удавка не исчезала. Верховный Одаренный первым понял в чем дело. Оглянувшись на ГримГайла, он диким голосом, совершенно не сопоставляемым со щуплой фигурой жреца, взревел:

— Это все ты!

Не отрываясь от опасного танца с мечами, жертвой которого уже рухнул, как подкошенный один из Одаренных, Бриар ответил:

— Абсолютно все — я. Но что именно, сейчас?

Голова моя кружилась от нестерпимого жара. Казалось, на градус выше, и я лопну; кожа моя, иссохнув, не сможет сдерживать внутренности и разорвется, как старая бумага.

— Решили уничтожить моих жертв? Ничего! Здесь их достаточно, и ты станешь следующей!

Водяная удавка хлестнула, освобождая меня, и ударила так, что я отлетела к стене, ближе к неистово бушующему огню. Рев его, а также звон мечей, оглушали меня, и почти теряя сознание, я смотрела, как взбешенный Сардонет бросился на герцога и водяные щупальца метались над ним, как гигантские полупрозрачные клешни.

У ГримГайла не было шансов — Валай был мертв, один из незнакомых мне Одаренных серьезно ранен, Владлен, вдохновленный своим начальством, растекался черной лужей и был готов вцепиться герцогу в ноги, и все еще оставалось четверо вооруженных и озлобленных жрецов. Бриар это тоже понял. Взглянул вверх голов обступивших его Одаренных, и пламя вспыхнуло еще сильнее, отзываясь на гнев герцога.

ГримГайл стремительно увеличивался в размерах. За какие-то доли секунд лицо его, с вечно нахмуренными темными бровями и упрямыми твердыми губами, превратилось в зубастую пасть. Черный камзол обратился в твердую блестящую отблесками огня чешую; меч зазвенел о плитку, выпав из огромных черных лап с внушительными когтями; а длинный тяжелый хвост взметнулся, сбивая треногу и повреждая камену кладку стен.

Жрецы завизжали, как женщины при виде мыши, понимая, чем им может грозить появление дракона. Сардонет, первым оценивший обстановку, высоко вздымая худые ноги, побежал ко мне, полагая, что рядом со мной будет безопаснее. Я так не думала, и оттого, расширившимися от ужаса глазами наблюдала за резкими раздраженными движениями черного дракона. Он был необычайно красив в своей непредсказуемой опасности — длинная гладкая шея, блестящая при каждом движении, мускулистое поджарое тело, пугающее даже своими размерами, и кожистые крылья, которыми дракон отбросил Сардонета в сторону.

Зубастая пасть распахнулась, и жрецы взвыли, полагая, что сейчас на них обрушится пламя. Но раздалось лишь шипение, обращенное в мой адрес. Шипение, еще и еще, горло зМЕя раздувалось от необычных для него действий, а понять его я не могла. Дракон взревел, повернувшись ко мне всем телом, но положительных результатов это не принесло.

Одаренные, поняв, что их пока не убивают, подбадривая себя криками (что за люди, кричат по любому поводу), схватили мечи и вновь бросились в атаку. Удары наносили по ногам, по светлomu брюху, а дракон бестолково переступал, не предпринимая активных

действий из-за меня. Вода большим потоком хлынула от Сардонета, заливая уже разгулявшееся пламя, и хотя по позеленевшему враз лицу Верховного Одаренного было заметно, что от такого значительного проявления Дара ему нехорошо, пожар начал утихать.

Не дожидаясь, пока действия жрецов нанесут хоть какой-нибудь ощутимый урон, дракон вытянул вперед морду и не успела я даже отшатнуться, схватил меня поперек тела в свою пасть. Я завизжала, размахивая руками, но герцог, не обращая внимания на мое недовольство и вполне объяснимый испуг, мотнул головой и забросил меня на спину.

Не заметившие куда я пропала Одаренные, решили, что меня сожрал дракон и разбежались по залу, побросав оружие. Посредине храма, с ненавистью глядя на своего врага, замер, тяжело дыша Сардонет. Дракон и жрец с секунду сверлили друг друга взглядом, а после ГримГайл с каким-то почти человеческим смешком снес Верховного Одаренного волной алого пламени. Я взвизгнула и пригнулась, ощущая, как тело крылатого змея подо мной нагревается.

Дракон поливал огнем весь зал, стены его и даже потолок, и я закрыла глаза, не желая видеть как в обугленные головешки превращаются недавно еще живые люди.

О побеге из храма помню мало. Уткнувшись носом в чешую, чувствовала, что мы взлетаем. Рушилась, крошась и грохоча крыша, какие-то камни, благо что небольшие, били меня по спине и голове, но кроме царапин и ссадин ничего не принесли.

Вырвавшись на волю, дракон расправил крылья. Я, почувствовав гул встречающего нас ветра, подняла голову и обернулась назад. Храм был разрушен, обломки его полыхали, а вокруг уже собирались люди. Дракон сделал пару кругов над площадью, и тяжело взмахивая крыльями, направился вон из города.

В замок ГримГайла мы добрались уже глубокой ночью, проведя в пути всего несколько часов. Волшебной границы, отделяющей Королевство эгидов, не было, по-видимому, после смерти Одаренных она лопнула как мыльный пузырь. Именно тогда я наконец осознала, что злобный Сардонет погиб и, возможно, эгидов ждет теперь гораздо более приятное будущее.

Дракон опустился на брусчатку во дворе замка и раздраженно дернул спиной, намекая, что пора бы мне и честь знать. Я не слезла с него, а прямо-таки рухнула, с трудом шевеля затекшими конечностями. Отовсюду к нам уже спешили слуги. Меня тут же подняли, отряхнули и принялись настойчиво совать в руки то чашку с каким-то напитком, то бутерброд. Судя по всему, выглядела я не уставшей, а голодной.

— Прекратить, — раздался позади меня разъяренный голос ГримГайла. Я, не понимая в чем дело, оглянулась. Толпа расступилась, и за какую-то пару секунд вокруг меня стало вдвое меньше народу. Не обращая на них никакого внимания, Бриар подошел ко мне, и, взяв за подбородок, потянул вверх.

— Ты солгала! — прорычал он, зло глядя в мои глаза, и заметив мое недоумение, пояснил: — Ты не понимаешь животных!

Слуги ахнули и исчезли из моего поля зрения совсем.

— Я не лгала, — еле прошептала я, испуганная и тоном и взглядом герцога. — Я понимаю их! Только очень и очень плохо... У меня ничтожный уровень Дара.

— «Очень плохо»? — горько усмехнулся Бриар, отпуская мое лицо и отступая на шаг назад. — Ты ни слова не осознала из того, что я сказал, будучи в облике дракона.

ГримГайл с сожалением покачал головой и отвернулся.

— Поговорим позднее. Сейчас мне нужно вернуться за Лафонетом и остальными.

Обернувшись в дракона, герцог поднялся в воздух и умчался вдаль, сначала

превратившись в точку на горизонте, но скоро исчезнув вовсе.

Кто-то тронул меня за локоть. Я вздрогнула и обратила на Ханну полные слез глаза. Она держала в руках плед и явно волнуясь, сказала:

— Думаю, вам стоит прилечь, миледи.

ГримГайл вернулся на следующий день, но как я ни ждала его, беспрестанно выглядывая то в коридор, то в окно, до ужина видеть меня не пожелал. По словам Ханны с Лафонетом и солдатами все было хорошо. Герцог проводил их до границы, и убедившись, что военных действий охваченные паникой и безвластьем эгиды не затевают, прилетел в замок.

К ужину я спускалась как на плаху, подозревая, что ждет меня суровое наказание. Вполне возможно, что грядет даже перевоспитание под присмотром герцогини — эту версию выдвинула умудренная опытом Ханна.

Я распахнула двери комнаты, все еще заменяющей нам столовую, и дрожащим голосом поприветствовала уже сидящего за столом ГримГайла. Бриар с отсутствующим взглядом ответил на приветствие и тут же приступил к трапезе. Мне же кусок в горло не лез. Весь ужин я просидела, глупо тарашась в тарелку и не смея поднять глаз.

— Как давно ты собиралась скрывать, что Дара у тебя нет? — внезапно подал голос ГримГайл, раздраженно бросив на стол салфетку. Я подняла голову и тут же опустила — пламя в глазах и ходящие ходуном желваки на щеках прямо указывали на то, что Бриар по-прежнему чудовищно зол.

— У меня он есть, — тихо, но твердо ответила я. — А об его уровне ты ни разу не задавал вопросов.

Герцог нервно взмахнул рукой, и бокал с вином упал на пол, звоном разбитой посуды привлекая к нам слуг. Однако ГримГайл так на них взглянул, что бедные девушки поспешили покинуть комнату.

— Ты же слышала наш разговор с матерью! — он почти кричал. — Ты же знала, как важно для меня то, чтобы жена могла унять моего дракона!

Я до боли в руки сжала под столом салфетку и, исподлобья рассматривая герцога, сказала:

— Если ты помнишь, я никогда и не спешила стать твоей женой, напротив, всеми силами стремилась избежать этой участи. На нашей помолвке настаивал именно ты, поэтому претензии излишни.

Герцог замер, напряженно меня рассматривая, а потускневшие глаза его выдавали боль, которую мужчина тщательно скрывал в себе. Что-то хотел сказать, но закрыл рот и покачал головой.

— Дар был определяющим качеством моей жены. Слишком опасно ей со мной находиться, в любой момент я могу вспылить и... Там, в храме, сам не знаю как сдержал дракона — он призывал сжечь, разорвать всех присутствующих, и на то, что я тебя... на тебя ему было наплевать.

— «Был определяющим»? — все еще на что-то надеясь, уточнила я.

— Был и есть, — отрезал ГримГайл. — Что если в следующий раз у меня не хватит силы воли сдержать зверя?.. Вы добились своего, леди Лорелла. Помолвка разорвана. Бейсрик завтра вернет вам экземпляр брачного договора.

Глаза запекло рвущимися изнутри слезами, а сердце словно поразили мечом. Сейчас я жалела, что не прикоснулась к камню Сардонета — тогда бы Бриар не смотрел на меня, как

на предателя, в его глазах я бы приняла облик жертвы, и... А что дальше? Он ведь ясно сказал, что не женится на женщине, которую способен убить в порыве гнева. Его удел драконицы или... Дарлайн.

Закусив губу, я медленно поднялась со стула и гулким, совершенно холодным и будто бы не своим голосом, отчетливо слыша его со стороны, спросила:

— Как скоро я могу уехать?

Тоска сжимала меня, душила и выкручивала все внутренности. Я ощущала тошноту, боль, и даже лихорадку. Слово во сне услышала ответ.

— Завтра утром.

Не в силах что-то сказать, я отрывисто кивнула и, выпрямив спину, направилась к двери.

— Лорелла, — донесся до меня еле слышный шепот. Я остановилась, но оборачиваться не спешила, чувствуя, как с ресниц срываются слезы. ГримГайл подошел и встал позади меня так близко, что я чувствовала его дыхание. Бриар вскинул руки и провел ими вдоль тела, словно бы хотел обнять меня, но передумал.

— Нам больно, но все...забудется...все успокоится...

Обойдя меня, ГримГайл вышел из комнаты, громко хлопнув дверью. Я опустила полные слез глаза и с удивлением обнаружила, что по-прежнему держу в руках салфетку. Разжала ладонь и белоснежная гладкая ткань упала на пол.

Лафонет и солдаты прибыли утром, как раз когда меня со всеми чемоданами погружали в карету. Едва спешившись с лошади, Дейего бросился к нам и остановился в нескольких шагах. У меня не было заблуждений относительно своего внешнего вида, поэтому нерешительность начальника стражи я отлично понимала.

Бессонная и полная отчаянных слез ночь неблагоприятно сказалась на моем лице: опухшие красные глаза, бледные скулы и абсолютно бескровные губы — в гроб краше кладут.

— Что случилось? — густо покраснел Лафонет, словно бы создавая контраст со мной.

— Эти негодяи что-то сделали с вами там, в храме? Герцог не успел?

— Успел, — безучастным тоном ответила я и так взглянула на Дейего, что он отшатнулся. — Передавайте ему мою благодарность.

— А вы? — не понимая в чем дело, и вовсе стушевался мужчина.

— Не было подходящего момента, — устало сказала я и шагнула на ступеньку кареты.

— И уже не будет. Прощайте, Дейего.

Родители, естественно, моему возвращению очень удивились, но возмущения или же недовольства в них оно не вызвало. Думаю, чего-то такого они и ожидали, видя, как негативно я была настроена к герцогу. Подробностей произошедшего со мной ни в замке, ни в королевстве эгидов я не выдавала, и попеременно помучив меня вопросами, родные отступили.

Вопреки моим ожиданиям никого не озаботил тот факт, что я провела довольно долгое время в ГримГайловском замке, напротив, для многих, факт моей разорванной помолвки с самим герцогом, послужил красной тряпкой. Появилась новая проблема.

Как только о моем возвращении стало известно, так сразу наш дом стал пристанищем просто огромного количества потенциальных женихов. Дарлайн цвела и пахла, потому что видя мое нежелание не только выходить замуж, но даже общаться, они задаривали ее, надеясь на помощь. Не раз и не два сестренка пыталась популяризировать то одного, то другого претендента на мои органы, но к рекомендациям я оставалась глуха.

Через месяц оккупационных действий новоявленных поклонников, обстановка в нашем доме немного утихла и я даже позволила себе несколько прогулок с наиболее настойчивыми. Я улыбалась, поддерживала разговор, но глядя на себя в зеркало, замечала в потускневших глазах такую тоску, что становилось страшно. Я скучала, безумно скучала по Бриару, по его зеленым глазам, нахмуренным бровям, и даже по насмешливому тону, видела его в горьких снах и постоянно просыпалась в слезах. Отчаянно хотела ударить, прогнать безмозглых и скучных женихов, ведь ни один из них и близко не походил на ГримГайла.

Приближался день рождения Дарлайн, и предприимчивая сестренка, как и следовало того ожидать, пригласила на свое празднество некоторых из моих ухажеров, успевших заблаговременно подсуетиться. Прием ожидал превратиться в настоящую пытку.

Платье я выбрала яркое, зеленое, желая скрыть отвратительное настроение, а выбор подходящей прически доверила маме и Дарлайн. Меня мало что интересовало — на торжестве я машинально танцевала, исполняя необходимые па, но мысли мои блуждали далеко, и даже запомнить лица партнеров было не под силу.

В общем, когда в холл вошел ГримГайл, я всерьез решила, что сошла с ума. Впечатление портили только прекратившие играть музыканты и уступающие герцогу дорогу пары. Рассудив, что галлюцинации коллективными не бывают, пришлось сделать вывод, что я ненадолго задремала, а все происходящее является сном. Волноваться из-за собственного подсознания было глупо, и на приближение Бриара получилось взирать спокойнее.

ГримГайл притормозил рядом со мной, на расстоянии вытянутой руки, и если бы я хотела, могла даже дотронуться до его груди. Но из-за плеча Бриара выглядывал ГритБерли, возмущенно пунцовая кончиком носа, и его присутствие дало мне повод заподозрить, что все происходящее сном не является. Кто-кто, но барон в мои грезы пришел бы вряд ли.

— Ваша Светлость, — я присела в книксене, слыша шепот, ветром пролетающий по залу. Люди выдвигали версии, обсуждали, зачем герцог прибыл в наше имение, а сердце мое сжималось от собственного предположения — Бриар хочет взять в жены мою сестру. Недаром он прибыл в день рождения Дарлайн, ведь в наличии у нее способностей сомневаться не приходится, она их не раз демонстрировала, а Дар для ГримГайла имеет большое значение.

— У вас праздник? — не отводя от меня потемневших глаз, спросил герцог. Отец тут же выступил вперед с объяснениями и извинениями, но ГримГайл, совершенно его не слушая, шагнул вперед. Я опустила взор к полу, слыша, как стучит в висках кровь, и боясь упасть в обморок от избытка нахлынувших чувств.

— Я пришел к тебе, Лорелла. Я скучаю... — еле слышно прошептал герцог. Не сразу я поняла значение его слов, но подняв глаза, заметила, как взволнован Бриар. Невероятно, он ждал и боялся моего ответа, и я могла его успокоить, сказав, что тоже тосковала. Могла, но не имела права после того, что произошло. Поэтому так же тихо, как говорил он, ответила:

— Вы зря явились. Ваша Светлость. Помолвка уже разорвана, а количество моего Дара осталось неизменным.

ГримГайл досадливо поморщился и вдруг прямо у всех на виду схватил меня за руки. Гости ахнули и придвинулись ближе, боясь пропустить что-нибудь интересное. Так как для сплетен годилось все, интересовали их даже наши взгляды и движения губ.

— К Духам помолвку! Я не ем, не сплю, я все думаю о тебе, Лорелла, — горячо шептал Бриар, почти касаясь моего доверчиво поднятого вверх лица губами. — Я люблю тебя, родная! Прости меня, прости за каждое слово, за каждую твою слезинку...

Я закусила губу и горько покачала головой.

— А как же опасность, Бриар? Ты же дракон...

— Ну и что же — дракон. Ты научишься, обязательно научишься его понимать, а я, в свою очередь, обещаю на тебя никогда не злиться, не ставить твою жизнь под угрозу.

Я резко, одной ладонью, вытерла слезы, размазывая косметику по лицу, но промолчала. Не оставляла мысль, что это не может быть правдой, не бывает в жизни все так хорошо, не отпускала обида за поспешную высылку меня из замка, спрятанная где-то внутри, присутствовали опасения, но... вот же он — Бриар, которого я так долго ненавидела и так скоро полюбила.

Будто бы услышав мои мысли и поняв мои сомнения, ГримГайл ступил назад, обвел толпу тяжелым взглядом, будто бы только их увидел, и вдруг встал на одно колено. ГритБерли, по-моему, чуть не оконфузился от осознания важности ситуации — такое у него было забавное лицо. Я, затаив дыхание, наблюдала, как Бриар достает из кармана камзола маленькую черную шкатулку и открывает ее, являя всем присутствующим блестящее, переливающееся множеством граней, кольцо. Кто-то из гостей все-таки в обморок упал, причем среди нервных дамочек затесались и пару мужчин.

— Леди Лорелла Аманда УолтВисби, — громким, хорошо поставленным голосом произнес герцог. — Выйдете ли вы за меня замуж?

Я нервно хихикнула.

— Ваша Светлость, вы репетировали что ли?

— Естественно, — абсолютно серьезно ответил Бриар. — За столько лет холостяцкой жизни стоило и подготовиться. Ты согласна?

Я счастливо улыбнулась и, вытянув в ожидании кольца руку, сказала:

— Согласна.

Перед свадебным торжеством я вдруг заволновалась. Смотрела в окно на прибывающих гостей и причиной моих тревог служили самые разные поводы: а вдруг недовольная нашей свадьбой родня Бриара испортит все торжество, или же я наступлю на платье, или же начну заикаться, произнося клятву... Да мало ли беспокойств у невест. Все знают, что много, так я еще, по-видимому, собрала в своей голове их все.

Ввиду большого расстояния между именными ГримГайл и УолтВисби, было решено опустить праздничное традиционное шествие из отчего дома невесты в дом новый, и отмечать свадьбу сразу в замке.

По этому поводу было разослано множество приглашений всем знатным домам королевства, и, несмотря на то, что путь к замку Бриара был нелегко и иногда опасен, обещали явиться все. Глядя из окна, я даже увидела парализованного графа МелДоса. Надо сказать, о его болезни утверждали только он и его родня, надеющиеся на послабление налогов. Лично я могла выступить свидетелем мнения противоположного, так как граф, воровато оглядываясь, спешился с лошади и улегся на носилки, с постным видом сложив на груди пухленькие ручки.

Я недовольно закатила глаза — огромное количество большей частью незнакомых мне гостей, мало кого устраивало, но в знак примирения со свекровью, мне пришлось в голову позволить ей подготовить свадебное торжество, а значит, приходилось многое терпеть.

В комнату, постучавшись, бочком протиснулся ГритБерли. С некоторых пор (с тех самых, как кто-то узнал, что мой будущий титул герцогини не обусловлен ничьим авторитетным мнением) он стал вести себя намного уважительнее, что позволило и мне в общении с ним перестать поминутно язвить и продумывать планы мести. — Леди Лорелла, прибыли ваши родственники. Кни.го.люб.нэт

— Вот их-то я как раз и проглядела, — расстроилась я. Мой дозор у окна был вызван именно приездом родителей и сестер, ради малознакомых мне графов суетиться и не стоило.

— Ваших родных... скажем так, подвезли кое-какие знакомые герцога.

— Они летели на драконах? — расстройство мое сменилось на бурный восторг.

— Именно-с... Хотите их встретить?

— Конечно! — я бросилась было к двери, но уже взявшись за ручку, притормозила и упавшим голосом спросила: — А герцогиня? Она где?

С момента моего восстановления в статусе невесты кое-что изменилось. Герцогиня, как видно, поняла, что избавиться от меня не получится и решила придерживаться иной тактики, именуемой «У нас, конечно, не самое лучшее, но мы вам об этом не скажем!». При каждой нашей встрече меня начинали усиленно хвалить, и тут же одергивали, напоминая, как я должны быть благодарна Духам за то, что Бриар обратил на меня внимание. Разумеется, большую часть хвалы я должна была возносить и дорогой свекровушке, ведь это с ее благородного позволения герцог решил на мне жениться. Скандалов, подобных тому, в котором пострадал один из этажей замка, больше не повторялось, но подозреваю, причиной этому явилась не бурная любовь герцогини ко мне, а строгое внушение Бриара.

Барон с трудом спрятал улыбку и отвел глаза — о нашей взаимной, прямо-таки всепоглощающей симпатии ему было известно.

— Внизу, руководит украшением холла.

— Его же утром уже украсили!

ГритБерли тяжело вздохнул.

— За это время сменилось уже три вида декораций. Зная, что на свадьбу приглашена лучшая подруга герцогини маркиза ОтТаро, скажу, что нам придется увидеть еще, как минимум пять видов. Ее Светлость не успокоится, пока не попробует все — маркиза обладает на редкость привередливым характером, и все труды герцогини, безусловно, пойдут насмарку. Так сказать, падут жертвой необоснованной критики.

— Как же пройти незамеченной, — задумчиво произнесла я.

Барон немного пожевал губами.

— В принципе, мне необходима помощь герцогини в одном очень важном и щекотливом деле... Спускайтесь через пять минут.

Я засекала время и спустя отмерянное бароном время спустилась, осторожно переступая ступени, готовая в любую минуту взбежать наверх. Зря старалась — герцогини в холле и впрямь уже не было, лишь уставшие слуги носились туда-сюда с какими-то разноцветными тканями, каркасами и цветами. В двустворчатые двери уже входили мои родные, сопровождаемые взмыленным Бейсриком.

— Миледи! — воскликнул он, обрадованный моим появлением. — Дорогие гости прибыли!

— Я вижу, спасибо, — мягко улыбнулась я, и, заметив, что констебль нерешительно мнетя, стесняясь попросить, сама предложила:

— Давайте я провожу их. Нам точно есть о чем пообщаться.

Бейсрик облегченно вздохнул и быстро сбежал, не забыв поклониться моим родителям. Но только лишь я успела обнять маму, как с лестницы раздался громкий голос вдовствующей герцогини ГримГайл.

— Здравствуйте, сваты! Мы так долго ждали вас!

Вниз по ступеням, в приветствии раскинув руки, спускалась моя будущая свекровь. В улыбке ее было столько меда, что у меня свело скулы. Я с грустью взглянула на виноватого ГритБерли, следовавшего за герцогиней, но его судорожных знаков не поняла.

— Лорочка, — свекровь приобняла меня за плечи. — Ты можешь идти отдыхать, я провожу твоих родных.

— Премного благодарна, — моя широкая улыбка полностью копировала свекровушкину. Сестры следили за нами, переводя взгляд с одного счастливого лица на другое. — Но мы не можем вас задерживать, у вас столько дел! Оформление, меню, рассадка гостей, которых я не знаю...

Я на самом деле считала, что герцогиня взвалила на себя неподъемную ношу, но все попытки помочь или как-то повлиять на ход подготовок встречались безумной яростью и такими обильными слезами, что становилось стыдно. В конце концов, такой размах торжество приняло по ее прихоти.

— Моя любимая дочь, рисуясь перед гостями, свекровь прижалась к моему виску щекой. — Приятно, что ты заботишься обо мне, но мы же еще не познакомились с твоими родителями и милыми сестрами, так что не спорь. Ступай.

Не хотелось затевать спор накануне свадьбы, поэтому в бессильной досаде я смотрела вслед оборачивающимся сестрам и воркующей с моей мамой свекрови, и сжимала разжимала кулаки.

— Злишься? — ГримГайл осторожно откинул мои волосы и поцеловал меня в шею.

— Немного, — призналась я, ежась от щекотки. — Твоя мама...

— Совсем невыносима? — уточнил Бриар.

Свекровь, ступившая как раз на верхнюю ступеньку, недовольно оглянулась. Наверное, исключительный слух герцогу достался от матери.

— Нет, — я вздохнула. — Но много неприятного.

ГримГайл повертел головой и заметил:

— Сменили оформление? — и помолчав, мстительно спросил. — Тебе очень нравится?

Я грустно пожала плечами, не понимая, к чему он клонит, и тут кроваво-красные рюши, украшавшие стены, вспыхнули, и за секунды сгорели дотла.

— Бриар! — завизжала взбешенная свекровь, но мы, взявшись за руки, от справедливого возмездия скрылись.

В последние дни мы виделись очень мало, зачастую, Бриар прилетал на несколько минут, чтобы просто увидеть меня. Слишком много у ГримГайла было дел, которые он спешил уладить до свадьбы.

Тела Одаренных извлекли из-под обломков. Мой тайный страх, что кто-то из них выжил и захочет отомстить, наконец, улетучился. К сожалению, камень не нашли — возможно, он разрушился от огня или удара, а может быть, кто-то взял его себе. Стоит надеяться, что сделал это несведущий человек, иначе мы рискнем в скором времени услышать о камне вновь.

Верхушка же общества Королевства эгидов пала. Стихийно возникшее движение, начавшееся после смерти Сардонета, переросло в настоящую революцию, закончившуюся свержением Варвальфа и назначением нового правителя. По заверению Бриара, избранный глава государства — серьезный, немолодой уже мужчина по имени Кьеро, разительно отличается от слюнтяя Варвальфа. Взяв управление в свои руки, Кьеро учредил новые органы, назначил на главенствующие посты наиболее уважаемых, а не богатых людей и приступил к широкому реформированию всех сфер жизни. Совместно с новым правительством, ГримГайл занимается урегулированием международных соглашений, утративших силу с исчезновением Королевства эгидов и рождением Республики Эгидии.

Женщинам предоставили равные с мужчинами права, но, конечно, вот так сразу никто не перестал смотреть на них сверху вниз. Эгидам на пути к собственной терпимости предстоит слишком многое преодолеть, но главное, что начало уже положено.

— Ты вернулся насовсем? — я улыбнулась, рассматривая Бриара, и не удержавшись, пальцем провела по его бровям.

Бриар поймал мою руку и прижался к ней губами.

— Вполне возможно, что скоро меня отправят в очередную командировку. Но пока что да, я вернулся.

— Главное, чтобы ты был на свадьбе, — ехидно заметила я.

— Не думаю, что с этим возникнут проблемы — король-то на ней тоже будет.

— Надеюсь, в следующую командировку ты возьмешь меня с собой? Или хотя бы отправишь маму домой?

— Ты знаешь, после твоего посещения эгидов скажу сразу, Ее Светлости у нас в гостях задерживаться не стоит.

— Значит, перевороты в союзных государствах пока не нужны? — мы рассмеялись. Немного помолчав, я призналась:

— Мне немного страшно. — Столько гостей, завтра прибудет королевская чета... Бриар

быстро поцеловал меня в подбородок.

— На свадьбе важны только ты и я, а большая часть гостей просто фоновая масса, о которой не стоит и задумываться. Понимаю, что может быть тяжело, и прости меня

— такое количество безразличных нам и к нам людей дань титулу. Тебе стоит развеяться. Как насчет девичника?

Я вспомнила стайки разномастных девиц, прибывших одними из первых, побледнела и быстро сказала, замотав головой:

— Не очень хочется.

ГримГайл взглянул на меня, и, по-видимому, все понял.

— Прикажу подготовить все в саду. Только ты и твои сестры. И будь уверена, — голос ГримГайла стал жестче. — Вам никто не помешает.

Небольшой девичник и впрямь меня успокоил. В маленькой беседке на заднем дворе замка сестры и я до полуночи говорили обо всем на свете, и мои страхи по поводу свадьбы и совместной с герцогом жизни утихли. С Дарлайн же мы как в детстве улеглись в одну кровать и дурачились до самого рассвета.

Как ни странно, проснулась я не с красными опухшими глазами и вполне отдохнувшая, но, как водится, взбудораженная. Несколько помощниц, два часа подготовки и, наконец, перед зеркалом предстала невеста.

Пышное платье из белоснежного атласа с многослойной юбкой, вышитым корсетом и кружевами придавало мне неповторимое изящество. Ни в одном платье я не выглядела так легко и элегантно. Эффектное декольте сердечком прикрывало грудь, и вместе с тем прибавлял моим не слишком округлым формам необходимую плавность.

Длинная, почти воздушная фата в обрамлении тонких кружев, повторяющих рисунок корсета, ниспадала от моей прически к лицу, и красиво ложилась на пол у моих ног. По задумке, вслед за мной на пути к алтарю шлейф фаты должны были нести Лола и Кади — дочери Корпилд. Девочки уже давно знали о своей почетной обязанности и поэтому ждали свадьбы, наверное, даже больше, чем я.

Вопреки моде столицы макияж я почти не использовала, и девушек, которых прислала герцогиня именно для нанесения на мое лицо тонн краски (я не преувеличиваю, их хищные напомаженные лица и чемоданы с пудрами и кремами говорили о многом), отослала прочь.

Дождавшись мою семью, женская, да и мужская часть которой прослезилась, я спустилась в украшенный холл и уже здесь, стоя перед последней преградой на пути к любимому, чего-то опять испугалась. Но меня ласково взяла за руку мама и, заглянув в мои глаза, тепло сказала:

— Каждая невеста, шествуя к алтарю, дрожит и сомневается. Но если идя по дорожке к своему жениху ты будешь видеть только его — это верный выбор, и поворачивать в угоду глупым фантазиям в другую сторону не стоит. Если же взгляд твой будет цепляться за кого и за что угодно, то только подай знак и мы тут же заберем тебя домой.

Уставший ждать виконт (он никогда не отличался терпением), толкнул дверь, ведущую в задний двор, и глазам моим предстал сад, украшенный арками, цветами и лентами. На белоснежных скамьях сидели гости, начинаясь на ступенях, вперед вела белая с красными узорами дорожка, а в конце ее меня уже ждал Бриар. Я взглянула на герцога и все, абсолютно все, кроме его светящегося радостью лица потеряло свой смысл.

Я шла, и лишь где-то на краю сознания понимала, что шлейф за мной несут племянницы, следом за нами, согласно традиции, идет вся моя семья, лица гостей и вовсе

ускользали от внимания. Сомнений в моей душе не осталось и капли.

Свою клятву герцог произносил, держа мои руки и говоря тихо, только для меня. Наша семейная жизнь лишь для нас, поэтому громыхание слов, напоказ, были лишними.

— Клянусь ни словом, ни делом не обижать тебя, моя Лора, моя драгоценная. Слезы твои, обещаю осушать прежде, чем сорвутся они с ресниц. Как пламя правды всегда гореть будет любовь моя, опорой и надеждой станет она нам. Не усомнюсь в тебе и в себе не дам усомниться ни на секунду. Я — Бриар Джереми Джозеф ГримГайл, счастлив назвать тебя, Лорелла Аманда УолтВисби своей женой, и заявляю об этом присутствующим и всему свету.

Гости, которым были адресованы только последние слова, захлопали и скоренько установили тишину, надеясь расслышать хотя бы мою клятву. Я улыбалась, и слова моей клятвы лились из глубины души, сменяя заготовленные:

— Клянусь быть тебе верной женой, Бриар. Буду счастлива любить тебя, принадлежать тебе, рожать и воспитывать твоих детей. Буду верить в тебя и верить тебе, никогда не упрекая и не злясь. Теперь мы — одно целое, — я повысила голос. — Потому что я — Лорелла Аманда УолтВисби наконец-то называю тебя своим мужем, и заявляю об этом присутствующим и всему свету.

Больше книг на сайте - Knigolub.net